

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3

1 9 6 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
МАЙ—ИЮНЬ

3
1967

СОДЕРЖАНИЕ

- И. С. Конев.* Боевое содружество Советской Армии и Войска Польского в борьбе за освобождение Польши от фашистской оккупации 3
- Е. И. Рябова.* Словенская революционная поэзия 20-х годов. 12
- Генрик Ловмянский (ПНР).* Взаимные отношения Польши и Руси в средние века 22
- В. Марьина, Г. Мурашко.* Техническое перевооружение сельского хозяйства Чехословакии в 1948—1960 гг. 33
- Л. А. Зарубин.* Сходные черты зоолатрии и перехода к антропоморфизму у индоарийцев и славян 45

СООБЩЕНИЯ

- С. Ш. Гринберг.* Иностраный капитал в промышленности Болгарии в конце XIX в. 53
- А. С. Соколовская.* Лексическая типология говоров и этноязыковое разграничение Припятского Полесья 60
- В. В. Някий.* О побеге Ярослава и Пелагии Домбровских 67
- Р. А. Симонов.* Применялся ли знак Y в записи числа в Енинском апостоле XI века? 75

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
Рецензии

- Н. Д. Смирнова, В. К. Волков.* Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты, 1933—1938 77
- В. А. Дьяков.* Новые книги о польско-белорусских, белорусско-литовских и русско-польских связях второй половины XIX в. 79
- В. К. Воляков, Д. Сирков.* Българската работническа партия в защита на националната независимост на България (1 септември 1939 — 1 март 1941) 80

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>И. И. Костюшко.</i> Krzysztof Groniowski. Kwestia agrarna w Królestwie Polskim 1871—1914	83
<i>М. В. Гурьева.</i> Трендафила Ангелова. Борба за младежко антифашистско единство в България	84
<i>М. Ф.</i> Каталог выставки, посвященной 300-летию книги Ивана Лучича	85
<i>Л. С. Кишкин.</i> По следам пушкинских материалов в Чехословакии	86
<i>И. К. Горский.</i> К вопросу о белорусско-польских литературных связях	91
<i>Ю. Богданов.</i> J. Felix. Harlekyn sklonený nad vodou	93
<i>Н. Богомолова.</i> Ю. И. Крашевский в свете переписки с друзьями	94
<i>Г. К. Венедиктов.</i> Славянские языки в «Определителе языков мира по письменностям»	95
<i>М. И. Ермакова.</i> H. Popowska-Taborska. Dawne pogranicze językowe polsko-dolnoślązuckie (w świetle danych toponomastycznych)	98

Библиография

Книги о современном положении, истории, культуре и языках зарубежных славянских народов, вышедшие в СССР в 1966 г.	100
Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях	104
Содержание иностранных журналов	107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>С. Антонюк.</i> Научная сессия историков УССР и ПНР	112
<i>Н. Данилова.</i> Симпозиум по проблеме «Генезис капитализма, национально-освободительное движение и формирование национальной культуры в славянских странах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)»	113
<i>Д. Белкин.</i> Славяноведение на гуманитарных кафедрах вузов города Горького	114
<i>Б. А. Зильберт.</i> Филологи-слависты Саратова к VI Международному съезду славистов	117
<i>Ю. Р.</i> В Дантовской комиссии АН СССР	118
<i>А. Соловьева, Р. В. Зенин, Н. С. Захарьина, Л. С. Снегина.</i> Защита диссертаций	119
<i>П. А. Дмитриев.</i> На филологическом факультете ЛГУ	121

Научная жизнь за рубежом

<i>Роман Мразек</i> (ЧССР). Международный симпозиум в Брно по структурным типам славянского предложения	121
<i>Ярослав Шидак</i> (СФРЮ). На историческом отделении философского факультета Загребского университета	125
<i>И. М. Шептунов.</i> Юбилей Климента Охридского в Болгарии	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. БАРАСЕВ, В. Д. КОРО ЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ
 Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубинковский пер., д. 30а. Телефон Б 1-27-40

И. С. КОНЕВ
Маршал Советского Союза

БОЕВОЕ СОДРУЖЕСТВО СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО В БОРЬБЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛЬШИ ОТ ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Войско Польское, родившееся в суровые годы второй мировой войны как боевой союзник и верный друг Советской Армии, прошло славный боевой путь. Оно выросло, закалилось и окрепло в упорной и мужественной борьбе польского народа с гитлеровскими оккупантами, в огне революционной борьбы за народную власть, за новую социалистическую Польшу.

В мае 1942 г. в глубоком подполье, в обстановке жесточайшего гитлеровского террора Польская рабочая партия создала для активной вооруженной борьбы с гитлеровскими оккупантами свою военную организацию — Гвардию Людову. Особенно широко партизанское движение развернулось в восточных районах Польши, прежде всего в лесах Люблинщины. Во второй половине 1942 г. там базировались отряды имени Т. Костюшко, Я. Домбровского, Ф. Дзержинского, Л. Варынского, А. Мицкевича, Я. Каминьского и другие. Уже в ходе первых боев народных партизан польско-советское боевое содружество приобрело большое политическое и практическое значение. Во многих отрядах Гвардии Людовой сражались советские солдаты и офицеры, бежавшие из фашистского плена. Польский народ с благодарностью вспоминает советского офицера Федора Альбрехта («Федю») и Петра Финансова, которые были командирами отрядов. В 1942 г. на польской земле сражались и советские партизанские отряды. Они тесно взаимодействовали с отрядами Гвардии Людовой, успешно проводили совместные боевые операции.

Боевые действия, осуществляемые Гвардией Людовой во взаимодействии с партизанскими отрядами других подпольных организаций, укрепляли связи Польской рабочей партии с патриотическими и демократическими силами польского общества. По инициативе Польской рабочей партии на рубеже 1943—1944 гг. в подполье была образована Крайова рада народов, явившаяся зародышем народной власти будущей свободной Польши. Крайова рада народов создала Армию Людову, ядром которой стала Гвардия Людова. В Армию Людову влились и многие отряды других подпольных военных организаций.

В связи с созданием Армии Людовой генеральный секретарь Польской рабочей партии Владислав Гомулка говорил тогда: «Сегодня нам уже недостаточно только сражающихся отрядов солдат Гвардии Людовой и тех, кто стихийно поднялся на вооруженную борьбу с оккупантами. Се-

годня обстановка диктует и требует, чтобы в эту борьбу включились все организованные демократические прогрессивные силы польского народа, все те военные формирования и те польские патриоты, которым дорого будущее Польши. Их место в рядах Армии Людовой. Будущее Польши требует от всех демократически мыслящих солдат и граждан страны радикального разрыва с политикой реакции.

Собранное всеми военными организациями оружие может быть правильно применено только сегодня. Ибо именно сегодня имеются наиболее благоприятные условия для развертывания широкой вооруженной борьбы с оккупантами. Польскому народу необходима организованная, сражающаяся против врага вооруженная сила, чтобы приблизить конец войны, пресечь поток истребления польского народа гитлеровским зверем, завоевать свободу и независимость...».

С образованием Крайовой рады народной и Армии Людовой начался высший этап освободительного движения польского народа — массовая вооруженная борьба с немецко-фашистскими захватчиками. Это означало полный провал политики польского эмигрантского правительства, занимавшего позицию выжидания, призывавшего стоять «с оружием к ноге», отказавшегося использовать на советско-германском фронте польскую армию под командованием генерала Андерса, сформированную на территории СССР. Не следует забывать и того, что Советский Союз передал этой армии значительные материальные и финансовые средства, столь необходимые ему самому в момент, когда вражеские войска были на подступах к Волге и Кавказу. Жизнь уже давно перевернула драматическую страницу истории советско-польских отношений, связанную с именами Андерса и других представителей реакционных сил старой Польши.

Сотрудничество патриотических сил Польши с Советским Союзом в 1944 г. значительно укрепилось. В Советский Союз через линию фронта прибыла полномочная делегация Крайовой рады народной. Правительство СССР признало Крайову раду народов единственным полноправным представителем польского народа и стало оказывать еще большую помощь сражающейся стране.

Развертывание массовой вооруженной борьбы в Польше сопровождалось совершенствованием организации Армии Людовой. Происходило объединение отдельных групп, отрядов, частей в партизанские бригады, насчитывающие по 1000 и более человек. В формировании Армии Людовой большую помощь оказали советские специалисты. Важную роль в ней играли отряды, подготовленные Польским Штабом партизанского движения, созданным в 1944 г. в Советском Союзе. От партизанского штаба Армия Людова получила подкрепление — пять новых партизанских бригад, развернутых в Польше. В 1944 г. Армия Людова уже имела в своем составе 16 партизанских бригад и несколько отрядов. Она представляла собой крупную вооруженную силу, насчитывавшую в своих рядах около 60 тыс. человек.

Народные мстители выполняли важные боевые задачи. Они пускали под откос и взрывали поезда, которые шли из Германии на восточный фронт, вели бои с фашистскими частями, гитлеровской полицией и жандармерией, дезорганизуя этим вражеский тыл. Отряды Армии Людовой провели с гитлеровцами 453 боя, взорвали 465 поездов, уничтожили около 4 тыс. вагонов, 61 мост и 55 железнодорожных станций. На территории оккупированной страны появились целые районы, контролируемые Армией Людовой.

Советские и польские партизаны на территории Польши оттягивали большие силы гитлеровцев: в отдельных боях участвовало до 10 тыс. партизан.

В июле 1944 г. Крайова рада народов объединила Армию Людову с регулярными польскими частями, сформированными на территории СССР, в единое Войско Польское. В результате в бурные месяцы лета и осени 1944 г. польская демократия имела в своем распоряжении новую массовую армию.

Составной частью Войска Польского явилась Польская армия, созданная в СССР. Еще весной 1943 г. польские коммунисты, оказавшиеся в нашей стране, создали антифашистскую организацию польской эмиграции в СССР — Союз польских патриотов. Польские демократы решительно осудили политику реакционного эмигрантского правительства и обратились к Советскому правительству с просьбой разрешить формирование воинских частей. Их просьба была удовлетворена. По инициативе Союза польских патриотов на территории СССР началось формирование польских демократических регулярных воинских частей и соединений. Недостатка в людях не было. Как известно, тысячи польских граждан в дни гитлеровского разбойничьего нападения на Польшу в сентябре 1939 г. покинули свои родные места и нашли убежище в Советском Союзе. Многие из них стремились сражаться против немецких фашистов в одном строю с воинами Советской Армии. И такую возможность они получили.

Вначале была создана 1-я польская дивизия, которой было присвоено имя героя польского народа — Тадеуша Костюшко. Формирование дивизии началось 14 мая 1943 г. в районе Сельцы Рязанской области, куда со всех уголков Советского Союза стекались поляки-добровольцы¹. Уже через месяц дивизия насчитывала более десяти тысяч человек. После короткой, но напряженной боевой подготовки дивизия была готова к выполнению боевых задач. 15 июля 1943 г., когда шли упорные бои под Курском и Орлом, польские солдаты-костюшковцы дали присягу-клятву земле польской и польскому народу, присягу верности польско-советскому братству. «Присягаю соблюдать союзническую верность Советскому Союзу, который дал мне оружие для борьбы с нашим общим врагом, клянусь сохранять братство по оружию с союзной Красной Армией». Эту свою торжественную клятву славные польские воины с честью выполнили.

1-го сентября дивизия отбыла на Западный фронт и вошла в состав 33-й армии. 12 октября 1943 г. она получила свое первое боевое крещение. Наступая совместно с советскими войсками Западного фронта, дивизия прорвала сильную, заранее подготовленную оборону гитлеровцев под Ленино, в районе Орши, и вбила глубокий клин в его позиции, овладев намеченными рубежами. Костюшковцы в этом бою показали образцы революционной отваги. За проявленные мужество и отвагу в боях под Ленино 239 польских солдат и офицеров были награждены советскими орденами и медалями. Капитан Ю. Гюбнер удостоился высокого звания Героя Советского Союза. Это звание посмертно было присвоено капитану В. Высоцкому и Анеле Кшивонь.

В ознаменование победы под Ленино в Польской Народной Республике была учреждена медаль «Отличившимся на поле славы».

Сражение под Ленино имело большое значение в борьбе польского народа за национальное освобождение. Весть о славной победе костюшковцев быстро облетела всю оккупированную Польшу. Эта победа воодушевила польских патриотов на новые героические подвиги в борьбе с фашистами.

Трудящиеся белорусского местечка Ленино и окрестных сел воздвигли памятник польским воинам из дивизии имени Т. Костюшко, павшим в

¹ «История Польши», т. III. Изд-во АН СССР, 1958, стр. 599.

боях на советской земле в октябре 1943 г. Каждый год 12 октября у братской могилы, где покоятся останки костюшковцев, проводятся траурные митинги.

Вслед за 1-й дивизией на территории СССР были сформированы другие соединения и части, преобразованные в августе 1943 г. в 1-й корпус польских вооруженных сил в СССР. Этот корпус насчитывал 40 тыс. человек. К моменту освобождения Польши польские вооруженные силы в СССР развернулись в 1-ю Польскую армию, насчитывавшую 96 тыс. человек.

В ходе Великой Отечественной войны летом 1944 г. и весной 1945 г. на территории Польши происходило грандиозное наступление Советской Армии, имевшее целью разгром основных сил немецко-фашистских армий и оказание помощи народам Европы в освобождении от фашистского ига. В 1944 г., с июля по октябрь, проводились Белорусская и Львовско-Сандомирская наступательные операции, в ходе которых была освобождена часть территории Польши к востоку от Вислы и Нарева. В 1945 г., с января по май, были успешно проведены Висло-Одерская, Восточно-Прусская, Восточно-Померанская, Верхне- и Нижнесилезские наступательные операции, в результате которых была полностью освобождена Польша. А Берлинской и Пражской операциями была закончена война в Европе.

Надо прямо сказать, что таких гигантских сражений, которые развернулись на территории Польши, не было в истории войн. Только в период проведения Висло-Одерской операции два фронта — 1-й Белорусский и 1-й Украинский — имели общую численность войск 2400 тыс. человек, что позволило достигнуть крупных успехов в разгроме главных сил немецко-фашистских групп армий «Центр» и «Северная Украина».

Теперь кратко остановлюсь на действиях 1-го Украинского фронта, которые разумеется, я лучше всего знаю. Как командующий фронтом я отвечал за него, все крепко прочувствовал и храню в памяти ратные труды моих боевых товарищей-однополчан при освобождении Польши.

Войска фронта и прежде всего 1-я гвардейская танковая армия под командованием генерала Катюкова, 3-я гвардейская армия под командованием генерал-полковника Гордова и 13-я армия под командованием генерал-полковника Пухова, развивая наступление в западном направлении, 19—20 июля форсировали р. Буг и р. Сан и вступили на территорию юго-восточной части Польши.

В ходе Львовско-Сандомирской операции было нанесено тяжелое поражение группе армий «Северная Украина»: 40 вражеских дивизий и одна бригада были разгромлены, из них 8 дивизий и одна бригада уничтожены в Бродском котле. Войска фронта продвинулись на запад на 350 км, освободили всю Западную Украину и юго-восточные районы Польши, форсировали р. Вислу в районе Тарнобжег, Баранув, захватив крупный (до 75 км по фронту и до 60 км в глубину) плацдарм в районе г. Сандомира. В захвате, расширении плацдарма и отражении танковых атак противника участвовали три общевойсковые армии (3-я гвардейская, 5-я гвардейская, 13-я) и три танковые (1, 3 и 4-я). Враг сосредоточил большую группировку войск, чтобы столкнуть советские войска с плацдарма, но все его попытки не имели успеха.

В последующем сандомирский плацдарм сыграл большую роль, став исходным районом для крупной наступательной операции по освобождению южной части Польши и Силезского промышленного района и наступления на Берлин.

Большую помощь в укреплении сандомирского плацдарма, восстановлении дорог и мостов оказывало местное население. Вот один из при-

меров этой помощи. При строительстве моста через р. Вислу военному инженеру Ключникову указал место, где выгодно строить мост, поляк Ян Славинский.

— Цо пан шука? — спросил стоявший на дамбе поляк. Ключников не стал скрывать от него цели своих поисков. «Дроги пане офицеже, — улыбнувшись сказал поляк, — трудно было будовать мост от русского сердца до польского сердца, але и он збудован, а мост за Вислу, проше пана, — в наших ренках». Поляк, взяв длинный шест, показал место, где еще до войны польскими инженерами была изыскана трасса. Работа закипела. Поляк Ян Славинский работал рядом с русским воином Иваном Кашириным и другими неутомимыми тружениками.

В итоге стратегического наступления, развернувшегося летом 1944 г. в Белоруссии и на Западной Украине, советские войска, в составе которых действовала 1-я Польская армия, продвинулись на запад на 350—600 км и освободили почти все польские земли к востоку от Нарева и Вислы.

В ходе освобождения польского народа от гитлеровских оккупантов советские воины проявили не только военное мастерство в разгроме и изгнании врага, но и высокий гуманизм, братское отношение к польскому населению. Это наглядно проявилось как в спасении исторических, культурных и научных ценностей древней польской столицы — города Кракова, так и в сохранении экономически важного для Польши Силезского промышленного района, который остался совершенно не разрушенным и был передан буквально «на ходу».

Развертывание вооруженных сил молодой Польской Народной Республики происходило при всесторонней братской помощи Советского Союза. В ходе войны правительство СССР передало в распоряжение Войска Польского свыше 400 тыс. винтовок и автоматов, свыше 19 тыс. пулеметов, 4800 минометов, около 6800 орудий, свыше 500 танков, 630 самолетов, большое количество боеприпасов, горючего, продовольствия и обмундирования².

По просьбе польских друзей советское командование направило в польскую армию большую группу офицеров. Командированные в Войска Польское на руководящие посты или в качестве инструкторов-специалистов, советские офицеры оказывали значительное влияние на строительство вооруженных сил Народной Польши и формирование нового офицерского корпуса. В период боевых действий советские офицеры составляли примерно половину офицерского состава Войска Польского. По мере подготовки польских кадров советские офицеры отзывались из Войска Польского и возвращались на Родину.

Вместе с Советской Армией соединения Войска Польского принимали активное участие в боях за освобождение Польши от гитлеровских оккупантов. 1-я Польская армия под командованием генерала С. Поплавского, входившая в состав 1-го Белорусского фронта, участвовала в освобождении Варшавы, в прорыве сильно укрепленной линии обороны гитлеровцев — «Поморского вала», вела бои за Колобжег, а на заключительном этапе войны участвовала в Берлинской операции. Упорные бои с гитлеровцами вели также 2-я армия Войска Польского под командованием генерала К. Сверчевского, принимавшая участие в Берлинской и Пражской операциях в составе 1-го Украинского фронта.

Мне хорошо памятли условия, в которых сражалась 2-я армия Войска Польского в Берлинской операции. Произведя в ночь на 23-е апреля перегруппировку своих войск и нацупав стык между 52-й армией генерала Коротеева и 2-й Польской армией, герлицкая группировка гитле-

² «Очерки истории Народной Польши», «Наука», 1965, стр. 22.

ровцев, наступая вдоль реки Шпрее, нанесла удар по 48-му корпусу армии Куротеева. Общее направление ее ударов шло на Шпремберг. Допуская, что немецкое командование точно не знало о ликвидации шпрембергской группировки и стремление соединиться с нею сыграло свою роль в направлении удара. Во всяком случае, если бы мы своевременно не покончили со Шпрембергом и со всем, что там было, на нашем левом фланге создалось бы, не скажу — критическое, но достаточно сложное положение. С утра ударная группировка немецких войск — две дивизии и около ста танков — перешла в наступление, прорвала фронт 48-го корпуса 52-й армии, продвинулась к северу на двадцать километров и вышла в тылы 2-й Польской армии.

Часть дивизий Польской армии, правым флангом примыкавших к армии Жадова, успешно продвигалась в это время на запад, а на ее левом фланге удар немецкой группировки пришелся по самому чувствительному месту — по тылам, вдобавок сильно растянувшимся и находившимся в это время в движении. В результате этого удара было нарушено боевое взаимодействие некоторых соединений и связь между ними. Такая обстановка была бы сложной для любой прошедшей долгий боевой путь армии. Тем более была она чувствительна для 2-й Польской армии, так как Берлинская операция была первым сражением, в котором она участвовала. Тем не менее польские воины проявили большое мужество и после некоторого замешательства в первый момент прорыва, перевернув фронт, дрались с возрастающей стойкостью и отвагой.

В связи со сложившейся обстановкой я принял меры, чтобы ликвидировать прорыв, а в дальнейшем — полностью разгромить герлицкую группировку немецких войск. Я понимал, что, предпринимая этот довольно сильный фланговый контрудар, немецкое командование стремилось создать кризисную обстановку на всем левом фланге наших войск и повлиять на ход операции на главном — Берлинском — направлении. Но такая задача была уже ему не по силам.

Кризисного положения немецко-фашистскому командованию создать не удалось. Контрудар не вызвал ни малейших изменений в наших основных планах. Мы правильно сделали, не пожалев сил и средств на ликвидацию обеих немецких группировок на флангах нашего прорыва — шпрембергской и коттбусской. Если бы мы затянули с этим, то контрудар герлицкой группировки был бы гораздо чувствительнее для нас. А сейчас этот удар уже запоздал. Для разгрома герлицкой группировки нам уже не надо было ослаблять свои силы, наносившие удар по Берлину. Оценкой реального положения и были продиктованы мои решения.

Через сутки, к вечеру 24-го апреля, войскам 2-й Польской армии, 52-й армии, двум корпусам 5-й гвардейской армии и танковому корпусу удалось приостановить наступление противника, который успел продвинуться в направлении Шпремберга на тридцать три километра. В результате ожесточенного сражения к вечеру 24 апреля наступление герлицкой группировки противника было остановлено.

Говоря о первом, неудачном для нас, периоде этих боев, я уже упоминал о недостаточном опыте и недостаточной обстрелянности 2-й Польской армии. К этому надо добавить, что командарм 52-й генерал Куротеев, вообще-то говоря, боевой и опытный командующий, в данном случае не проявил достаточной заботы о стыке с 2-й Польской армией, что и привело к прорыву противника. Впрочем, справедливости ради следует сказать и то, что армия у генерала Куротеева в этот период была небольшой и противник на участке прорыва в несколько раз превосходил его в силах.

Направление и сила немецкого удара заставляют вспомнить и еще

об одном обстоятельстве, имевшем, несомненно, политическую окраску. Когда перед началом Берлинской операции польские солдаты, сменив часть сил 13-й армии, занимали передовые траншеи, то противостоявшие им немецкие, в том числе и эсэсовские, части пришли в бешенство и не скупилась на яростные выкрики и всякого рода угрозы. Видимо, им нелегко было примириться с тем, что те самые поляки, которых они в течение шести лет третировали как «низшую расу», наступают теперь на Берлин. Это настроение, к тому же подогреваемое, видимо, сверху, сыграло свою роль и в стремлении нанести удар именно по польской армии, и в той ярости, с которой велось это наступление, и в том количестве сил, которое в этот критический для них период немецкое командование сумело сосредоточить именно на этом участке.

И когда во взаимодействии с нашими войсками именно польские воины под командованием генерала Сверчевского, героя гражданской войны в Испании, нанесли сокрушающий удар герлицкой группировке, это вызвало у меня чувство двойного удовлетворения: кроме естественной радости победы, было и ощущение справедливого возмездия. Полагаю, что этот пример торжества боевого содружества заслуживает внимания советских и польских писателей.

В боях с немецкими фашистами крепла братская боевая дружба советских и польских воинов. Большой боевой путь — от белорусского местечка Ленино до Эльбы — они прошли рядом, в одном боевом строю, мужественно сражаясь с гитлеровскими захватчиками.

Тринадцать раз отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР боевые успехи Войска Польского. 23 соединения и части Войска Польского награждены советскими орденами. В дни общей борьбы против гитлеровских захватчиков советские и польские воины сражались вместе, как верные товарищи по оружию. Но сегодня наше братство и наше единство стали и много шире и гораздо крепче.

За послевоенные годы трудящиеся Польши, идя по пути социализма под руководством Польской объединенной рабочей партии, не только залечили страшные раны войны и ликвидировали вековую отсталость, но и превратили свою страну в передовую индустриально-аграрную державу.

Строя социализм, польский народ отдает себе отчет в том, что есть в мире силы, а особенно реваншисты ФРГ, которые вынашивают бредовые планы развязывания войны против Советского Союза и других стран социалистического лагеря. Перед лицом военной опасности Польская Народная Республика вместе со всеми братскими социалистическими странами предпринимает необходимые меры для укрепления оборонной мощи своей страны и всего социалистического лагеря. Этому благородному делу служит Варшавский договор, заключенный в мае 1955 г., создающий для всех его участников гарантию безопасности и целостности их территории.

Войско Польское — детище Народной Польши — бдительно стоит на страже завоеваний социализма.

Давая оценку Войску Польскому, Министр национальной обороны ПНР маршал Польши Мариан Спыхальский указывал:

«Наша армия организована в соответствии с требованиями современного военного искусства, при использовании помощи и всестороннего опыта первой и самой могучей социалистической армии — Советской Армии, с которой нас объединяет фронтовое братство по оружию... Наша армия сейчас полностью механизирована, насыщена большим количеством самого современного оружия».

Крупные успехи в развитии экономики и культуры Польши положительно сказываются на призывном контингенте Войска Польского. В вооруженные силы сейчас приходит политически подготовленная грамотная молодежь, обладающая техническими знаниями и навыками использования современной техники. Все это способствует лучшей подготовке солдат современной механизированной армии, какой является Войско Польское.

Боевая подготовка в Войске Польском строится с учетом требований современной войны.

Командиры, политорганы, партийные и молодежные организации Войска Польского настойчиво борются за высокие показатели в боевой и политической подготовке, за отличное овладение всеми воинами своим оружием и боевой техникой. В частях Войска Польского широко развернулось патриотическое движение за получение звания «Коллектива социалистической службы».

Личный состав Войска Польского воспитывается Польской объединенной рабочей партией в духе преданности своей родине, пролетарского интернационализма, дружбы между народами стран социалистического лагеря и их вооруженными силами. В армии непрерывно растет партийная прослойка.

Войско Польское тесно связано узами братской дружбы и боевого содружества с Советскими Вооруженными Силами и с армиями других стран социалистического лагеря.

В соответствии с Варшавским договором на территории Польской Народной республики временно дислоцируются части советских войск, составляющие северную группу войск. Крепкая боевая дружба связывает личный состав наших частей и соединений с воинами Войска Польского. Между солдатами и офицерами обеих братских армий установились прочные товарищеские отношения. В частях и соединениях группы войск стало традицией устраивать вечера боевого содружества с польскими воинами, проводить концерты художественной самодеятельности, различные спортивные соревнования и другие культурно-массовые мероприятия. Эта повседневная связь имеет огромное значение для организации боевого взаимодействия, обеспечивающего безопасность наших стран.

Советские воины, проходящие службу на территории братской Польши, с большим уважением относятся к местному населению. Они строго соблюдают предписания польского законодательства. Наша боевая дружба с Войском Польским и другими братскими армиями крепнет на полях совместных учений, проводимых по плану Объединенного командования вооруженными силами стран-участниц Варшавского договора. Воины Войска Польского, как и их боевые друзья, продемонстрировали хорошую выучку, умение действовать в сложных условиях.

Большое значение для укрепления дружбы и сотрудничества между советскими и польскими воинами имел визит в Советский Союз в декабре 1962 г. польской военной делегации во главе с Министром национальной обороны ПНР маршалом Польши М. Спыхальским³.

В годы Великой Отечественной войны многим соединениям и частям Советской Армии за участие в освобождении польских городов было присвоено наименование «Варшавских», «Лодзинских», «Краковских», «Познаньских» и др. Между ними и президиумами городских народных советов этих городов установились тесные дружеские связи. Друзья ведут переписку, обмениваются приветствиями по случаю государственных и военных праздников, делятся своими трудовыми и ратными успехами.

³ «Правда», 1962, 18 декабря.

В настоящее время империализм пытается всюду обострить обстановку, усилить напряженность в международных отношениях. Опасный характер носят и его происки в Европе. В этих условиях заботу о судьбах мира проявляют социалистические государства.

Участники совещания государств-членов Варшавского договора в Бухаресте выдвинули конкретные и реалистические предложения об укреплении мира и безопасности в Европе. Принятая ими декларация стала основой международного обсуждения проблемы европейской безопасности.

Однако мы должны учитывать современную обстановку, продолжающуюся войну США во Вьетнаме и другие агрессивные действия правящих кругов США, быть бдительными и держать наши объединенные Вооруженные Силы в постоянной боевой готовности к решительному отпору любому агрессору.

В пламени жестоких боев с гитлеровскими захватчиками, в огне суровых испытаний родилась и закалилась советско-польская боевая дружба. Это боевое содружество растет и крепнет с каждым днем и нет такой силы в мире, которая была бы способна подорвать братскую нерушимую дружбу, основанную на единстве общей цели: строительстве светлого будущего человечества — социализма и коммунизма.

СЛОВЕНСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ 20-х ГОДОВ

Первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция подняли могучую волну национально-освободительного и антикапиталистического движения в Словении. Это существенно сказалось на многих сторонах ее культурной жизни, в частности на литературе: здесь следует иметь в виду и прозу, и драматургию (романы Й. Пахора «Междувластие», 1923; Б. Крефта «Человек среди черепов», 1929; массовая социальная драма Р. Голоуха «Кризис», 1928, и др.), и особенно поэзию.

В 20-х годах наиболее влиятельным направлением в словенской поэзии стал экспрессионизм. Бурные события 1918 — начала 20-х годов, обострение классовой борьбы в этот период обусловили глубокую идейную дифференциацию внутри экспрессионизма. Большая часть его представителей воспринимала кризис буржуазного мира, приведший к трагедии мировой войны, как крах всего человечества и человечности. На почве упадочных настроений распространялись спиритуалистические и анархо-индивидуалистические теории. Игнорировалась познавательная функция искусства, абстракции предпочитались изображению конкретной социальной действительности. Так, А. Водник и другие католические поэты, уходя от реальности, погружались в мир религиозно-мистических переживаний. Представители «космической» струи — М. Ярц и А. Подбевшек, напротив, по-своему активно откликались на реальность, выступая с яростным осуждением буржуазной цивилизации, ввергшей мир в горнило чудовищной войны и превращающей человека в бездушный автомат. Однако их протест носил нигилистический характер и приводил поэтов к разрыву с обществом, к трагической самоизоляции. В их поэзии абстрактно-рациональное начало переплеталось с крайне субъективной образностью (особенно у Подбевшка, увлекавшегося итальянским футуризмом). Эволюция М. Ярца в дальнейшем пошла по линии развития прогрессивных реалистических тенденций.

Принципиально иной характер носило творчество других, связанных с экспрессионизмом поэтов, ставших глашатаями революционных настроений и тесно связанных с рабочим движением. В 20-х годах началось быстрое развитие словенской революционно-пролетарской литературы, давшей в этом десятилетии замечательные достижения в поэзии, а в 30-х годах выдвинувшей плеяду крупных прозаиков во главе с Прежиковым Воранцем и Мишко Кранцем.

Особо выдающаяся роль в революционной словенской поэзии 20-х годов принадлежала Сречко Косовелу. Он прожил очень короткую жизнь — всего лишь двадцать два года (1904—1926). Родился в семье учителя, в Словенском Приморье, захваченном в 1918 г. Италией. Детство поэта прошло в деревне, посреди Краса — обширного каменисто-

го плато, открытого пронзительным ветрам и палящему солнцу, поросшего выжженной травой, редко разбросанными кустами можжевельника и приземистыми соснами. Облик родного плоскогорья с его неласковой природой, требующей особой жизнестойкости от всего живого, с его немногочисленным, работающим народом запечатлелся в пейзажной лирике Косовела, по стилю преимущественно импрессионистической, содержащей богатейшую гамму переживаний: здесь и тоскливое одиночество среди пустынных, серых, осенних холмов, и умиротворенность деревенского вечера, когда возвращаются с поля усталые крестьянки и в домах загораются огоньки очагов, и ликование яркого солнечного дня, и гордое сознание своего родства с этим краем сосен, крепко вцепившихся в каменистую почву, единоборствующих с неуправляемым ветром (символ упорства и жизненной силы). Во всех своих состояниях — и грустных и радостных — природа у Косовела прекрасна, она — неиссякаемый источник поэзии и душевного здоровья, и в рисовавшемся ему новом мире, освобожденном от капиталистической каторги, жизнь человека обязательно должна была сблизиться с жизнью природы.

Литературная и общественная деятельность Косовела развернулась очень рано, еще когда он был учеником Люблянского реального училища. Здесь он пишет стихи, редактирует ученический литературный журнал «Лепа Вида» (1922). В 1922 г. он поступает в Люблянский университет, где занимается историей литературы и искусства и философией. В это время он печатает свои стихи, публицистические статьи и рецензии в различных журналах и газетах. В 1924 г. Косовел организует Цанкаровский литературно-драматический кружок, объединивший прогрессивно настроенных представителей литературной и театральной молодежи; в 1925 г. он становится редактором журнала «Младина», который под его руководством и при сотрудничестве молодых коммунистов приобретает социалистическую направленность.

При жизни Косовела была напечатана лишь небольшая часть его стихов. Издание сборника «Золотой челн», который он в 1925 г. готовил к печати, расстроилось, и значительная часть поэтического наследия Косовела была опубликована посмертно по рукописям.

В одном из первых стихотворений, помещенных в рукописном гимназическом журнале «Ядран» за 1920/21 г., поэт говорит о тех, к кому он испытывает страстное сочувствие и уважение, — о пролетариях, людях с мозолистыми руками и «чистым сердцем», людях, на которых «держится свет». Это юношеское стихотворение вполне может быть названо прологом ко всей творческой деятельности поэта. Вступая в литературу после первой мировой войны, в эпоху крушения многих морально-этических представлений и ценностей, Косовел искал новый нравственный идеал, нового человека, способного построить прекрасный и разумный мир, во всем противоположный старому. В этих исканиях было нечто, внешне объединявшее его с А. Водником и другими представителями религиозно-мистического течения в словенском экспрессионизме — культ Христа, призыв к духовному самосовершенствованию человека. Однако одни и те же понятия у Косовела и Водника наполнялись разным содержанием. Идеальный мир христианской любви Водника был чужд жгучим проблемам реального мира. Косовел же в своей статье о сборнике Водника «Вигилии» (ж. «Видовдан», 1924) писал: «Нужно войти в жизнь, разоблачить эту страшную ложь...»; для него «Христос стал Спасителем только среди людей». Христос для него не абстрактно-мистическая категория, а символ самоотверженной любви к угнетенному, страдающему человечеству.

Нередко в стихах Косовела звучит глубокое страдание, вызываемое ощущением непонятности и одиночества, ощущением диссонанса между

его идеалами и пошлой, жестокой действительностью. Сквозь все творчество Косовела проходит тема смерти. Возникновение ее понятно: поэт был болен туберкулезом. В его стихах звучит то страстная мольба о жизни, то скорбное сознание своей обреченности, то поиски мужественного примирения с неизбежностью конца, то, в минуты усталости и разочарования,— жажда смерти как отдыха и забвения. На этих трагических стихах лежит присущий поэзии Косовела отпечаток мягкой, задушевной человечности и красоты. К личным мотивам присоединяется мотив «умирающей Европы», гибнущей под тяжестью собственных преступлений буржуазной цивилизации, с величественной и мрачной мощью прозвучавший в поэме Косовела «Трагедия на океане» (1925), в которой поэт решает проблему «человек и история», «смерть и бессмертие».

Началом, побеждающим смерть — и в личном и в более широком плане («умирающая Европа»),— была борьба, было сближение с борющимся пролетариатом, вначале эмоциональное, а затем все более глубоко осознаваемое. Об этом он пишет в стихотворении «Равнодушие»:

И я чувствовал, как я слабел,
как я погружался, погружался в маловерие,
когда уходил лишь в себя, в себя, в себя.
Теперь я понял, что лишь тесный союз
и борьба может дать тебе новый размах.

1924—1925 годы — годы наиболее интенсивной творческой деятельности Косовела, время, когда он становится на прочную базу осознанной пролетарской революционности. Время это было трудным — капиталистический строй, пошатнувшийся было в первые послевоенные годы, стабилизировался, компартия была загнана в подполье, рабочее движение пошло на убыль, многие из тех, кого оно вдохновляло в дни своего подъема, разочаровались в нем. («Те, кто переворачивал мир, теперь протрезвились, а те, кто его не переворачивал, такие же болваны, как и были», — саркастически писал Косовел в стихотворении «Тридешатое государство».) И вот в это время Косовел и группа его единомышленников повели в журнале «Младина» новую атаку на позиции буржуазии, утверждая идеи революционного гуманизма, борясь против разного рода идеалистических воззрений в словенской литературе и общественной мысли.

В статьях Косовела, помещенных в «Младине», и лекциях, прочитанных им в эти годы, отчетливо видны становление материалистического взгляда на жизнь, приход поэта к пониманию того, что лишь революционное изменение социальных условий откроет путь к формированию нового, свободного человека. В отношении Косовела к революции боролись два начала: прекраснодушно-утопический, всечеловеческий гуманизм и развивающееся понимание классовой природы общества, необходимости революционного перехода к обществу бесклассовому. Косовела, с его необычайно хрупкой духовной организацией, страшила мысль о насилии и кровопролитии, сопровождающих социальные перевороты. В одной из статей 1924 г. он писал: «Я верю в одну истину: Не убий». Он мечтал о «спасении всех», ибо «на глубиннейшем дне человека нет ни классов, ни наций, а есть лишь глубиннейшая человечность, страдающая со всеми, кто страдает»¹. Однако рядом с этими утопическими представлениями, споря с ними, в сознании поэта жили и картины социальных контрастов, классового гнета (стихотворения «Песня униженных», «У гигантского колеса», «С берега слышу» и др.). Старые кварталы Триеста и Любляны, промозглые и мрачные улочки, голодающие деревни, шахты с их страшным, из-

¹ S. K o s o v e l. «Medvladje» J. Pahorja.— «Slovenski narod», 1924, № 84.

буряющим трудом — отовсюду на молодого поэта смотрят изможденные лица тружеников, вызывая в нем страстный и самоотверженный порыв — помочь:

Тысячи их — я не в силах спать.
Голодный сам я, но этим нищим
Все — о все готов я отдать.

(«Старуха за деревней», перевод А. Суркова)

В 1924—1925 гг. Косовел создает несколько сонетных циклов. В них также выражено его отношение к революции и представление о мире будущего. В «Предобеденном сонете» изображен алчный чревоугодник-буржуй, завладевший всеми благами жизни, олицетворение животной жадности и самодовольства. А мимо идет вереница «больных и бледных», пьяных от голода, обреченных могиле.

В сонете из цикла «Пятый этаж» Косовел укладывает в канонические 14 строк и изображение вопиющего социального контраста и уверенность в том, что блестящий мир богатых держится на гнилых трущобах бедняков — живых мертвецов — и рухнет, как только под тяжестью нищеты рухнут эти трущобы:

Но когда пятый этаж и подвал
прогниют — тогда срушится свет
и придавит смех веселых людей.
Группа солдат с винтовками идет,
и тех над мертвецами охватит ужас —
как бы они могли стрелять?

Поэт, конечно, не мог оставаться на позициях вселенской, надклассовой гуманности. Она переросла в революционный гуманизм, раскрытие античеловечности капиталистического миропорядка и утверждение справедливости классовой борьбы пролетариата.

Косовел, критик буржуазного общества, не ограничивается отображением социальных контрастов, он протестует и против унижения человеческого достоинства, опошления человека, превращения его в духовного мещанина. Одним из сильнейших произведений поэта, в которых звучит этот мотив, является написанное под влиянием конструктивизма, предельно сжатое и исполненное внутреннего драматизма стихотворение «Цирк Клюдского, место № 461»:

Цирк.	впиваются глазами
Галерка.	в ее мягкое тело.
Место № 461.	Аплодируют.
Коломбина	У нее красивые бедра.
раздевается, раздевается.	Волнующаяся грудь.
Все смотрят.	Аплодируют
Никто не видит,	и смеются
что она держится только зубами.	над ее страданием
Она поднимается. Уже под кулолом.	и позором.
Наглые замечания.	Видите — животное
Позорящий смех.	аплодирует человеку.
Теперь она сбрасывает последнюю вуаль. Человек — животное.	
Они смотрят,	

Ощущение непрочности буржуазного порядка, его физического, духовного и культурного омертвения пронизывает поэзию Косовела. Мотивы обреченности старого мира звучат в стихотворении «Экстаз смерти» (1925), в котором воссоздана картина тонущей в крови и в закатном зареве Европы, отягощенной «виной умирания».

Это видение, возможно, навеяно книгой О. Шпенглера «Гибель Запада», где доказывалось, что европейская культура всгупила в свою последнюю, предсмертную фазу. Однако Косовел, упоминая об этой книге в лекции

«Искусство и пролетарий», подчеркивает отличие своей позиции от позиции Шпенглера: «Говоря о гибели Европы, мы имеем в виду гибель разлагающегося капитализма, который, хотя и старается всеми силами сохранить свою власть в Европе, должен будет, как и всякая несправедливость, со временем погибнуть. Так и надо понимать мое стихотворение «Экстаз смерти»². Это подтверждается и стихотворением «Европа умирает», где умирающей Европе, «взбесившемуся мотору прогресса», бешено мчащему прикованного к нему «европейского человека», Косовел противопоставляет встающую Россию.

Понимание античеловеческой сущности старого мира, жажда его гибели и освобождения от его мертвящей власти сочетались у Косовела с беспокойством о судьбах культурных завоеваний человечества. В «Экстазе смерти» вместе с Европой тонут в море крови «золотые башни», «белые купола». И думается, что в процессе отхода поэта от представления о крахе старого мира как об опустошительном катаклизме, в росте его веры в созидательную силу революции определенную роль сыграл опыт Советской России в области строительства культуры. В лекции «Искусство и пролетарий» Косовел говорил: «При том, что вся власть, все политическое руководство страны находится под политической диктатурой большевиков, при том, что все хозяйство постепенно стабилизируется и в ходе стабилизации русской экономики исчезает всякая опасность контрреволюции, Комиссариат народного просвещения работает день и ночь, чтобы распространить в народе настоящую культуру».

Созидательную силу революции Косовел воспевает в стихотворениях 1925 года: цикле сонетов «Красный атом», «Медитациях» и других стихах. Им присуща уверенная, торжественно величавая интонация:

Из всех этих кризисов встанет новая сила,
которая преобразит жизнь
и снова вернет человеку силу,
и все, что будет ложно, сточет во прах.

(«Красный атом», III)

В этих произведениях создается картина будущего общества, «нового храма, блестящего и богатого», который встанет на обломках разрушенного до самых основ старого мира. «Только труд будет указывать человечеству новый путь, и „здоровое поколение“ будет стремиться туда, куда „сердце гения хотело“, т. е. к осуществлению гуманистического этического идеала. Будут воплощены те чаяния, которые народ носил в себе с давних времен, „прошлое встретится с будущим“».

И только так, из древних истоков
Песня о жизни в нас зашумит...
Как новое вино жизни.

(«Медитации», II)

Интересно, что Косовел, всегда стремившийся к природе и передавший в своих стихах томление человека в машинном аду капиталистической цивилизации, отнюдь не выступает «машиноборцем» в своих видениях будущего. Наоборот, достижения техники здесь — символ могущества человека:

О, выпустите в море все пароходы
Пусть взлетят все аэропланы
О, пусть запоют золотые сирены
в сердце человека: «Человек, встань!»

(«Музыка весны»)

² Цит. по кн.: «Razgledi v književnosti 1918—1941». Ljubljana, 1963, s. 22.

Поэтика Косовела — при всей акварельной прозрачности, легкости и музыкальности его стиха — довольно сложна, хотя и совершенно свободна от нарочитой усложненности. По многим приведенным здесь цитатам можно почувствовать, что большая доля смыслового содержания его стихов выражается через образы и ассоциации, складывающиеся в символически-эмоциональные представления, очень обобщенные и широкие.

Косовел пользовался несколькими манерами письма, избирая для каждого сюжета и настроения ту, что наиболее им соответствовала. Его пейзажная и любовная лирика почти вся написана в импрессионистической манере, переплетающей реальные черты объективного мира с впечатлениями и настроениями поэта, придерживающейся классических форм стихосложения. В этих стихах, как и в стихах, посвященных деревне или раздумьям о судьбе словенского народа, нередки фольклорные интонации и образы. Здесь Косовел выступает наследником традиций словенского модерна, и в частности традиций выдающегося лирика Й. Мурна-Александрова. К манере, сложившейся под воздействием поэтики экспрессионизма, Косовел обращается в своей философской и гражданской лирике, где эта поэтика, тяготеющая к высокой степени обобщенности, была эффективна. В поисках формы, которая бы предельно обобщенно и образно выражала противоречия современного индустриализированного мира, Косовел прибегал к поэтике конструктивизма с его «телеграфным стилем, отказом от рифмы, обилием техницизмов. Косовел стремился овладеть приемами новейших течений, не впадая при этом ни в заумь, ни в формализм. В основе поэзии Косовела лежало серьезное, искреннее содержание, стремление сообщить его широкому кругу людей, зажечь их идеями великого дела, которому он служил.

В своих критических работах и лекциях Косовел ставил перед литературой задачу реалистического в своей основе отражения действительности и развития социальной критики³. Поэт не ограничивался требованием правдивости, широкого охвата жизни, социального анализа, но и звал к проникновению в сферы человеческого духа, к насыщению искусства идеалами борьбы против отжившего строя, за общество, основанное на свободном труде.

Лекция «Искусство и пролетарий», с которой Косовел дважды выступал перед рабочими в феврале 1926 г. — во время первого из этих выступлений он простудился, и через три месяца его не стало, — представляет собой манифест пролетарского искусства. В лекции раскрыта антибуржуазная сущность этого искусства, намечены его цели и задачи, в духе марксизма решен вопрос о его отношении к культурному наследству прошлого.

По свидетельству поэта Ф. Альбрехта, товарища С. Косовела по журналу «Младина», на становление социальной темы в лирике Косовела оказало воздействие творчество третьего представителя круга «Младины» Тоне Селишкар. В самом деле, Селишкар с огромной целеустремленностью и энергией создавал именно социальную поэзию, поэзию о суровых буднях рабочего класса, его тяжком труде и нарастающем революционном протесте.

Выходец из рабочей семьи, Тоне Селишкар (р. 1900) — поэт яркого общественного темперамента. Его первые стихи написаны еще в учительской семинарии, где он возглавлял нелегальную антиавстрийскую организацию студентов; автор этих стихов выступает против империалисти-

³ Это признают и словенские литературоведы, например, Ф. Задравец. См. «Razgledi v književnosti 1918—1941», s. 234.

ческой бойни и порабощения Словении. В 1919 г. Селишкар начал учительствовать и вскоре попал в шахтерский поселок Трбовли. Здесь он столкнулся с трагическими картинами нищеты рабочих семей, мучительного труда шахтеров — и со все более активизирующимся рабочим движением. В 1920 г. появляются стихи Селишкара о жизни и борьбе трбовельских шахтеров. Он печатает их в социал-демократических журналах «Крес» («Костер»), «Напрей» («Вперед»), в центральном словенском литературном журнале «Люблянски звон» («Люблянский колокол»). Эти стихи сразу привлекают внимание литературной общественности. Крупнейший словенский поэт Оттон Жупанчич радостно приветствует рождение молодого, самобытного таланта. Вместе с поэтом-футуристом А. Подбевшком Селишкар успешно выступает с чтением своих стихов в рабочих аудиториях.

Поэтическая манера Селишкара, особенно в стихах, вошедших в сборник «Трбовли» (1923), несет на себе печать сильного влияния экспрессионизма. Как справедливо отмечает словенский поэт и критик Ф. Альбрехт, Селишкар «подчинился новому течению гораздо более в области формы, чем в области материала, мотивов и существа»⁴.

Тема нужды, беспросветных будней рабочего поселка, лежащего на дне закопченной долины, тема подневольного труда и революционного протеста раскрылись в поэзии Селишкара по-новому, необычайно экспрессивно, с большим акцентом на предметную, конкретную образность, на действие, нередко — на драматический диалог в стихотворении, на напряженность, концентрацию чувства, на ораторскую интонацию. Жизнь, которую он изображает, мрачна и безрадостна. Мрачна и природа, на которую ложится тень человеческого страдания. Поэт намеренно отвергает благозвучие, избегает каких бы то ни было «красот», ищет красок грубых и кричащих, соответствующих и безрадостной действительности, которую он изображает, и страстности его поэтического темперамента. В некоторых стихах («Две трубы», «Зимнее утро») он стремится создать обобщенно-символический образ трбовельской «печальной долины», юдоли кровавых мук рабочего класса. Это стихи — видения, в которых поэт как бы снимает с вещей их реальное обличье, обнажая их глубинную и притом не какую-либо иную, а именно социальную суть. Так возникают образы фабричных труб — колонн из запекшейся человеческой крови, изрыгающих в небо кровавые брызги-искры. Видения приобретают гигантский, космический характер, внутреннее зрение поэта охватывает всю землю и повсюду видит страшные символы бесчеловечной эксплуатации. В стихах этого плана, наиболее близких к канонам экспрессионизма, построенных на мышлении «вселенскими» категориями, Селишкар обращается к библейским образам (Христос и Антихрист), к абстракциям, вытесняющим живое человеческое содержание («Похоронная процессия с призматическими гробами»). Некоторые из этих стихов, при всем стремлении автора довести отличительный пафос до крайней точки, оставляют читателя холодным: слишком однообразна фактура образов-символов (кровь, раны, пламя). Само по себе обращение поэта к образам такого рода понятно и исторически оправдано. Миллионы жертв, павших в только что окончившейся войне, кровопролитие, сопровождавшее подавление революционных выступлений рабочих и крестьян в странах Европы, стабилизация капиталистического строя, влекущая за собой усиление эксплуатации и духовного гнета, — все это вызывало в воображении многих поэтов 20-х годов картины залитой кровью Европы (С. Косовел), образ израненного человечества

⁴ Предисловие Ф. Альбрехта к кн.: T. S e l i š k a r. Pesmi in spevi. Ljubljana, 1951, s. 11.

и т. п. Однако, как бы порой ни были впечатляющи эти картины, их отвлеченной и однотонной символики не могло хватить надолго. Характерно, что уже в 20-е годы прогрессивная критика (в лице Ф. Альбрехта) предостерегала Селишкара против увлечения абстракциями. Подлинная новизна и самобытность молодого поэта проявились в тех его произведениях, где абстрактно-обобщающий аспект сменяется конкретным изображением жизни шахтеров. Стихи этого ряда содержат реалистические картины жизни рабочих, раскрывают внутренний мир рабочего, духовную атмосферу рабочих поселков. В лучших из этих стихов молодой поэт добился соединения яркого пластического изображения с идейно-эмоциональным подтекстом при чрезвычайной простоте поэтического языка («Кукушка», «Концерт», «День полочки» и др.). В «Кукушке» изображен поезд узкоколейки, везущий шахтеров с работы в поселок. Ощущение тяжести подневольного изнурительного труда поэт передает, не прибегая ни к прямым декларациям, ни к символике. Он основывает все на точно подмеченных реальных деталях. Об усталости, не оставляющей в человеке сил ни на улыбку, ни на раздражение, говорит лаконичная сцена:

Когда мужья уже взбираются, потяя, по откосу,
Жены в тревоге кричат им вслед:
«Эй, старый, в трактор не заглядывай!»
А мужья ни слова! Глаза в землю и молчат.

Для передачи этой неизбежной усталости поэт по-особому строит отношение между образами поезда и едущих в нем шахтеров: паровоз, бегущий по рельсам, как спасающийся от побоев пес, вагоны, толкающие друг друга, как неугомонные щенки, выглядят более живыми, чем недвижно сидящие на скамьях костлявые тела в лохмотьях. Столь важный для экспрессионистической поэзии прием одухотворения в этом стихотворении выступает в совершенно реалистической функции. Одухотворение вещей и явлений принадлежит к числу излюбленных изобразительных средств Селишкара, которым он пользуется для передачи своего обостренного восприятия страданий рабочих. На этом приеме строится «Зимний этюд» — картина природы, пронизанная ощущением нависшего зловещего гнета:

Дубы-великаны стоят тощие, как изголодавшиеся больные,
На хребтах исхудалых, изрытых холмов,
У подножья которых на заснеженных тополях виснут
крики ворон,
Как хохот окрипших дьяволов.

И здесь настолько сильна реальная основа пейзажа, его несомненная материальность, что вплетение нереальных деталей не переносит эту картину в фантастическую плоскость, но лишь усиливает ее эмоциональное воздействие, обогащая ее дополнительными ассоциациями.

В «Трбовлях» Селишкар выступает как певец народного гнева. Финальные строки стихотворения «Концерт»

С обожженной душой я шел по долине,
и братом моим был гнев

могли бы послужить эпиграфом ко всему сборнику. Многие стихотворения Селишкара строятся именно на этом движении от глубокого сострадания, ужаса или скорби к гневу, негодованию.

В стихотворениях «Песня революционеров», «Песня сверлильных станков», «Воскресение» поэт говорит об охватившем весь земной шар революционном движении. Несомненно, гражданской войной в России на-

веян образ красных войск, гонящихся за красной зарей по окружности земного шара, мотив их «нарастающей, приближающейся, захватывающей песни» («Песня сверлильных станков»). Образ «красных войск» родствен «красным эскадронам» Х. Смирненского. В этих стихах Селишकार звучит новый для словенской поэзии мотив всемирной солидарности пролетарских революционеров, «потомков горя» с сердцами, полными героической силы и небывалой верности, «братьев из Европы», «из-за Океана и из-за Урала». Борьбу за освобождение пролетариата поэт изображает в «Песне революционеров» как штурм высочайшей горы мира — Эвереста. Поэт зовет товарищей, «нетерпеливо вырубая ступени в склоне», торопиться, ибо еще далека вершина. Эти «песни», с их торжественно-гимническим ладом, принадлежат к тому жанру, в котором написан примерно за десять лет до «Трбовель» шедевр О. Жупанчича «Песня кузнецов». Исторический опыт этого десятилетия дал возможность Селишкару уже более определенно говорить о пролетарской революции, говорить о ней как о явлении свершающемся и охватывающем весь мир. Тему революции Селишкар раскрывает и в стихах, строящихся на конкретном переживании, живом впечатлении. Так, в стихотворении «Врожденная вражда» поэт рассказывает о том, как в рабочем поселке от него, интеллигента, «барина», разбегаются ребятишки, а какой-то тощий парень бросает ему в спину камень. Подавленность и недоумение, охватившие на момент поэта, молниеносно сменяются радостью:

...О, это вражда, это врожденная вражда
 К белым, сдавливающим шею руками...
 Что из того, что ты на сей раз ошибся!
 Благодарю тебя, тощий парень, мой брат!
 Ибо, когда ты увидишь настоящие белые руки,
 я пойду вместе с тобой
 поднимать скалу,
 чтобы бросить ею в тех, кто сдавливает нам шею —
 о, тощий парень, погляди на мою шею!

Стих Селишкара почти всегда нерифмованный, намеренно угловатый и тяжеловесный. Особую смысловую нагрузку приобретает в нем интонация, ритм, контрасты между короткой и длинной строкой, повторы, звукопись и т. п. Селишкар продолжает одну из новых для словенской поэзии тенденций, введенных Жупанчичем, — тенденцию дополнения «классического» рифмованного стиха и классической строфики свободным интонационным стихом.

Характерная особенность первого сборника Селишкара — исключение каких-либо личных мотивов. Они появляются только во второй его книге — «Песнях ожидания» (1937), знаменуя собою дальнейшее обогащение творчества поэта. В стилевом отношении новый сборник отличается от первого ощутимым ослаблением экспрессионистической окраски, расширением реалистической основы.

Творчество Миле Клопчича (р. 1905), младшего из трех ведущих словенских революционных поэтов, в начале 20-х годов находилось в стадии становления. В это время складываются его коммунистическое мировоззрение и основные черты его поэзии, пронизанной идеей самоотверженного служения революции. М. Клопчич, сын шахтера, активно участвовал в рабочем движении. В 1924 г. он был арестован за распространение «подстрекательских» листовок среди бастующих горняков. В тюрьме он и написал большую часть стихов, вошедших в его первый сборник «Пламенеющие оковы» (1924), который он посвятил Ленину. Лейтмотив книги — призыв к пролетарской революции.

Стилистика «Пламенеющих оков» свидетельствует о том, что молодой поэт многое черпал из поэтического арсенала экспрессионизма, главным образом метафоры, построенные на религиозных понятиях (например, «восстание — это лестница к храму воскресения», «восстание — молитва» и т. п.). Однако, обращаясь ли к этим символам или отыскивая более непосредственные и живые краски, Клопчич всегда выражает содержание, ничего общего не имеющее с религиозно-мистическим мироощущением и, напротив, свидетельствующее о том, что путь и средство освобождения человечества поэт видел в борьбе пролетариата. Очень характерно для Клопчича, как и для Селишкара, качество, существенно отличавшее их от современных им поэтов, которые тоже протестовали против буржуазного общества и томилась жаждой свободы, но при этом ощущали и порою даже возвеличивали свое одиночество: Клопчич и Селишкар все время чувствуют себя борцами неисчислимой армии пролетариев, и в этом черпают и силы, и веру в будущее. Так, Клопчич пишет:

...Одиночества нет, ибо вся вселенная
рождается в тюрьме
на наковальне нашей твердой веры,
преображающей мир.
Сердце хочет лишь вечной свободы,
света весны.
Но свобода возгорится только
на баррикаде.

Особенно характерна для Клопчича увлеченность всемирным размахом революционного рабочего движения. Революции в России и в Германии вдохновляют Клопчича, служат источником мужества. В стихотворении «Встреча в тюрьме» он говорит о том, как пример русских товарищей по борьбе помогает ему выстоять в заключении, сохранить веру в победу:

Привет тебе, брат вольных степей России,
Теперь я силен, как были сильны борцы на баррикадах.
Пойду за тобой.
В душе моей уже нет яда сомнения.

В 20-е годы Клопчич много переводит из немецкой рабочей поэзии, и в это же время начинается его систематическая работа над переводами русских поэтов. Он переводит Есенина, «Двенадцать» Блока (1928)⁵.

Поэзия Клопчича начала 20-х годов отличается от поэзии Селишкара большей обобщенностью и значительно меньшей, чем у Селишкара, силой непосредственного наблюдения. Однако в дальнейшем поэт приходит к полнокровной конкретности в изображении жизни. Его второй сборник «Простые песни» (1934) становится одной из значительнейших вех в словенской поэзии межвоенного периода. Это уже вполне реалистические стихи. Острая социальная направленность, критика реакционного режима, критика той части интеллигенции, что утратила прежний боевой дух, глубокая органическая связь поэта-гражданина с проблемами времени и при этом большая, нежная человечность — таково лицо второго, зрелого сборника Клопчича.

Революционная поэзия 20-х годов была значительным идейным и художественным явлением в словенской литературе, новаторским по своему существу. Развивая традиции своего великого предшественника — писателя-революционера Ивана Цанкара, поэты 20-х годов заложили основы направления, которое к концу 30-х годов заняло ведущее место в словенской литературе. Влияние первой в мире социалистической революции на это направление несомненно.

⁵ В дальнейшем Клопчич становится блистательным переводчиком русской классики (Пушкина, Лермонтова, Крылова и др.).

ГЕНРИК ЛОВМЯНСКИЙ

ВЗАИМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОЛЬШИ И РУСИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

В этой статье я намерен осветить вопрос о польско-русских политических отношениях в эпоху господства этнического принципа, когда границы обоих государств приблизительно совпадали с этническими границами, а попытки нарушить упомянутый принцип не имели большого успеха. Эта эпоха кончилась после присоединения Галичины к Польскому государству в результате долголетних усилий польской политики и военного нажима в 1340—1387 годах.

Рассматриваемая эпоха уходит в седую старину, но это не значит, что она не представляет интереса сегодня. Мысль об актуальности этого вопроса не была чужда уже первому историку, который ставил себе целью рассмотреть польско-русские отношения до их перелома в половине XIV в., а в действительности довел изложение до конца XII в. Это был украинский историк Иван Андреевич Линниченко. В заключении своего труда, сравнивая прошлое с настоящим, он высказал мысль о необходимости сближения русской и польской народностей, а вместе с тем выразил уверенность, «что когда-нибудь пробьет час для устройства жизни на свободных и разумных началах, для широкой автономии личной и местной»¹. Надо думать, что в условиях царской цензуры он не мог формулировать свои убеждения более твердо и смело.

С тех пор появилась обширная литература на польском, русском и украинском языках, в которой были разработаны вопросы взаимных отношений обеих народностей; однако буржуазную науку интересовали главным образом более поздние периоды: польская феодальная экспансия в связи с овладением Великим княжеством Литовским, польско-русские войны XV—XVII вв., а затем экспансия царской России в Речь Посполитую и польские этнические земли. Между тем, более древняя эпоха для нас особенно интересна: тогда развилась славянская государственность, складывались первые отношения между обоими государствами; в их основе лежал тот же этнический народный принцип, который господствует в настоящее время.

К сожалению, не имеется ни одной специальной монографии, охватывающей историю всей этой эпохи. Труд И. А. Линниченко, обстоятельный для своего времени, спустя 80 с лишним лет с момента издания весьма устарел и при том, как уже указывалось, доведен лишь до конца XII в. Только в самое последнее время почти тот же самый период был рассмотрен в небольшой статье С. М. Кучинским, однако уже с учетом обширной литературы предмета, а также результатов археологических иссле-

¹ И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст., ч. I. Русь и Польша до конца XII в. Киев, 1884 (перепечатано из «Университетских известий», Киев, 1883).

дований². Положения автора во многом дискуссионны. Общая характеристика польско-русских отношений у него сходна с выводами Линниченко и еще сильнее подчеркивает «корректность» этих отношений, мирный, в общем, их характер, что, кажется, не совсем соответствует фактам, так как период образования государств и феодальной раздробленности характеризуют нескончаемые внутренние и внешние войны; и польско-русские отношения, по-видимому, не составляли исключения из этого правила. Дело не столько в форме политических отношений, военной или мирной, сколько в цели политических стремлений, в эффективности этнического принципа.

Более подробно рассмотрел ранний период польско-русских отношений В. Д. Корольюк, однако его исследование касается более широкого контекста международных отношений и было доведено до половины XI в.³ Намерение Линниченко довести исследование до половины XIV в. в некоторой степени осуществлено польским историком Б. Влодарским, который после опубликования многочисленных статей по этому вопросу издал монографию о периоде 1194—1340 гг.⁴ Автор осветил только политические отношения, однако его труд отличается тщательностью изложения и содержит богатый фактический материал. Он положительно оценивает развитие польско-русских отношений, указывает на сближение польских и русских князей, на отсутствие антагонистических стремлений.

Вот те немногие обобщающие труды, которые написаны по рассматриваемой проблематике. Громадное большинство научной литературы освещает лишь частные вопросы, к рассмотрению которых мы теперь приступим.

Первый вопрос носит характер, с нашей точки зрения, «предысторический». Касается хода древнейших отношений западных и восточных славян. Можно сомневаться в том, что славяне в очень отдаленное время представляли собой единое племя, единый политический союз. Для этого они были слишком многочисленны и занимали слишком обширную территорию; как известно, уже в I тысячелетии (во второй его половине) до н. э. они жили по течению Одры, Вислы и Днепра. Если допустить, что дифференциация славянского языка совершилась около начала н. э., то нужно думать, что ей предшествовала гораздо более ранняя политическая дифференциация. Согласно Иордану славяне разделялись на три группы: венетов, антов и склавенов. Первые соответствовали западным, вторые — восточным славянам; рубеж проходил приблизительно по Западному Бугу. Но каждая из этих двух групп разделялась, в свою очередь, на несколько племен (племенных союзов). На восточной стороне рубежа, согласно сообщению «Повести временных лет» жило волыньское племя дулебов. Определение его исторической роли вызвало среди исследователей противоречивые мнения. Одни авторы, начиная с В. О. Ключевского, приписывали ему центральную роль среди восточных славянских племен, другие отрицали вообще его существование на Волини, отождествляя летописных дулебов с чешскими дулебами или с предполагаемыми подданными болгарской династии Дулов. Мне кажется, что нет повода сомневаться в достоверности летописного известия о восточнославянских волыньских дулебах, а также об их конфликте с аварами, путь

² «Stosunki polsko-ruskie do schyłku wieku XII». — В кн. S. M. K u c z y Ń s k i. *Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVIII w.* Warszawa, 1965, s. 7—31. Впервые опубликована в ж. «Slavia orientalis», 1958, № 7.

³ В. Д. К о р о л ь ю к. *Западные славяне и Киевская Русь.* М., 1964.

⁴ B. W ł o d a r s k i. *Polska i Ruś 1194—1340.* Warszawa, 1966.

которых на запад шел через Волынь⁵. Менее известно племя, жившее на западной стороне рубежа. По-моему, это были привисленские хорваты, которых нужно отличать от русских прикарпатских хорватов, происшедших от слияния небольшой группы привисленских хорватов с приднепровскими словенами⁶. Часть дулебов и хорватов присоединилась, по-видимому, к аварам, продвигавшимся в западном и южном направлении. Какие-то хорваты участвовали в походе аваров против франконского короля Сигиберта и осели по р. Сале, как свидетельствует об этом название местности Корбега (по Титмару: *Chruvati*). Часть дулебов, принявших участие в аварских передвижениях, переселилась в Чехию на р. Влтаву. Возможно, что тогда же некоторые дулебские элементы проникли на левый берег Буга на территорию хорватов.

По-видимому, начиная с VII в., в связи со стабилизацией славянского населения, среди хорватов и дулебов произошли какие-то внутренние перемены, которые привели к образованию новых племен, присвоивших себе другие названия. Баварский географ (около 845 г.) хранит молчание о хорватах и дулебах, но приводит названия вислян, лендичей (т. е. лендзян) и бужан. Часть польских историков придает большое значение политической роли вислян, живших на верхней Висле: Ю. Видаевич высказал гипотезу, что якобы в IX в. образовалось обширное государство, основанное этим племенем⁷. В действительности большую роль сыграли скорее лендзяне, владевшие, между прочим, так называемыми Червенскими городами, не исключено, что и частью Волыни. Возможно, что с этой русской территории они платили дань киевским князьям, хотя, например, С. М. Кучинский утверждает, что дань платилась с Сандомирской земли⁸. О платеже дани лендзянами Киеву говорит Константин Багрянородный. Однако этот польско-русский пограничный симбиоз, впрочем только гипотетический, длился недолго.

Не можем обойти молчанием некоторые легендарные сообщения о древнейших польско-русских отношениях, а именно: о ляшском происхождении радимичей и вятичей. Многие историки, в особенности польские, полагают, что эти летописные известия соответствуют действительным историческим событиям. Ф. Буяк в доказательство мазовийского происхождения этих племен привел длинный список местных названий в Мазовии, более или менее сходных с подобными названиями на земле радимичей и вятичей⁹. Однако советские археологические исследования не подтверждают этой концепции, доказывая автохтонность местного населения¹⁰. Вообще, трудно сомневаться в местном происхождении обоих племен. Переселение из Мазовии тем более неправдоподобно, что восточная часть этой области отличалась в раннем средневековье весьма слабой плотностью населения. Если в летописных сказаниях сохранилась какая-то доля истины, то в том смысле, что из Польши переселились на восток — возможно, под нажимом первых Пястов — небольшие группы племенной знати и нашли себе убежище за Днестром.

⁵ Подробности о дулебах см.: H. Ł o w m i a ń s k i. Rola historyczna Wołynia w starożytności i wczesnym średniowieczu.— *Z polskich studiów slawistycznych*, seria 2, Historia. Warszawa, 1963, s. 25—37; e r o ж e. Początki Polski, t. 2. Warszawa, 1963, s. 106—112.

⁶ Подробности о хорватах см.: *Ibid.*, s. 114—200.

⁷ J. W i d a j e w i c z. Państwo Wiślan. Kraków, 1947.

⁸ S. M. K u c z y ń s k i. *Ibid.*, s. 15.

⁹ F. B u j a k. Skąd przybyli Radymicze i Wiatycze na Ruś.— *«Światowid»*, 1948/49, t. 20.

¹⁰ А. В. А р ц и х о в с к и й. Курганы вятичей. Москва, 1930; Б. А. Р ы б а к о в. Радимичи. Работы секции археологии, т. 3. Минск, 1932; ср.: П. Н. Т р е т ь я к о в. Восточнославянские племена. Москва, 1953, стр. 239—241 и т. д.

Интересен также вопрос, где проходила граница между польским и русским этническим элементом. Согласно летописному сообщению, Червенские города принадлежали ляхам; к сожалению, не сказано, в каком отношении: только политическом или также в племенном, этническом. В историографии встречаем по этому поводу два противоположных мнения: одни исследователи — и их большинство — принимают неизменность этнических отношений по течению среднего Буга, по крайней мере, с X в., другие допускают, что в момент занятия Червенской территории Владимиром I ее население было западнославянское, но изменило свой этнический состав под властью Рюриковичей. Однако доказательств этнических перемен, происходивших в этот период, нет. Даже оставляя в стороне археологические данные, трудно допустить, чтобы русская власть так быстро утвердилась на этой территории без опоры в местном этническом субстрате. Но, с другой стороны, не видно убедительных доказательств и в пользу того мнения, что здесь никогда не было польского населения; напротив, присутствие польских гарнизонов в городах указывает на то, что оно было, хотя и представляло собой меньшинство в 981 г. На территории между Днепром и Бугом скрестились, по-видимому, две колонизационные струи: западная, которая принесла с собою название города «Белз», согласно мнению лингвистов, польского происхождения¹¹, и восточная, которая основала на левом берегу Западного Буга город Волинь, название которого указывает на то, что первичное волыньское население, перейдя эту реку, очутилось на чужой территории. Подобного рода зоны со смешанным в племенном отношении населением встречаются очень часто среди славян; из-за обладания ими вспыхивали войны между соседними этническими группами; в этом заключалась, кажется, главная причина борьбы между Польшей и Русью из-за Червенских городов.

Открытая польско-русская борьба из-за этой территории привлекла особое внимание историков. Согласно хронологии русского летописания, она продолжалась ровно 50 лет (981—1031) и окончилась успешно для Руси. Хронологически первым и по содержанию самым обширным источником по этому вопросу является летописная статья, помеченная 981 годом, сообщающая о походе Владимира I против ляхов. Исследователи подвергли текст этой записи подробной критике; в последнее время С. М. Кучинский посвятил разбору записи размером в 2—2,5 строки 80 с лишним страниц диссертации¹². В конце концов в сообщении летописца почти ничего не осталось такого, чтобы не было подвергнуто сомнениям: все было критиками заподозрено, все пересмотрено: и год, и цель, и характер, и результаты похода; вне подозрения осталось лишь имя Владимир. В ходе дискуссии было сделано много остроумных замечаний и проницательных наблюдений. Однако есть опасения, что в данном случае критика переродилась в гиперкритицизм, в отрицание подлинности всех элементов текста, которые не соответствуют концепциям самих критиков, тогда как строгий исторический метод требует, чтобы наши концепции опирались на данные источников, а не наоборот.

Беспристрастный разбор летописной статьи 981 г. говорит в пользу ее подлинности и достоверности. В общем, содержание «Повести временных лет» в рамках второй половины X в. довольно разнородно: там встречаются погодные записи (вероятно, начиная с времен Ольги, во всяком случае, со времен Владимира I), рассказы, составленные по личным воспоминаниям информаторов или по традиции; пополнения, основанные

¹¹ T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. *Lędzice—Lędzanie—Lachowie.*—*Opuscula Casimiro Tymienski septuagenario dedicata.* Poznań, 1959, s. 206.

¹² S. M. K u c z y ń s k i. *O wyprawie Włodzimierza I ku Lachom na podstawie wzmianki z r. 981 z Opowieści lat doczesnych.*—*«Studia z dziejów Europy»,* s. 33—48.

на догадках составителей сводов; легенды, анекдоты, теологические трактаты и т. п. Их ценность как исторического источника различна. Статья 981 г., поскольку она касается похода Владимира против ляхов, состоит из погодной записи («Иде Володимеръ къ Ляхомъ и зая грады их») и — судя по другим, того же рода записям — из дополнения, почерпнутого из личных воспоминаний информатора или же из традиции. Погодные записи — наиболее достоверные элементы «Повести временных лет», но нет оснований подозревать в недостоверности и дополнение, лишенное какого бы то ни было литературного содержания и приведенного лишь названиця двух значительных городов («Перемышль, Чervenъ и ины грады»). Кончается запись указанием на то, кому принадлежали города в момент составления («Иже суть и до сего дние подъ Русью»). Этого рода деловая редакция вызывает доверие. Кажется, что дополнение внесено еще до 1018 г., когда Червенские города были заняты Болеславом Храбрым. Таким образом, мы склонны считать запись 981 г. в том виде, как она передана летописью, соответствующей исторической действительности.

Хотя борьба из-за Червенских городов вспыхивала время от времени в течение 50 лет, она полностью не определяла характера взаимных отношений Польши и Руси за это время. Обе стороны более интересовались другими вопросами. Болеслав Храбрый вмешивался во внутренние дела Киевской Руси, оказывая поддержку своему зятю Святополку Владимировичу, князю туровскому: сначала против Владимира I, а затем против Ярослава Мудрого. Борьба между Святополком и Ярославом из-за киевского престола сопровождалась интервенцией Болеслава, принявшей форму киевского похода 1018 г. Интересно, что возврат Червенских городов не является условием оказания помощи Святополку; они были заняты Болеславом только после разрыва с этим союзником.

Главным предметом историографической дискуссии был вопрос о цели киевского похода Болеслава: союзная помощь Святополку или овладение киевским престолом для себя¹³. Источники, на первый взгляд, говорят в пользу второго решения вопроса. Согласно летописи, только после ухода Болеслава в Польшу «Святопѣлк же нача кнѣжкити Кыевъ». Титмар сообщает, что Болеслав выслал из Киева посольство к византийскому императору с предложением дружбы. Ранее историки не сомневались в том, что Болеслав намеревался захватить власть над Русью. Так понимал план польского князя, например, А. Малѣцкий и порицал эту политику, считая ее фантастической и пагубной с польской точки зрения¹⁴. Малѣцкий не сомневался того, что подобный фантастический план несомненно с политической опытностью и дипломатическим искусством Болеслава. Большинство историков считает целью киевского похода овладение Червенскими городами¹⁵, но в этом взгляде мы находим смешение причины и следствия. Кажется, главной целью Болеслава было снискание в лице Святополка преданного союзника. Но Болеслав не был заинтересован в особенном усилении Святополка и не намеревался, как правильно указал В. Д. Королюк¹⁶, оказать ему помощь в объединении Руси. Я полагаю, что эта сдержанная политика Болеслава и стала поводом для разрыва между ним и Святополком. Русское население напало на польские гарнизоны,

¹³ Ср. В. Д. Королюк. Там же, стр. 251 и след. Несомненно, личные мотивы Болеслава сыграли лишь второстепенную роль.

¹⁴ А. Малѣcki. Rewizja dziejów polskich w pierwszych dwóch wiekach politycznego istnienia 962—1146. — *Z przeszłości dziejowej*, t. I. Kraków, 1847, s. 50 и след. См. также: F. Grabski. *Bolésław Chrobry. Zarys dziejów politycznych i wojskowych*. Warszawa, 1964, s. 265. Ср. В. Д. Королюк. Древнепольское государство. М., 1957, стр. 161.

¹⁵ В. Д. Королюк. Западные славяне..., стр. 252.

¹⁶ Там же, стр. 255.

расположенные в городах. В ответ на это Болеслав увел из Киева свои главные силы и увез с собой громадные сокровища. Нет достаточного повода сомневаться в достоверности летописного донесения об этих событиях, как это делали многие исследователи, в особенности А. А. Шахматов¹⁷, на том основании, что известие о конфликте русского населения с польскими гарнизонами повторялось в сообщении о пребывании в Киеве Болеслава Смелого в 1069 г. По-моему, здесь не историографическое дублирование одного и того же донесения, а два подобных исторических факта, вызванные аналогичной политической ситуацией в 1018 и в 1069 гг.

В современной историографии господствует мнение, что политика Болеслава Храброго истощила силы Польского государства и после смерти Болеслава оно не сумело удержать своих приобретений как на Западе, так и на Востоке. Ярослав проводил по отношению к Польше политику, подобную той, какую Болеслав вел по отношению к Руси. Он использовал внутренние разногласия в Польском государстве и помог польскому претенденту Бесприму на короткое время овладеть престолом (как это случилось и со Святополком), а также вошел в соглашение с главным внешним врагом Польши Конрадом II — по аналогии союза Болеслава Храброго с печенегами. В этих условиях Ярослав овладел Червенскими городами в 1031 г. Так закончился польско-русский спор из-за пограничной области Червенских городов. Сообщение Длugoша о том, что эта область принадлежала еще Болеславу Смелому и была утрачена только после убийства епископа Станислава (будто бы как возмездие за это преступление) не заслуживает доверия и правильно было отвергнуто уже Малэцким¹⁸.

Период после 1031 г., длившийся около полутора столетий, характеризуют, по существу, добрососедские и в общем довольно однообразные отношения. По мере усиления феодальной раздробленности суживался политический кругозор правящих кругов в обеих странах, углублялась внутренняя рознь, создавались и распадалась коалиции князей, которые охотно призывали себе на помощь иноплеменных союзников. Рюриковичи в борьбе между собой нередко прибегают к союзу с Пястами, а Пясты в подобных обстоятельствах пользуются помощью русских князей. В редких случаях появляются притязания на чужие земли: поляков на русские, русских — на польские. Только вдоль границы происходит некоторое время борьба, упомянутая в повествовании о теребовльском князе Васильке Ростиславиче. В летописи за 1097 г. приведены его слова: «На лѣто възьму землю Лядскую и мьщю Русьскую землю». Конечно, здесь «земля» означает не территорию, а ее население. Василько хотел сказать о взаимном уводе пленных. Но эта борьба происходила на периферии, в то время как между центрами обеих стран, Краковом и Киевом, преобладали добрые отношения. Первый киевский поход Болеслава Смелого (1069) был вызван не враждою с Всеславом, а желанием оказать дружескую помощь Изяславу; ко второму походу его побудил папа Григорий VII¹⁹.

Другие, наиболее значительные события этого периода — союз Ярослава Мудрого с Казимиром I и поддержка, оказанная Всеволодом Ольговичем Владиславу II в его борьбе с младшими братьями. Положительный для Польши характер союза с Ярославом (походы против Мазовии в 1041

¹⁷ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 440, 557. Автор следовал за выводом польского исследователя Я. Карловича.

¹⁸ А. Малэцки. Ibid., s. 225.

¹⁹ Об этих походах см. Т. Грудзиński. Bolesław Szczodry. Zarys dziejów panowania, cz. I. Toruń, 1953, s. 97—111; его же. Polityka papieża Grzegorza VII wobec państw Europy Środkowej i Wschodniej. Toruń, 1959, s. 74—105.

и 1047 г.) большинство историков не подвергает сомнению. Он был направлен против коалиции отсталых языческих племен (Мазовии, Поморья, Пруссии, Ятвягов, быть может, и Литвы), не создавших у себя государственного строя, угрожавших спокойствию Польши и Руси²⁰. Сближение Казимира с Ярославом, продиктованное общим политическим интересом обеих стран, является первым примером польско-русского союза, направленного против внешней силы. Недавно Я. Беньяком была высказана гипотеза о том, что тогдашняя Мазовия играла якобы роль объединительного центра польских земель. Однако представленные этим автором доводы мне не кажутся достаточно убедительными²¹.

Известную роль в истории Польши сыграла и помощь, оказанная Всеволодом Ольговичем Владиславу II (1142, 1145), который пытался восстановить единство Польского государства, разделенного по завещанию Болеслава Кривоустого (ум. 1138) между его сыновьями. Однако в решающих событиях 1146 г. (после смерти Всеволода) русской помощи уже не было; польские феодалы поддержали младших братьев Владислава, тот потерпел неудачу, и Польша вступила в период феодальной раздробленности²².

Сконца XII в. до 1340 г. с большою, чем прежде, силою отмечается стремление пограничных феодальных княжеств расширить свои владения за счет иноплеменных соседей. Впрочем, это явление было свойственно вообще периоду феодальной раздробленности, когда князья усиленно боролись между собой за каждый клочок земли. Среди польских князей новая тенденция проявилась, хотя и не совсем отчетливо, у Казимира Справедливого (1177—1194), владевшего всей восточной половиной Польши в то время, как Русь ослабела, распавшись на мелкие княжества. По словам Кадлубка, этот князь подчинил себе «провинции»: перемышльскую, владимирскую, берестейскую, дорогичинскую. Однако это сообщение не соответствовало действительности: Казимир, самое большое, вмешивался во внутренние дела соседних русских княжеств, в особенности, оказывал поддержку своему двоюродному брату Роману Мстиславичу — владимирскому и галицкому князю²³. Тем не менее, слова Кадлубка, кажется, отражают политическую программу краковских князей. Осуществить ее пытался сын Казимира Лешко Белый (1194—1227), действуя в сложной политической обстановке — во время усиления литовских набегов на русские и польские земли и венгерского наступления на Галичину. Венгрия, обязанная своим основанием завоеванию славянских (и, вероятно, волошских) земель воинственными кочевниками, представляла собою другой тип государства, нежели славянские государства, однородные, в основном, по своему этническому составу. И после перехода к земледельческому образу жизни венгры стремились удержать в повиновении славянские земли и даже расширить свои владения, между прочим, за счет Руси. Знаменательно, что первая польская попытка подчинить себе Галицкую землю была в 1188 г. в правление Казимира II, когда венгерский король Бела III захватил временно Галич и оставил в нем своего сына Андрея, а сам присвоил себе титул rex Galatiae. Тогда Роман Мстиславич обратился за помощью к Казимиру. Несомненно, существовала какая-то связь между венгерской экспан-

²⁰ H. Łowmiański. Stosunki polsko-pruskie za pierwszych Piastów.— «Przegląd historyczny», 1950, t. 40, s. 259—260.

²¹ J. Bierniak. Państwo Miećława. Studium analityczne. Warszawa, 1963.

²² Ср. G. Labuda. Zabiegi w utrzymaniu jedności państwa polskiego w latach 1138—1146.— «Kwartalnik historyczny», 1959, t. 66, s. 1147—1167.

²³ A. Wilkiewicz-Wawrzyńczykowa. Ze studiów nad polityką polską na Rusi na przełomie XII—XIII.— «Ateneum Wileńskie», t. 12. Wilno, 1937, s. 4—17.

сией и польскими попытками углубиться в русские земли. Лешко Белый²⁴ временно овладевал разными русскими территориями: частью пространства между Вепрем и Бугом, Перемышлем, Берестьем, но нигде не утвердился. После гибели Лешка польская экспансия прекратилась, только брат Лешка Конрад Мазовецкий пытался овладеть Дорогичином. Нашествие татар, набеги литовцев, а главное, внутреннее ослабление раздробленной Польши вызвали прекращение этой экспансии, носившей характер местных феодальных споров. Во второй половине XIII в. соотношение сил обоих партнеров коренным образом переменялось в пользу Руси, в частности Галицко-Волынской земли, которая в княжение Даниила и Василька достигла апогея своего могущества. Теперь польские князья обращаются за помощью к русским, вместе с ними предпринимают походы против ятвягов и, по примеру Тевтонского ордена, пытаются завоевать часть ятвяжской земли. Между польскими и русскими князьями установились тесные дружеские отношения. Об этом можно судить по сообщениям летописца. После смерти Лешка Белого его брат «Кондрать прия Данила и Василка в великою любовь»²⁵. Эта дружба продолжалась до самой смерти мазовецкого князя ишла отражение в словах летописца: «Оумре князь великий Лядьский Кондрать, иже бѣ славенъ и предобръ. Сожалиси по немъ Данило и Василько»²⁶. Подобным же образом охарактеризован сын Лешка Белого, Болеслав Стыдливый (ум. 1279): «Преставися великий князь Краковський Болеславъ, добрый, тихий, кроткий, смиренный, незлобливый...»²⁷.

После его смерти возобновились попытки развернуть территориальную экспансию, но на этот раз в качестве активной стороны выступила Русь. Лев Галицкий предъявил претензии на краковский престол; можно догадываться, что в Кракове у него имелись сторонники²⁸. Однако он легко отказался от этого плана, уступив место Лешку Черному. Замечается также стремление к приобретению пограничных польских земель русскими князьями. Попытка Юрия Львовича овладеть Люблином в 1288 г. кончилась неудачей, но его отцу, Льву Даниловичу, посчастливилось в следующем году занять Люблинскую землю путем переговоров, чему не сопротивлялся и Владислав Локеток, надеясь получить русскую помощь против Вацлава Чешского²⁹. Люблинская земля осталась в руках галицких князей до 1302 г.

В начале XIV в., несмотря на территориальные споры, дружественные отношения между галицкими и польскими князьями, можно сказать, укреплялись, принимая иногда — согласно феодальным обычаям — форму браков между членами обеих династий. Один из этих браков сыграл известную роль в истории польско-русских отношений. Владислав Локеток женил своего родственника мазовецкого князя Тройдена на галицкой княжне Марии. Когда обоим братьев Марии, Андрея и Юрия, последних Романовичей, постигла внезапная смерть (1323), галицким князем был выдвинут сын Марии Болеслав Тройденович, принявший православие и имя Юрия. В поставлении этого князя деятельное участие принимал Владислав Локеток, которому помогали венгры и великий

²⁴ О политике этого князя см.: В. Т. П а ш у т о. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Москва, 1950, стр. 191—207. Более подробно см.: В. W ł o d a r s k i. *Polityka ruska Leszka Białego*. Łwów, 1925; А. W i l k i e w i c z - W a w r z y ŋ c z y k o w a. *Ibid.*, s. 17—33.

²⁵ «Полное собрание русских летописей», т. 2. Ипатьевская летопись, СПб., 1908. Москва, 1962, стр. 754.

²⁶ Там же, столб. 809 и след.

²⁷ Там же, столб. 880.

²⁸ В. W ł o d a r s k i. *Polska i Ruś...*, s. 196.

²⁹ *Ibid.*, главы VIII и IX.

литовский князь Гедимин³⁰. Сложность обстановки и, в особенности, участие венгров заставляют предполагать, что это была не обыкновенная соседская интервенция, а осуществление более далекого политического замысла. Владислав придавал большое значение Галицкой земле, так как, по его словам, она служила «неуязвимым щитом» (*pro scuto inexugnabili*) для обороны Польши от татар. Теперь благодаря государственному объединению двух главных польских земель, Великой и Малой Польши, под одной властью и королевской коронации (1320) перевес был на стороне Владислава. Этим воспользовался его сын Казимир III Великий после внезапной смерти Болеслава-Юрия в 1340 г.

Присоединение Галицкой земли к Польше в 1340—1387 гг. имело, как хорошо известно, большое значение в развитии польско-русских отношений, означало переход от этнического к «многонациональному» принципу. Мы уже подчеркивали роль этнического принципа в создании первых государств, однако, существует, казалось бы, обратное мнение, что народности были созданы государственным аппаратом из разрозненных племен. Сторонники этого мнения ссылаются на «Повесть временных лет» и ее характеристику славянских племен: «Имѣяху бо обычаи свои и законъ отъць своихъ и преданія, къждо свои правъ». Значит, у каждого племени были особые обычаи, юридические нормы, была своя историческая традиция. Нужно добавить, что, вероятно, были особенности в диалектах и, как утверждают археологи, свойственная каждому племени материальная культура. Несомненно государство содействовало не только политическому, но и культурному объединению этих племен, созданию из них единой народности. Однако мы не должны забывать, что догосударственная племенная структура носила, так сказать, многоступенчатый характер. Существовали группы племен, связанных между собой более тесными узами родства, чем с другими группами. На основании летописных и других известий легко убедиться, что восточные славяне представляли собой группу, отличную от ляшских (лехитских) племен, а также от чешских и южнославянских. Государства создавались только в рамках этих групп и, в основном, не включали чужеземных элементов. Если в состав Русского государства вошли некоторые финские племена, то это, несомненно, произошло на почве ассимиляции их славянской культурой. Моравское и Чешское государства пытались овладеть южнолехитскими территориями, однако не добились успеха; точно также Болеслав Храбрый не добился успеха, пытаясь присоединить к Польше юго-западных соседей. Таким образом, контуры государственных границ у славян были предначертаны, в известной степени, в догосударственный период.

По всей вероятности, однородный в этническом отношении состав населения облегчал задачу создания государственного аппарата в период кристаллизации феодального строя. Только с окончательной победой феодализма и укреплением государственности этнический состав государства стал изменяться. Однако в особенно благоприятных исторических условиях уже раннефеодальное государство могло расширить свои владения далеко за пределы основной этнической территории. Мы уже привели пример Венгрии, основанной весьма активной степной группой угро-финнов. Другим примером может служить литовское государство, которое, воспользовавшись феодальной раздробленностью и ослаблением Руси, особенно белорусских и украинских земель, объединило их под своей властью.

³⁰ Ibid.

В еще более благоприятном положении, но уже на более поздней ступени развития, оказалась Польша, переживавшая в XIV—XV вв. период политического, экономического и культурного подъема. Однако ее непосредственное участие в подчинении русских земель было невелико, ограничилось завоеванием при содействии Венгрии лишь Галицкой и частично Волынской земель. За этим исключением, Польша унаследовала результаты, достигнутые литовской экспансией. Таким образом Польша почти без извлечения меча из ножен оказалась после 1386 г., а в особенности после 1569 г., во главе обширной политической системы, в которую русский элемент был включен частично принудительно, частично добровольно, но главным образом благодаря активности и предприимчивости Литовского государства в XIV в. Однако Литва не сумела удержать русские земли в повиновении и это была одна из главных причин ее союза с Польшей, которая располагала свободными силами для того, чтобы удержать украинские и белорусские земли в общей государственной системе.

Следствием польской экспансии на востоке, а затем экспансионистской политики царизма был долговечный, длившийся почти до наших дней раздор, возникший не между литовской и русской, а между русской и польской народностями (охвативший более широкие круги общества, чем феодальную верхушку). Можно припомнить три причины этого явления (если не считать враждебной Польше политики царизма), хорошо известные историографии.

1. В пределах польско-литовской политической системы оказались три этнические группы, жившие компактно на более или менее обширной площади, но образовалось только два государства. Не исключено, что после перехода Галицкой земли под власть Казимира Великого открылись возможности создать рядом с Польским соединенное с ним Русское государство, *Regnum Russiae*, как предполагал Ю. Серадзкий³¹. Однако такого рода планы не осуществились, точно так же как 300 лет спустя не повлекла за собой политических последствий Гадяцкая уния. Белоруссия и Украина остались в Речи Посполитой как подчиненные в государственном отношении области.

2. С этим подчиненным положением примирились белорусские и украинские феодалы. Переняв с течением времени, наряду с литовскими феодалами, польский язык, культуру и польское национальное самосознание, они признали Польское государство своим собственным. Народные массы очутились лицом к лицу с польскими феодалами, в значительной части неполяского происхождения. Самосознание народных масс слилось здесь с классовыми интересами, а понятие феодала-угнетателя — с понятием Польши. Создались весьма неблагоприятные условия для взаимопонимания братских, в сущности, народностей.

3. Широко известна еще одна причина польско-русского разлада: деятельность христианского духовенства латинского и греческого обряда. В зоне соприкосновения двух этнических групп польская народность отождествлялась с католичеством, а русская (т. е. белорусская и украинская) — с православием. Так как духовенство воспитывало народ во враждебном духе по отношению к другой религии, естественно, что чувство вражды переносилось на соответствующую этническую группу. Интересы господствующего класса требовали устранения этих противоречий, примирения обеих групп; отсюда попытки заключить церковную унию, которые, в конечном счете, способствовали скорее усилению, чем ослаблению противоречий.

³¹ J. Sieradzki. Polska wieku XIV. Studium z czasów Kazimierza Wielkiego. Warszawa, 1954, s. 9—37, 95—127.

Рассматривая три приведенные формы отношений: государственную, классовую и религиозную, легко заметить, что основная причина разлада заключалась в классовом антагонизме между феодалами и крестьянством. Господствующий класс всех народностей Речи Посполитой создал постепенно условия для мирного сожительства в своей среде, стремился с течением времени к полному государственному объединению, так что польско-литовская уния прекратила существование в 1791 г.³² Борьба между двумя этническими группами превратилась в борьбу украинских и белорусских крестьян с польскими землевладельцами. Конечно, в общем вопрос был гораздо более сложный, но суть дела заключалась прежде всего в этом антагонизме.

Крушение царизма, ликвидация антагонистических классов в России и Польше открыли путь к установлению отношений между польской, белорусской и украинской нациями на новых началах, сделали возможным укрепление искренней дружбы между ними.

³² Z. K a s z m a r c z y k, B. L e ś n o d o r s k i. Historia państwa i prawa Polski, t. 2. Warszawa, 1966, s. 532.

В. МАРБИНА, Г. МУРАШКО

ТЕХНИЧЕСКОЕ ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЧЕХОСЛОВАКИИ

В 1948—1960 гг.

Социальная революция в деревне и реконструкция материально-технической базы сельскохозяйственного производства составляют две неразрывные стороны процесса социалистического преобразования сельского хозяйства. Опыт создания материально-технической базы социалистического сельского хозяйства в Чехословакии, стране с интенсивным сельскохозяйственным производством, представляет особый интерес. Важную роль в создании материально-технической базы сельского хозяйства играет его техническое перевооружение. Именно на этом вопросе в первую очередь мы и предполагаем остановиться в данной статье. В связи с этим здесь рассматриваются основные направления и особенности инвестиционной политики чехословацкого государства в годы социалистического кооперирования деревни и затронуты вопросы создания и развития других элементов материально-технической базы сельского хозяйства.

До войны уровень чехословацкого сельского хозяйства был выше, чем в ряде капиталистических стран Центральной Европы и Балканского полуострова¹, была достигнута относительно высокая урожайность и продуктивность скота². Удельный вес животноводства был весьма высок и составлял в 1936 г. 41,7%.³ Высокий уровень сельскохозяйственного производства обеспечивался, главным образом, крупными именными, кулацкими и отчасти средними хозяйствами, где довольно широко (для того времени) применялись машины, минеральные удобрения, сортовые семена и т. д.

До войны в сельском хозяйстве Чехословакии насчитывалось 8138 тракторов⁴. Несложные сельскохозяйственные машины применялись во многих середняцких хозяйствах. Продуктивность мелкокрестьянских хозяйств достигалась за счет высокого (70—80%) вложения живого труда.

В годы оккупации и войны сельское хозяйство страны было сильно разрушено; заводы сельскохозяйственного машиностроения выпускали военную продукцию; парк сельскохозяйственных машин не пополнялся и не обновлялся; потребление минеральных удобрений сократилось более чем в два раза⁵; пришли в негодность многие сельскохозяйствен-

¹ Здесь прежде всего имеется в виду сельское хозяйство Чешских земель.

² Средняя урожайность с 1 га за 1934—1938 гг. составляла зерновых — 17 ц, сахарной свеклы — 285,8 ц, картофеля — 134,8 ц; среднегодовой удой молока равнялся 2000 л. «Nová mysl», 1965, № 3, с. 301—302.

³ «Statistická ročenka 1957 MZLVH». Praha, 1958, s. 295.

⁴ «Politická ekonomie», 1965, № 7. Statistická příloha, s. 28.

⁵ С 13,1 кг в 1936 г. до 6,4 кг в 1945 г. на 1 га. Ibid., s. 25.

ные постройки; сократилось поголовье скота. Валовая продукция сельского хозяйства в 1945 г. составляла примерно 60% довоенного уровня ⁶.

После войны перед народной властью встала задача восстановить производительные силы сельского хозяйства. В связи с этим значительное внимание было уделено его механизации и техническому оснащению ⁷. Двухлетний план (1947—1948 гг.) поставок машин сельскому хозяйству был перевыполнен ⁸. К концу 1948 г. в сельском хозяйстве Чехословакии насчитывалось 19 964 трактора ⁹. Значительно возросла энерговооруженность сельского хозяйства; в ее структуре изменилось соотношение живого и механического труда. По данным Министерства сельского и лесного хозяйства соотношение живого и механического труда составляло в 1947 г. 36,8 : 63,2 ¹⁰; в 1930 г. оно было обратным 53 : 47 ¹¹.

К началу социалистического переустройства деревни по уровню механизации сельского хозяйства Чехословакия находилась в более благоприятном положении, чем Советский Союз начала 30-х годов, где на 1000 га сельскохозяйственной земли в то время приходилось около 1/4 трактора. В Чехословакии в 1949 г. было 3 трактора на 1000 га сельскохозяйственных угодий ¹². Однако по сравнению с развитыми капиталистическими странами уровень механизации сельского хозяйства в ЧССР был ниже ¹³.

Производительные силы чехословацкого сельского хозяйства в первые послевоенные годы значительно укрепились, однако довоенного уровня развития они все же не достигли. Одной из причин этого был чрезвычайно быстрый отлив рабочей силы из сельского хозяйства, особенно усилившийся во время и после войны. По подсчетам чехословацкого историка А. Вацлаву отлив рабочей силы из сельского хозяйства проходил более быстрыми темпами, чем в капиталистических странах, близких к Чехословакии по уровню развития. С 1936/37 гг. по 1948 г. число постоянно занятых в сельском хозяйстве Чехословакии сократилось на 1/3 ¹⁴. Столь быстрый отлив рабочей силы объяснялся отчасти переселением немецкого населения из пограничных областей Чехословакии, бурным развитием в стране промышленности и других отраслей народного хозяйства и облегчаемая территориальной близостью деревни к городу. В развитых чешских областях этот процесс шел более быстрыми темпами, чем в Словакии ¹⁵. Уменьшение за годы войны и после нее числа занятых в сельском хозяйстве не было компенсировано в достаточной мере поставками средств механизации. По приблизительным подсчетам Государственной плановой комиссии все поставленные в сельское хозяйство в годы двухлетки маши-

⁶ «Československá revoluce v letech 1944—1948». Praha, 1966, s. 236.

⁷ Если в 1937—1938 гг. на эти цели было выделено 1 800 млн. крон, то в годы двухлетки (1947—1948 гг.) в сравнимых ценах — 3 700 млн. крон. К. Ј е с h. Provozovaná vesnice. Praha, 1963, s. 289.

⁸ Вместо запланированных 9 300 тракторов было поставлено 10 015, уборочных машин вместо 24 000—29 927 и т. д. А. V á c l a v ů. Československá vesnice od května 1945 do začátku první pětiletky (диссертация). Praha, 1965, s. 39.

⁹ «Politická ekonomie». Ibid., s. 28.

¹⁰ «Statistická ročenka 1957 MZLVH», s. 210.

¹¹ «Sborník otázek z ekonomiky zemědělství», č. III. Praha, 1954, s. 91.

¹² Z. R i c h t o v á. O některých podmínkách přechodu k združstevňování československé vesnice.— «Příspěvky k dějinám KSČ», 1965, № 3, s. 382.

¹³ В Великобритании в это время на 1000 га сельскохозяйственной площади приходилось 35 тракторов, в Норвегии — 11, в ФРГ — 10, во Франции — 4, в Австрии 5. F. S t o č e s. Produktivita práce a výrobní vztahy v zemědělství kapitalistických zemí. Praha, 1961, s. 26.

¹⁴ С 3 338 908 до 2 221 691 человека. А. V á c l a v ů. Ibid., s. 139, 143.

¹⁵ По сравнению с 1936 г. (100), в 1948 г. число занятых в сельском хозяйстве чешских земель составляло 59,4, а в Словакии — 80,8. См. А. V á c l a v ů. Ibid., s. 143.

ны заменили труд лишь 32 000 рабочих, в то время как из сельского хозяйства ушло 342 591 человек¹⁶.

Отлив рабочей силы и уменьшение сельскохозяйственных площадей¹⁷ было одной из причин довольно медленного развития сельского хозяйства после войны. К концу двухлетки оно достигло лишь 74,8% довоенного уровня: товарная его продукция составляла 69,3%, интенсивность — 78,3% и это, несмотря на рост производительности труда по сравнению с довоенной на 9%¹⁸. В чешских землях интенсивность сельскохозяйственного производства по сравнению с довоенным временем снизилась гораздо сильнее¹⁹.

Первый пятилетний план развития народного хозяйства Чехословакии (1949—1953 гг.) намечал подъем сельскохозяйственного производства на 37% и достижение довоенного уровня его развития²⁰.

На создание материально-технической базы социалистического сельского хозяйства в период первой пятилетки существенное влияние оказали взгляды, связанные с недооценкой места и роли сельского хозяйства (особенно растениеводства) в промышленно развитой Чехословакии²¹. Линия двухлетнего плана в области сельского хозяйства на преимущественное развитие животноводства была продолжена и первым пятилетним планом²². При этом предполагалось, что развитая в промышленном отношении Чехословакия сможет ввозить недостающее ей зерно и корма из других социалистических стран Европы²³ в обмен на поставки промышленной продукции. Расчет на удовлетворение потребностей страны в зерне и кормах в значительной степени путем ввоза привел также к изменению структуры растениеводства: сократились посевы зерновых и увеличилось площади под трудоемкими техническими культурами²⁴. Оценивая впоследствии эту переориентацию чехословацкого сельского хозяйства, А. Новотный говорил: «Влияние этой для наших условий неприемлемой концепции (основа сельского хозяйства — животноводство, опирающееся на привозные корма — В. М. и Г. М.) чувствовалось долго в наших руководящих государственных и хозяйственных органах. Это имело вредные последствия и для ориентации нашей инвестиционной политики, где недооценивались капиталовложения в целях поднятия плодородия земли и рационализации растениеводства»²⁵.

¹⁶ A. V á s l a v ů. Ibid., s. 139.

¹⁷ С 1936 по 1948 гг. уменьшение сельскохозяйственной площади в Чехословакии составило 3,6%, а в Чешских землях, где хозяйство велось наиболее интенсивно — 5,2%, главным образом за счет земель Пограничья. «Ekonomický časopis», 1965, № 3, s. 303.

¹⁸ «Statistická ročenka ČSR 1959». Praha, 1960, s. 219—221.

¹⁹ В 1948 г. по сравнению с 1936 г. она составляла 76,5%, а в Словакии — 93,7%. См. «Ekonomický časopis», 1965, № 3, s. 303.

²⁰ «Планы развития народного хозяйства стран народной демократии». М., 1952, стр. 11.

²¹ Об этом говорилось уже в выступлении В. Широкого на мартовском пленуме ЦК КПЧ в 1954 г., в докладе А. Новотного на X съезде КПЧ и др. См. ЦК КПЧ. Информационный бюллетень, Прага, 1954, № 4, стр. 29; «Nová mysl», 1954, № 7, s. 675.

²² Соотношение между продукцией растениеводства и животноводства по стоимости выглядело в 1948 г. соответственно как 65 : 35, а в 1953 г. как 52 : 48. «Statistická ročenka ČSR 1959», s. 219.

²³ См. K. K a p l a n. K počátkům první pětiletky. — «Československý časopis historický», 1964, № 2, s. 179.

²⁴ Если в 1934—1938 гг. зерновые занимали 63% всех посевных площадей, то в 1948 г. — 58,9%, а в 1953 г. — 54,1%. В то же время площади под технические культуры выросли с 4,1% в 1934—1938 гг. до 5,3% в 1948 г. и 8,2% в 1953 г. Кормовые культуры — соответственно с 18,8 до 23,2% и 23,7%. С Э В. Анализ развития экономики Чехословацкой республики, т. II. Прага, 1958, стр. 7.

²⁵ «Pravda», Bratislava, 25 IV 1964.

Общий объем инвестиций, предназначенных для сельского хозяйства по первому пятилетнему плану, равнялся 27,8 млрд. крон²⁶ и составлял 8% капиталовложений в народное хозяйство страны²⁷. При подготовке и обсуждении плана многие партийные работники и специалисты сельского хозяйства считали, что объем инвестиций слишком мал и недостаточен для выполнения задач, стоящих перед сельским хозяйством²⁸. Первоначально предполагалось, что 55% (15 млрд. крон) всех инвестиций, предназначенных для сельского хозяйства по первому пятилетнему плану, будет вложено в машины и оборудование, а 45% (11,8 млрд. крон) — в строительство и мелиорацию²⁹. Такая структура капиталовложений должна была содействовать созданию крупного механизированного социалистического сельскохозяйственного производства в стране.

Коммунистическая партия Чехословакии хорошо понимала значение механизации сельского хозяйства для завоевания крестьянства, и особенно среднего. Именно поэтому, выступая на пленуме ЦК КПЧ в ноябре 1948 г., К. Готвальд говорил: «В деревне мы должны создавать и расширять материально-техническую базу в виде широкой сети государственных машинно-тракторных станций»³⁰. В феврале 1949 г. был принят закон о механизации сельского хозяйства, реорганизующий систему МТС и передающий их в собственность государства³¹. 23 февраля 1949 г. был издан закон о создании единых сельскохозяйственных кооперативов (ЕСХК)³². На первом этапе своего существования ЕСХК не ставили своей главной задачей производственную деятельность. В уставе ЕСХК на первое место выдвигалась деятельность по механизации сельского хозяйства. ЕСХК, большая часть которых возникла на базе машинных кооперативов, продали государственным МТС часть тракторов и сложных сельскохозяйственных машин. Менее мощные тракторы и сельскохозяйственные машины остались в ЕСХК. В течение 1950 г. у кулаков были выкуплены крупные средства механизации. Основным источником механизации сельского хозяйства были государственные поставки машин. В 1949 г. сельское хозяйство начало получать машины по пятилетнему плану³³. Но уже в этот первый год пятилетки было нарушено планировавшееся соотношение между инвестициями на механизацию и строительство в пользу последнего (39,5 : 58,5)³⁴. Главной причиной структурных изменений в капиталовложениях был переход к производственному кооперированию крестьянства. Для организации ЕСХК высших типов необходимо было построить новые фермы, склады, зернохранилища и другие подсобные помещения. Поэтому удельный вес инвестиций на капитальное строительство начиная с 1950 г. стал возрастать и достиг в 1953 г. 84,4%³⁵.

²⁶ «Планы развития народного хозяйства стран народной демократии», стр. 23.

²⁷ По сравнению с другими европейскими социалистическими странами в Чехословакии доля сельскохозяйственных инвестиций в общей сумме капиталовложений в народное хозяйство была одной из самых низких: в Венгрии — 17%, Болгарии — 9%, Польше — 13%, Румынии — 9%, Югославии — 8%. K. Kaplan. Utvoření generalní linie vystavby socialismu v Československu. Praha, 1966, s. 237.

²⁸ Ibid.

²⁹ A. Václavů. Ibid., s. 174.

³⁰ K. Gottwald. O rolnické otázce. Praha, 1956, s. 211.

³¹ «Sbírka zákonů a nařízení CSR». Praha, 1949, s. 135.

³² Ibid., s. 207.

³³ Уже в 1949 г. промышленность поставила селу 5 500 тракторов, 5 900 тракторных плугов, 2 800 сноповязалок и т. д. «Планы развития народного хозяйства стран народной демократии», стр. 57.

³⁴ S. Peltrámová. Důsledky mechanizace zemědělské práce v letech 1948—1960 v ČSSR v oblasti vynákladání živé práce.— «Politická ekonomie». 1964, № 11, s. 19.

³⁵ Ibid.

Однако были и другие причины, повлиявшие на направленность инвестиционной политики государства в эти годы. Так, в начале не было достаточно четкого представления о материально-технической базе социалистического сельского хозяйства в промышленной стране с развитым сельскохозяйственным производством. С одной стороны, существовали слишком оптимистические мнения о том, что на базе высокоразвитой промышленности Чехословакии она может быть создана очень скоро. В связи с этим в течение первой пятилетки предполагалось в основном завершить механизацию труда в области растениеводства.

В 1951 г. в связи с пересмотром и увеличением заданий по первому пятилетнему плану³⁶ министерство сельского хозяйства представило свои соображения также по механизации сельского хозяйства и увеличению производства сельскохозяйственных машин. Министр сельского хозяйства Ю. Дюриш полагал, что средства, отпущенные в пятилетнем плане на механизацию сельского хозяйства, недостаточны³⁷. Он считал значительное увеличение тракторов необходимым условием выполнения тех больших задач, которые стояли перед сельским хозяйством. Однако предложения министерства сельского хозяйства были отвергнуты. Наоборот, в проекте постановления об увеличении заданий по первому пятилетнему плану производство тракторов было сокращено и было высказано опасение, что с достижением запланированного на конец первой пятилетки количества тракторов произойдет «сверхмеханизация» сельского хозяйства³⁸.

В документе «Основные задачи повышенного пятилетнего плана» говорилось, что в отличие от других стран народной демократии перед Чехословакией стоит задача не существенного расширения машинного парка сельского хозяйства, а лишь изменения его структуры, освоения некоторых новых видов специальных машин и лучшего использования уже существующих мощностей³⁹.

В связи с напряженностью международной обстановки и войной в Корее особое внимание стало уделяться развитию тяжелой и оборонной промышленности. Выполнить повышенные задания пятилетки в области промышленности можно было лишь при условии дополнительных капиталовложений. Поэтому государство не смогло оказать сельскому хозяйству ту помощь, в которой оно действительно нуждалось, особенно в связи с высокими темпами социалистического кооперирования, имевшими место в 1950 и 1952 гг. Число кооперативов высших типов непрерывно росло⁴⁰. Количество земли, обрабатываемой ЕСХК в 1952 г., увеличилось почти в 2 раза по сравнению с 1951 г.⁴¹ Ясно, что для нормального развития и функционирования такого большого количества ЕСХК требовалась значительная государственная помощь, необходима была соответствующая материально-техническая база. А между тем доля сельскохозяйственных инвестиций в общем их объеме в 1949—1952 гг. сокращалась⁴². Особенно резко снизилась доля капиталов-

³⁶ В оставшиеся три года пятилетки среднегодовой прирост сельскохозяйственной продукции должен был составлять, примерно, 10,5%. «Планы развития народного хозяйства стран народной демократии», стр. 40.

³⁷ K. K a p l a n. Utvoření generalní linie..., s. 235.

³⁸ См. Z. R i c h t o v á. Ibid., s. 384.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Если в 1950 г. насчитывалось 1873 ЕСХК III—IV типов, то в 1951 г. их стало 3138, в 1952 г.— 5848, а в 1953 г.— 6679. «Deset let JZD». Praha, 1959, s. 36.

⁴¹ В 1950 г. обрабатывалась 1 100 567 га, в 1951 г.— 1 330 226 га, в 1952 г.— 2 603 461 га. Ibid.

⁴² В 1949 г. она составляла 6%, в 1950 г.— 5,7%, в 1951 г.— 5,3%, в 1952 г.— 2,8%, в 1953 г.— 2,9%. З. Ж е л е з н о в. Деятельность КПЧ по организационно-хозяйственному укреплению ЕСХК (1953—1959). Диссертация. М., 1960, стр. 19.

вложений в механизацию сельского хозяйства⁴³. Значительно сократилось производство и поставки сельскохозяйственных машин (табл. 1)⁴⁴.

В годы первой пятилетки сельское хозяйство получило 48% тракторов от числа запланированных, тракторных плугов — 65%, сноповязалок — 45% и т. д.⁴⁵

Число тракторов в МТС в годы быстрых темпов кооперирования увеличилось незначительно⁴⁶, а в 1951—1952 гг. ЕСХК не получили ни одного трактора⁴⁷. В результате сокращения поставок машин в сельское хозяйство, с одной стороны, и быстрого роста числа кооперативов — с другой, значительно уменьшился объем работ МТС для ЕСХК в расчете на 1 га сельскохозяйственной площади (если 1951 г. — 100, 1952—58,7)⁴⁸.

Задача завершить в основном механизацию труда в области растениеводства выполнена не была. В ЕСХК высших типов полевые работы в общем были механизированы лишь на 36,9%, хотя в пахоте, например, механизация достигла 84,9%, в уборке зерновых — 87,4%⁴⁹. Недостаточное внимание уделялось механизации обработки трудоемких культур, площадь под

которыми увеличивалась⁵⁰. Не хватало также специальных тракторов для обработки хмельников, виноградников, садов⁵¹.

В тракторном парке преобладали маломощные тракторы, которым соответствовали и прицепные орудия⁵². Сильно отставала механизация труда в животноводстве.

В связи с общим снижением капиталовложений в сельское хозяйство были сокращены и государственные кредиты на капитальное строительство для ЕСХК⁵³.

Хотя в годы первой пятилетки было построено и реконструировано, например, много скотных дворов, свинарников, но их тем не менее не хватало для размещения всего поголовья обобщественного скота⁵⁴. Только в небольшой части вновь построенных ферм работу можно было механизировать.

⁴³ В 1950 г. она составляла 36,5%, в 1951 г. — 26,9%, в 1952 г. — 12%, в 1953 г. — 15,6%. См. S. P e l t r a m o v á. Ibid., s. 19.

⁴⁴ Таблица составлена на основе материалов: Ё. К а р л и к. Единые сельскохозяйственные кооперативы Чехословакии. М., 1959, стр. 33; «Politická ekonomie», 1965, № 7. Statistická příloha, s. 28.

⁴⁵ 14 363 трактора вместо 30 000, 21 514 тракторных плуга вместо 33 000. «Народное хозяйство Чехословакии. Краткий статистический справочник МВТ СССР». М., 1954, стр. 62.

⁴⁶ В 1951 г. их было 16 538, в 15 силън. исчисления, в 1952—16 728. L. S p i r k. Zemědělské družstevnictví v kapitalistické a lidové demokratické CSR. Praha, 1961, s. 240.

⁴⁷ «Deset let JZD», s. 370.

⁴⁸ Ё. К а р л и к. Там же, стр. 47.

⁴⁹ «Deset let JZD», s. 378—379.

⁵⁰ Так, междурядная обработка пропашных культур была механизирована лишь на 4,6%, копка картофеля — на 6,7%, посадка картофеля — на 38,1%, копка сахарной свеклы — на 35,3%, косьба кормовых — на 28,9%. Ibid., s. 378—380.

⁵¹ «Nová mysl», 1954, № 2, s. 140.

⁵² «Politická ekonomie», 1965, № 7. Statistická příloha, s. 28.

⁵³ В 1950 г. они составляли 543 млн. крон, в 1951 г. — 539 млн. крон, а в 1952 г. — 409 млн. крон. L. S p i r k. Ibid., s. 233.

⁵⁴ Ibid., s. 235.

зировать и по-новому организовать. Вследствие недостаточного ухода за скотом снизилась его продуктивность⁵⁵.

Недостаточно средств вкладывалось и в химическую промышленность, снабжающую сельское хозяйство минеральными удобрениями. Хотя производство и потребление их по стране из года в год увеличивалось⁵⁶, но в связи с быстрым темпом роста ЕСХК потребление искусственных удобрений на 1 га сельскохозяйственной земли в них сокращалось⁵⁷.

Таким образом, развитие материально-технической базы социалистического сельского хозяйства Чехословакии в первую пятилетку, несмотря на ее значительное укрепление, отставало от темпов кооперирования деревни и потребностей сельскохозяйственного производства вообще. Это явилось одной из причин того, что многие из возникших в этот период ЕСХК были слабыми в экономическом отношении и, по существу, не являлись крупными социалистическими сельскохозяйственными предприятиями. В свою очередь хозяйственная слабость многих кооперативов и их неспособность показать крестьянам преимущество социалистического способа ведения хозяйства были одной из причин⁵⁸ спада и застоя в кооперативном движении в 1953—1955 гг.

Ни первоначальные, ни тем более повышенные задания первого пятилетнего плана в области развития сельского хозяйства выполнены не были. Сельскохозяйственное производство Чехословакии, увеличившись за 5 лет на 13%, достигло в 1953 г. 90% довоенного уровня. Недостаточное развитие производительных сил в сельском хозяйстве особенно сильно сказалось на состоянии сельскохозяйственного производства в чешских землях, где интенсивность росла гораздо медленнее, чем в ранее отсталой Словакии⁵⁹.

Опыт первых лет кооперирования чехословацкой деревни подтвердил, что создание крупного социалистического сельскохозяйственного производства в стране с интенсивным сельским хозяйством теснейшим образом связано с усилением механизации сельскохозяйственного труда⁶⁰. Рост сельскохозяйственного производства, подъем его интенсивности, укрепление и развитие ЕСХК, утверждение социалистических форм ведения хозяйства в решающей мере зависели от механизации и химизации сельского хозяйства.

В марте 1952 г. было принято постановление ЦК КПЧ и правительства Чехословакии о мероприятиях по улучшению работы МТС. В нем подчеркивалось, что организационное и хозяйственное укрепление ЕСХК, развитие сельскохозяйственного производства находятся в прямой зависимости от производственной помощи МТС⁶¹.

Вопросом механизации сельского хозяйства занималась и общегосударственная партийная конференция КПЧ, состоявшаяся в декабре 1952 г. В докладе К. Готвальда констатировалось, что механизация сельскохозяйственных работ в стране еще очень низка и подчеркивалось, что без повышения уровня механизации нельзя надолго укрепить существующие

⁵⁵ L. Špirk, *Ibid.*, s. 252.

⁵⁶ В 1948 г. составляло 18,4 кг чистого вещества на 1 га с.-х. земли, в 1953 г. — 36,8 кг. — «Politická ekonomie», 1965, № 7. *Ibid.*, s. 25.

⁵⁷ S. Fišera. O vzniku a upevnování robotnicko-rolnického svázku. Bratislava, 1956, s. 194—195.

⁵⁸ На других причинах в данной статье мы не останавливаемся.

⁵⁹ Если в среднем за 1951—1955 г. интенсивность с.-х. производства в Чешских землях достигла 86,9% от уровня 1936 г., то в Словакии она превысила этот уровень на 14,9%. «Ekonický časopis», 1965, № 3, s. 302—303.

⁶⁰ «Dějiny KSC». Bratislava, 1961, s. 538.

⁶¹ ЦК КПЧ. Информационный бюллетень. Прага, 1952, № 2, стр. 23.

ЕСХК и расширить кооперативное движение⁶². На конференции был дан решительный отпор мнениям о том, что имеющийся уровень механизации сельского хозяйства еще терпим и что нет необходимости в дальнейших инвестициях на эти цели. В решениях партийной конференции указывалось на необходимость в кратчайший срок устранить серьезное отставание в производстве сельскохозяйственных машин и тракторов, которое тормозит развитие сельского хозяйства в стране⁶³.

Осенью 1953 г. вопрос о положении в сельском хозяйстве стал в центре внимания Коммунистической партии и правительства Чехословакии. В сентябре 1953 г. он обсуждался на пленуме ЦК КПЧ и одновременно в Национальном Собрании. В заявлении правительства отмечалось, что помощь деревне со стороны государства и социалистической промышленности была и остается недостаточной и это оказывает серьезное влияние на неудовлетворительное состояние сельскохозяйственного производства⁶⁴. Среди предложений, направленных на подъем сельского хозяйства, на первом месте значились увеличение инвестиций в эту отрасль народного хозяйства, улучшение механизации сельскохозяйственных работ, рост производства и поставок минеральных удобрений⁶⁵. Необходимость механизации сельского хозяйства и разработки перспективного плана производства и поставок машин сельскому хозяйству еще раз подчеркивалась на пленуме ЦК КПЧ 16—17 декабря 1953 г.

Состоявшийся в июне 1954 г. X съезд КПЧ покончил с недооценкой роли сельского хозяйства в экономическом развитии страны и акцентировал внимание на укреплении материально-технической базы социалистического сектора в деревне. Начиная с 1954 г. темпы роста капиталовложений в сельское хозяйство ЧССР стали значительно увеличиваться. В 1960 г. общий объем капиталовложений в эту отрасль хозяйства возрос в 9 раз по сравнению с 1949 г.⁶⁶ Удельный вес инвестиций в сельское хозяйство в 1960 г. достиг 17,6% всех капиталовложений, сделанных в народное хозяйство⁶⁷.

Рост инвестиций позволил значительно увеличить основные производственные фонды сельского хозяйства, которые в 1960 г. возросли по сравнению с 1949 г. более чем в 2 раза⁶⁸. Однако из общего объема инвестиций по-прежнему основная масса предназначалась на строительномонтажные работы⁶⁹.

Об этом наглядно свидетельствует изменение структуры основных производственных фондов в кооперативах. Если в 1953 г. в перерасчете на 1 гектар сельскохозяйственной земли в ЕСХК на постройки приходилось лишь 27,8% производственных фондов, то в 1959 г.—54,2%⁷⁰. Всего в течение второй пятилетки (1956—1960 гг.) из общей суммы 17 389 млн. крон, вложенных государством в ЕСХК, на строительномонтажные работы было израсходовано 13 969 млн. крон (в сравнимых ценах 1959 г.)⁷¹.

Из сказанного видно, что в годы кооперирования сельского хозяйства в Чехословакии большая часть средств реализовывалась в форме,

⁶² K. Gottwald. Ibid., s. 244.

⁶³ «Nová mysl», 1954, № 2, s. 141.

⁶⁴ ЦК КПЧ. Информационный бюллетень. Прага, 1953, № 3, стр. 10.

⁶⁵ «Nová mysl», 1953, № 8, s. 723—724.

⁶⁶ «Zemědělská ekonomika». 1963, № II, s. 601.

⁶⁷ «Statistická ročenka 1960 MZLVH». Praha, 1961, s. 360.

⁶⁸ Материалы Ústřední komise lidové kontroly a statistiky, 1965, tab 7.

⁶⁹ В 1958 г.—69,1%, в 1960 г.—65,3%. «Statistická ročenka 1960 MZLVH», s. 360.

⁷⁰ «Zemědělství a lesní hospodářství v číslech a diagramech». Praha, 1960, s. 109.

⁷¹ «Statistická ročenka 1960 MZLVH», s. 364.

не оказывающей прямого воздействия на рост интенсивности сельскохозяйственного производства. Специфика этой части капиталовложений состояла в том, что они способствовали созданию благоприятных условий для перехода от мелкотоварного производства к производству кооперативному, т. е. предназначались для укрепления социалистического способа производства в деревне. Такое распределение капиталовложений наложило отпечаток на формирование других элементов материально-технической базы сельского хозяйства: механизации, химизации, электрификации производственных процессов, т. е. тех элементов, которые оказывают прямое воздействие на повышение интенсификации сельскохозяйственного производства.

В условиях Чехословакии, где резервы сельскохозяйственной земли крайне ограничены и сельское хозяйство главным образом может развиваться за счет интенсификации, замедленное развитие этих элементов материально-технической базы оказывало негативное влияние на подъем производства.

После решений сентябрьского и декабрьского пленумов ЦК КПЧ (1953 г.) удельный вес средств, предназначенных на механизацию и оборудование, в общей сумме инвестиций в сельское хозяйство начинает, хотя и медленно, увеличиваться. В 1954 г. он достигает 27% и в последующие до окончания кооперирования годы колеблется в пределах 31—35% ⁷².

В связи с этим в 1954—1956 гг. возросли поставки средств механизации, что оказало большое влияние на изменение структуры энергетических источников в сельском хозяйстве ⁷³. По расчетам чехословацких экономистов уровень механизации в растениеводстве увеличился с 20% в 1953 г. до 35% в 1956 г. ⁷⁴ Что касается таких трудоемких процессов как уборка сахарной свеклы, картофеля, уход за пропашными культурами, то здесь были механизированы лишь отдельные операции. В животноводстве уровень механизации был значительно ниже, чем в растениеводстве. При этом рост механизации происходил преимущественно в социалистическом секторе ⁷⁵.

Таким образом, несмотря на то, что техническое оснащение сельского хозяйства было значительно усилено, оно все еще оказывалось недостаточным.

Повышение темпов кооперирования в 1957 г., расширение земельных фондов ЕСХК в результате начавшегося массового вступления середняков в кооперативы сделали еще более ощутимой недостаточность капиталовложений в механизацию сельскохозяйственного производства. Хотя план поставок машин был в основном выполнен, в течение 1957—1958 гг. происходит даже некоторое снижение уровня механизации в ЕСХК. В 1957 г. прирост сельскохозяйственной земли в кооперативах

⁷² «Zemědělská ekonomika», 1963, № 11, s. 601.

⁷³ Число тракторов возросло с 32 213 в 1953 г. до 46 624 штук в 1956 г., зерновых комбайнов с 1113 до 4304 штук. Общая мощность энергетических ресурсов в растениеводстве выросла с 1176 тыс. лошадиных сил в 1954 г. до 1307 тыс. лошадиных сил в 1956 г. Если в 1954 г. 44,6% всех полевых работ выполнялись с помощью тракторов, а 53,4% — с помощью лошадей и рабочего скота, то в 1956 г. тракторы выполняли уже 53,6% всех полевых работ. С Э В. Анализ развития экономики Чехословацкой республики, стр. 18.

⁷⁴ В ЕСХК и госхозах за 1953—1956 гг. уровень механизации пахоты возрос с 88 до 92%, сева зерновых с 41 до 61%, междурядной обработки пропашных культур с 10 до 42%, уборки картофеля с 5 до 44%. Центральный архив ГКЭС, ф. 1, оп. 15, д. 142, приложение 7.

⁷⁵ В 1957 г. лишь в 33% ЕСХК была введена механическая дойка коров, в 33,2% ЕСХК механизирована раздача кормов и в 38,9% ЕСХК механизирована уборка навоза. «Deset let JZD», s. 413—415.

составил 55%, МТС же смогли увеличить объем полевых работ лишь на 19% ⁷⁶.

Стремясь повысить эффективность использования имеющейся техники, ЦК КПЧ и правительство ЧССР приняли решение о продаже ЕСХК некоторых машин, вплоть до небольших 25-сильных тракторов ⁷⁷. К концу 1957 г. кооперативы получили около 9 300 тракторов ⁷⁸.

В мае 1958 г. ЦК КПЧ, рассмотрев вопросы снабжения сельского хозяйства техникой, принял решение об увеличении в ближайшие 2—3 года поставок сельскохозяйственных машин. Были пересмотрены задания второго пятилетнего плана в области сельскохозяйственного машиностроения. В директивах предусматривалось поставить в деревню в течение 1958—1960 гг. 19 800 тракторов. Но как показала практика, минимальная потребность в поставках составляла 36 000 тракторов ⁷⁹. Было решено, с одной стороны, расширить объем капиталовложений в сельскохозяйственное машиностроение с 1600 млн. крон в 1958 г. до 2 млрд. крон в 1960 г., с другой стороны, увеличить ввоз тракторов из СССР и Германской Демократической Республики ⁸⁰.

XI съезд КПЧ (1958 г.) на основе анализа развития сельского хозяйства страны подчеркнул, что «растущие требования к сельскохозяйственному строительству обязывают энергично снижать строительные расходы, увеличивать долю капиталовложений на техническое оснащение и механизацию...» ⁸¹

После XI съезда значительно увеличились поставки новой техники кооперативам и госхозам. К концу 1960 г., т. е. к моменту завершения кооперирования крестьянских хозяйств, на полях страны работало 74 905 тракторов (54 675 из них принадлежало ЕСХК) ⁸².

По сравнению с довоенным периодом тракторный парк страны увеличился к концу 1960 г. в 8 раз. На 1 трактор приходилось 65 га пахотной земли вместо 698 га в 1939 г. ⁸³

Таким образом, техническая оснащенность сельского хозяйства ЧССР в период социалистической перестройки значительно выросла. Однако механизация не охватывала еще всех производственных процессов. Наиболее полно (52%) были механизированы: пахота, сев, уборка зерновых, копка картофеля и сахарной свеклы и другие полевые работы. В возделывании сахарной свеклы, картофеля, уборке кормовых культур все еще преобладающим оставался ручной труд; внедрение механизации шло очень медленно ⁸⁴.

В общем, по мнению чехословацких экономистов, ко времени завершения кооперирования в сельском хозяйстве страны все еще преобладал ручной труд ⁸⁵. Замена живого труда машинами проходила медленно.

⁷⁶ Подсчитано на основе данных «Deset let JZD», стр. 37 и материалов Центрального архива ГКЭС, ф. 1, оп. 5в, д. 70, л. 247.

⁷⁷ Центральный архив ГКЭС, ф. 1, оп. 5в, л. 78, 245.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ З. Ж е л е з н о в. Там же, стр. 129.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ «XI съезд Коммунистической партии Чехословакии». М., 1959, стр. 212.

⁸² В 1959—1960 гг. в Чехословакии была проведена продажа техники из МТС кооперативам. «Statistická ročenka 1960 MZLVN», s. 251.

⁸³ J. S t a n e k. Zemědělství ve vyspělých kapitalistických státech. Praha, 1963, s. 10.

⁸⁴ В 1960 г. доля механизированного труда по уходу за сахарной свеклой возросла по сравнению с 1950 г. с 3 до 11%, по уборке свеклы с 5 до 15%, при посадке картофеля с 48 до 60%, уборке картофеля — с 14 до 20%. Подсчитано по материалам «Politická ekonomie», 1963, № 2, с. 94.

⁸⁵ См. F. S t o č e s. Otázka vyrovnání zemědělství na úroveň průmyslu v oblasti výrobních sil.— «Politická ekonomie», 1961, № 7.

Недостаток средств механизации в сельском хозяйстве Чехословакии ощущался особенно остро в связи с интенсивным отливом рабочей силы из деревни. Президент А. Запотоцкий отмечал в конце 1953 г.: «Мы учитывали, что в связи с ростом механизации в сельском хозяйстве количество занятых в нем людей уменьшится, но такое сокращение рабочей силы, какое произошло в действительности, не соответствует имеющейся в наличии механизации и является причиной многих недостатков и затруднений»⁸⁶. С 1949 по 1960 г. число занятых в сельском хозяйстве сократилось с 2127 тыс. до 1357 тыс. человек⁸⁷. К тому же центр тяжести сельскохозяйственных работ стал переноситься на все более старые возрастные группы⁸⁸.

Поставки машин и оборудования позволили поднять производительность труда в сельском хозяйстве к 1960 г. более чем в 2 раза по сравнению с 1948 г. На основе этого уровень сельскохозяйственного производства достиг довоенного. Рост производительности труда частично компенсировал отлив рабочей силы из деревни.

Чехословацкое сельское хозяйство на протяжении всего периода кооперирования ощущало недостаток рабочих рук. Острота этой проблемы обуславливалась и структурными переменами в сельскохозяйственном производстве страны. В результате повышения удельного веса животноводства в условиях недостаточной его механизации объем работ, выполняемых вручную в этой отрасли хозяйства, сокращался значительно медленнее, чем происходил отлив рабочей силы.

В растениеводстве значительно увеличился удельный вес трудоемких культур (сахарная свекла, лен, масличные культуры, кукуруза), что усиливало напряжение баланса рабочей силы в деревне.

Структурные изменения в сельскохозяйственном производстве Чехословакии и быстрый отлив рабочей силы из деревни требовали ускорения темпов механизации и ее комплексности. Именно недостаточность комплексной механизации сельского хозяйства в рассматриваемые годы являлась одной из причин более медленного развития сельскохозяйственного производства в ЧССР, по сравнению с капиталистическими странами Европы с интенсивным сельским хозяйством. Несмотря на то, что в Чехословакии удельный вес сельскохозяйственных инвестиций в общей сумме капиталовложений в народное хозяйство был значительно выше, чем в этих странах⁸⁹, доля средств, выделяемых на машины и оборудование, была более низкой⁹⁰. В связи с этим насыщение сельского хозяйства новой техникой в указанных странах происходило гораздо быстрее, чем в Чехословакии⁹¹.

Наряду с механизацией важнейшим элементом материально-технической базы, оказывающим непосредственное влияние на интенсификацию сельскохозяйственного производства, является химизация. Ей при-

⁸⁶ «Rudé právo», 2 I 1954.

⁸⁷ «Politická ekonomie», 1965, № 7, Statistická příloha, s. 25.

⁸⁸ С 1956 по 1961 г. общее число лиц, занятых в сельском хозяйстве, сократилось на 39%; из них в возрасте до 20 лет — на 60%, до 40 лет — на 34%, свыше 60 лет на 6%. «Für die sozialistische Landwirtschaftswissenschaft», 1964, № 2, S. 115.

⁸⁹ В ЧССР в 1959 г. удельный вес инвестиций в сельское хозяйство составлял 17,9%, а в ФРГ и Англии в 1959 г. на сельское хозяйство приходилось лишь соответственно 5,3% и 4,5% всех капиталовложений. «Zemědělská ekonomika», 1963, № 11, s. 602.

⁹⁰ В ФРГ, Англии, Франции, Дании, Швеции, Бельгии доля инвестиций на машины и оборудование составляла около $\frac{2}{3}$ всех капиталовложений в сельское хозяйство «Politická ekonomie», 1965, № 10, s. 936.

⁹¹ Так, в ФРГ с 1950 по 1959 г. число тракторов возросло более чем в 5 раз, во Франции более чем в 4 раза, в Австрии — в 7 раз, а в Чехословакии лишь в 3 раза. Подсчитано по материалам «Politická ekonomie», 1965, № 10, s. 938.

надлежит ведущая роль в повышении плодородия почвы. Производство и потребление искусственных удобрений за годы социалистических преобразований в Чехословакии значительно выросло и в 1960 г. достигло 71 кг чистого вещества на 1 га⁹².

Однако по потреблению минеральных удобрений сельское хозяйство ЧССР в 1960 г. еще значительно отставало от наиболее развитых капиталистических стран и ГДР⁹³.

Односторонность в развитии механизации, отставание уровня химизации от потребностей сельского хозяйства, отлив рабочей силы из деревни оказали влияние на рост интенсивности сельскохозяйственного производства в рассматриваемые годы. По сравнению с довоенным периодом в 1960 г. объем сельскохозяйственной продукции, полученной с 1 га, увеличился лишь на 10%⁹⁴.

Валовая продукция сельского хозяйства в годы кооперирования увеличилась на 28%, но в 1960 г. она лишь на 3% превысила довоенный уровень⁹⁵. По мере завершения социалистической перестройки деревни ЦК КПЧ и правительство Чехословацкой республики концентрируют внимание на вопросах интенсификации сельского хозяйства, особенно выделяя проблемы комплексной механизации производства и повышения плодородия почвы. После XII съезда началось дальнейшее претворение в жизнь программы технической реконструкции сельского хозяйства.

В годы социалистической перестройки сельского хозяйства укрепилась его материально-техническая база: коренным образом изменилась структура энергетических источников; новая техника вытеснила малопродуктивный сельскохозяйственный инвентарь; откорм и содержание обобщественного скота сосредоточились на крупных фермах. Крупнопроизводственная технология постепенно стала вытеснять мелкотоварные методы ведения хозяйства. С завершением социалистического кооперирования были созданы предпосылки для организации крупного сельскохозяйственного производства.

Однако большие средства, выделенные государством для развития сельского хозяйства, оказались недостаточными, чтобы полностью возместить отлив рабочей силы из деревни, сокращение живой тягловой силы, заменить маломощные сельскохозяйственные орудия и производственные помещения крестьянских хозяйств и одновременно существенно поднять интенсивность сельскохозяйственного производства в стране. Эффективность капиталовложений в этот период была значительно снижена из-за преобладания в них инвестиций на строительство. Подъем интенсивности сельского хозяйства является в настоящее время важнейшей экономической задачей страны. Предпосылки для ее решения подготовлены как происшедшими в годы кооперирования социальными изменениями в чехословацкой деревне, так и осуществляющейся технической реконструкцией сельскохозяйственного производства.

⁹² «Statistická ročenka 1960 MZLVH», s. 89. Потребление минеральных удобрений в сельском хозяйстве Чехословакии за годы кооперирования увеличилось более чем в 8 раз. Среди социалистических стран Европы по уровню химизации она занимает 2-е место после ГДР. Темпы поставок минеральных удобрений в 1950—1959 гг. были в 3—6 раз выше, чем в ФРГ, Бельгии и Голландии. «Politická ekonomie», 1965, № 1, s. 23.

⁹³ В ФРГ в 1960 г. на 1 га приходилось 153,6 кг минеральных удобрений, в ГДР — 146,7 кг. «Planované hospodárství», 1965, № 11, s. 9.

⁹⁴ «Statistická ročenka 1963 MZLVH». Praha, 1964, s. 531.

⁹⁵ «Politická ekonomie», 1965, № 7. Statistická příloha, s. 25.

Л. А. ЗАРУВИН

СХОДНЫЕ ЧЕРТЫ ЗООЛАТРИИ И ПЕРЕХОДА К АНТРОПОМОРФИЗМУ У ИНДОАРИЙЦЕВ И СЛАВЯН

Зоолатрию, т. е. стадию обоготворения животных, пережили некогда индоевропейские народы, в том числе индоарийцы и славяне. Сопоставление зоолатрии этих народов способствует уяснению многих фактов, казавшихся ранее непонятными.

В статье будет рассмотрено существовавшее у индоарийцев и славян почитание домашних животных — коров и быков, а также возникшее в связи с этим верование, что небесные явления, важные для скотоводов и земледельцев (дождь, гроза, ветер, солнечный свет), управляются бо-жествами в облике громадных небесных коров и быков. Будет также рассмотрен процесс постепенного перехода этой стадии анимистической религии на новую ступень: веру в антропоморфных богов, не исключившую, впрочем, некоторых обычаев, которые восходят к зоолатрии.

Почитание домашних коров и быков

В трудовой жизни индоевропейских народов, занявшихся оседлым скотоводством и пашенным земледелием, особую роль стали играть домашние животные. У индоарийцев времен «Ригведы» коровы и волы считались наиболее ценной собственностью. Название «Aghnyā», т. е. «неубиваемая», обозначало во все времена корову; это показывает, что она считалась священным животным. Воззрение о святости коровы возникло еще во времена индоираноарийской общности и долго сохранялось¹.

В Атхарваведе (VII, 75)² есть обращение к стаду крупного рогатого скота: «Богатые потомством, лоснящиеся на хорошем пастбище, пьющие чистые воды на хорошем водопое, — пусть вор не овладеет вами, пусть злой человек не повредит вас, пусть оружие Рудры (молния. — Л. З) минует вас. Вы знаете проторенную тропу, выносливые, дружные, всеми поминаемые. Идите ко мне вы, божественные... в ваше стойло... Обильно снабжайте нас маслом!» В гимне XIX, 39 Атхарваеды утверждается, что крупные рогатые животные — наивысшие из движущихся созданий.

В «Законах Ману», сложившихся, по-видимому, во II в. до н. э. — II в. н. э., убийце коровы предписывалось очищение в течение трех месяцев: жить, покрытому шкурой убитой коровы, среди коров (в коровнике и на пастбище), прислуживать и оказывать почтение коровам днем и ночью.

¹ «The History and Culture of the Indian People», v. I. The Vedic Age, Bombay, 1957, p. 395; И. С. Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956, стр. 198.

² Здесь и далее римские цифры означают номера частей Атхарваеды, арабские — номера гимнов.

Вина человека, убившего брахмана, снималась, если убийца спасал жизнь другому брахману или корове³.

Один из средневековых путешественников в Индию, монах Одерико ди Порденоне (XIV в.) сообщал: «Природные жители этой земли обожают быка, на котором шесть лет работают, а на седьмом дают ему отдых и ставят в священном общественном месте»⁴.

В Северной Индии XIX в. сохранялось убеждение, что убийство быка влечет за собой беду. В Кашмире верили, что убийство коровы вызывало бурю. У некоторых низших каст коровник был и семейным святилищем. Племена джатот и гуджаров почитали корову, называя ее «мать-корова». Крупный рогатый скот украшался и кормился лучшей пищей на некоторых праздниках. В Непале в особый коровий праздник люди, изображавшие коров, танцевали вокруг дворца короля. Известны и другие коровьи праздники, когда коров украшали гирляндами цветов⁵.

В современной Индии коровы и быки, почитаемые за священных животных, обычно живут до естественной смерти⁶.

Сходные обычаи существовали у славян, в том числе у русских. Вот данные об Орловской губернии: «Когда купленную корову вводят во двор, то ... хозяйка дома кланяется ей в ноги, давая ей на заслоне насоленный хлеб»⁷. Пастухи Олонецкой губернии пользовались заговорами, оберегающими скот. В одном из таких заговоров говорится про «дойных коровушек», про «милую божевую скотинушку»⁸. У чехов 1 мая справлялся «коровий праздник». Коров украшали цветами и зелеными ветками, угощали ломтями хлеба, намазанными медом⁹.

У болгар вола, как рабочий скот, пользовались высоким уважением. Даже в XIX в. запряженных волов называли не иначе, как «ангелами», считалось грехом их бить. Обращаясь к запряженному волу, крестьянин называл его «отцом», т. е. признавал в волах «своих наибольших благодетелей и священных для него животных, коих уважал как отца». Думали, что тот, кто бил волов, накликнул на себя беду: он оставался без волов и становился бездомным нищим. Случайное причинение волу смерти или нанесение раны считалось для дома большим несчастьем — возмездием за какой-то грех. Крестьяне постились в пятницу и среду «за волов». В их честь справлялись особые обряды. Волов не закалывали. Состарившийся вол оставлялся в стаде рогатого скота, чтобы пастся, пока сам не умрет, и тогда его хоронили с почестями и даже оплакивали: «Минуло твое время, Стоян! Прошла твоя пора, когда ты жил с нами, любимый! Не старый ты еще был, вол пашенный!» Говяжье мясо не ели — это считалось грехом. К коровам также относились болгары с большим почтением. Любопытно, что к буйволам, приносящим не меньшую пользу, чем вола, с таким почтением не относились. Зато очень почитался деревенский бык. «Это отец стада. Ему дозволено ходить по всем деревенским полям и пастись, где хочет. Селяне возмещают пострадавшему ущерб, который причинил бык»¹⁰.

³ «Законы Ману». М., 1960, гл., XI, § 109—116.

⁴ «Чтения Общества истории и древностей Российских». 1864, т. III, 200.

⁵ W. Crooke. The popular Religion and Folklore of Northern India, v. II. Westminster, 1896, p. 235, 232—233.

⁶ О. Х. К. С п е й т. Индия и Пакистан. М., 1957, стр. 244—245. См. также: «Народы Южной Азии». М., 1963, стр. 159.

⁷ «Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии», т. II. СПб., 1869, ст. 19—20.

⁸ В. Х а р у з и н а. Этнография, вып. 1. М., 1909, стр. 536.

⁹ А. Н. А ф а н а с ь е в. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, стр. 664.

¹⁰ Д. М а р и н о в. Народна вера и религиозни народни обичаи.— «Сборник за народни умотворения и народопис», кн. XXVIII. София, 1914, стр. 64—66, 69.

В Сербии во время Рождества, рано утром приходил хозяин в коровий хлев и говорил: «Доброе утро, коровушки! Водитесь да телитесь!» Сказав это три раза, хозяин давал коровам немного соли. За пользу, приносимую волами и коровами, сербы считали их благословенными, святыми животными. «Мой кормилец!» — часто называли волов крестьяне¹¹.

Черногорец половину жилища «и даже больше отдает скоту и отводит ему место при праздновании особенных дней, делая его участником в обрядовой жизни своей семьи. По нему гадают черногорец о погоде и о добром или худом годе»¹².

Образ волшебной «коровы изобилия» — «Surabhi», «Kāmadheni», «Gavām mātā», («мать коров»), приносящей людям счастье, хорошо известен в индуистской мифологии, в средневековой и новой литературах Индии¹³. В некоторых восточнославянских сказках действуют волшебные коровы. В русской сказке «Хаврошечка» бедной сироте помогает «коровушка-матушка», которая так велика, что Хаврошечка влезает ей в одно ухо, а вылезает в другое¹⁴. Подобный же сюжет и в белорусской сказке¹⁵. В русской сказке «Буренушка» также рассказывается о волшебной корове. Стоит только девушке-сиротке поклониться низко буренушке, как та дает ей еду, питье и хорошее платье¹⁶.

В «Русских народных сказках» (т. I, № 136) А. Н. Афанасьева «Буря-богатырь Иван Коровий сын», родившийся от коровы богатырь, разумнее, сильнее и храбрее родившихся в одно время с ним сыновей королевы и девки-чернавки. Подобная же сказка — № 137. Аналогичный сюжет в «Смоленском этнографическом сборнике» Добровольского, ч. 1, СПб., 1897, стр. 405.

Почитание коров и быков наблюдалось также в Скандинавии и у некоторых древнегерманских племен¹⁷.

Почитание небесных коров и быков

Важные для сельского хозяйства небесные явления: дождь, гроза, ветер, солнечный свет — представлялись древнему скотоводу и землепашцу в образах небесных быков и коров, по аналогии со священными домашними животными. Так было у многих народов, в том числе у древних египтян, ирано- и индоарийцев, славян. Грозовые тучи представлялись в виде громадных, ревущих быков, дождевые тучи — в виде громадных коров, а дождь — их молоком, молнии — улыбками.

Вначале у индоарийцев «бык — грозовая туча» возникал как образ, связанный только с данной грозой — проходила гроза, исчезал и «бык». Таких небесных быков было много. «Бык ревет после своего рождения» (в грозовой туче. — Л. З.)¹⁸. «Порывы шумного ветра прекратились. Дойные коровы (дождевые тучи. — Л. З.) набухли улыбками (молниями —

¹¹ Т. Р. Борђевић. Природа у веровању у предању нашега народа, кн. 1. Београд, 1958, стр. 170—171, 173.

¹² П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. II, ч. 1. СПб., 1897, стр. 687.

¹³ S. K. Dikshīt. The mother Goddess. Poona, 1943, p. 190—191; «Литература древнего Востока». Под ред. И. С. Брагинского и Н. И. Конрада. М., 1962, стр. 225—226.

¹⁴ А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, т. I. М., 1957, № 100.

¹⁵ Е. Романов. Белорусский сборник, вып. 3. Витебск, 1887, стр. 59.

¹⁶ А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, т. I, № 101.

¹⁷ J. Grimm. Deutsche Mythologie, Bd. II. Berlin, 1877, S. 554.

¹⁸ «Ригведа» (РВ), VII, 101. Здесь и далее римские цифры означают номера частей (мандал) Ригведы, арабские — номера гимнов (сукт).

ЛЗ.). В обители великого неба родился мычащий бык с набухшим выменем (с дождем.— Л. З.)»¹⁹.

В дальнейшем вместо отдельных «быков-туч» образовалось несколько племенных индоарийских богов дождя и грозы, представляемых в виде быков: Парджанья, Индра, Рудра, Маруты и др.

Вот облик Парджанья в Ригведе: быстро примчавшийся, ревущий бык (VII, 101), оплодотворяющий бык (V, 83), бык, который дает свое семя коровам его стада (тучам.— Л. З.; III, 55), бык (X, 65), ревущий (V, 83; VII, 101). Эпитеты Индры в Ригведе: дождящий бык (I, 103), бык земли (VI, 44), бык неба (VI, 44), бык (I, 177), ревущий (I, 54; I, 80; V, 30; VIII, 6). Бог Рудра — бык (II, 34, 2).

«Парджанья и Вата (бог ветра.— Л. З.), вы, быки Земли (ее оплодотворители.— Л. З.), оживите водяные источники» (иссякшие во время засухи.— Л. З.; VI, 49). «Парджанья и Вата—освежающие водой быки» (X, 65).

Буйные ветры, Маруты, приносящие дожди, жизненно важные для скотоводов и земледельцев, представлялись первоначально в виде коров: дождь — их молоко (I, 166), их вымя — с водой (I, 87; V, 53). Их мать — корова Пришни (I, 23; I, 38; I, 85; I, 89; I, 168; V, 52; V, 57; V, 58; V, 59; V, 60; VI, 66; VII, 17; VIII, 73). Кроме того, Маруты представлялись и быками (I, 64).

Некоторые эпитеты богов грозы и дождя показывают, что эти боги иногда считались двуполыми: Парджанья — «бык с выменем» (VII, 36), «отец с молоком» (VII, 101); Индра — одновременно и бык и корова (I, 173, 8).

Признание зависимости земных коров от небесных видно из поверья русских крестьян (Симбирская и Тамбовская губернии): «Если в ночь, в крещенский сочельник будет небо покрыто облаками, то это верный признак, что коровы будут много давать молока»²⁰. Подобное же русское поверие: «темны святки — молочные коровы»²¹. У русских до сих пор сохранилось поверие, что по идущему вечером домой стаду коров можно определить завтрашнюю погоду. В прошлом веке об этом писал В. Даль: «Черная или пестрая корова впереди стада к ненастью; белая или рыжая — к вёдру»²². Во Владимирской губернии тучи перед грозой назывались быками или бычками²³.

Олицетворение грозовой тучи в виде туров (диких быков), туриц и волов находим и в восточнославянских загадках: «тур ходит по горам, турица то по долам; тур свистнет, турица то мигнет» (гром и молния); «ревнул вол за сто сел; за сто речек» (гром)²⁴; «за триста верст вол реве» (гром); «крикнув вол на сто гор, на сто речак»; «ревнув вол на сто гор, на тысячу городов»²⁵. Известны аналогичные норвежские, шведские и армянские загадки²⁶.

¹⁹ РВ, VII, 36; см. также о таджикском мифе: И. С. Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии, стр. 92.

²⁰ Ж. «Дух христианина», 1861—62, декабрь, отдел учено-литературный, стр. 272.

²¹ А. С. Петрушевич. Общерусский дневник церковных, народных, семейных праздников и хозяйственных занятий, примет и гаданий. Львов, 1866, стр. 88.

²² В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. II, стр. 167.

²³ Там же, т. I, стр. 149.

²⁴ Д. Н. Садовников. Загадки русского народа. М., 1959, № 1940, 1947; см. также: А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, стр. 660.

²⁵ Е. Романов. Белорусский сборник, т. I. Киев, 1885, стр. 322, 324, 329.

²⁶ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, стр. 660; M. A. B e g h i a n. Der armenische Volksglaube. Leipzig, 1899, S. 77—78.

В Словакии могучего дикого быка называли «*paromovsky wuol*», т. е. перунский (громовой) бык²⁷.

В Ригведе кроме дождегрозовых божеств и другие небесные божества в некоторых гимнах изображены в виде быков, коров и телят.

Так, Сурья — бог солнца представлен в образе быка (III, 61; X, 123; X, 189) или теленка небесной коровы — богини зари (I, 113). Эта же богиня изображена в виде коровы и в других гимнах Ригведы (I, 164; V, 47).

В славянском фольклоре также находим следы древних верований — солнце представлялось в виде коровы, быка или тура. Таковы загадки про солнце: «Бурая корова через прясло глядит»; «Една божа кравица сички — ят (весь) свят наполнила»²⁸.

На святках, как пережиток древнего языческого праздника рождения солнца, у славян происходили следующие обряды. «Самый важный в Черногории праздник „Божич“ (Рождество) не проводится без того, чтобы не дать в нем участия и домашней скотине». Вечером накануне рождества, когда «члены семьи окончат ужин и развеселятся, кто-нибудь из старших домашних незаметно уходит к скотине, берет вола... покрывает всего различной одеждой, а голову убирает платками и какими-нибудь цветными лоскутами и в таком наряде вводит его в дом. Старшие крикнут: „Божич (сын бога. — Л. З.) идет!“ Дети всполошатся и с напряжением ждут появления Божича, а увидав всем им знакомого быка, простоудушно кричат: „Каков то Божич? То есть наш Мацоня (имя быка)!“ Затем подводят его к огнищу и хозяйка дома надевает ему на один рог хлеб, и тут гадают, смотря по тому, стоит ли животное смиренно или старается стряхнуть хлеб и поднимает ли рог с хлебом кверху или опускает его». В описываемое время черногорцы занимались в основном скотоводством. «Старое убеждение черногорца, что главное его богатство — в скоте, о котором он больше всего и заботится»²⁹. Поэтому естественно, что пережитки почитания Солнца (Божича) в виде быка так долго сохранились в Черногории.

Но если Божич (сын Бога) — бык, то не быком ли должен был представляться и его отец — Бог³⁰?

«Полаженник» (вол или корова) — божественный гость у сербов, он приносит хозяину дома плодородие скота и полей, его приводят в дом на святках, ему подносят угощение, в первую очередь «колач». На Косове рано поутру вводят в дом вола, пьют три чаши фруктовой водки за его здоровье, дают ему «колач», лепешку и все, что было на «Бадняк» оставлено для него³¹.

На Западной Украине (бывшая Галиция) «на первый день Рождества гадают по первому гостю о будущем счастье или несчастье всего дома и поэтому стараются еще до прихода гостей ввести в избу скотину (*bydle*), которая, говорят, приносит счастье. Стало быть, скотина, как образ божества, есть первый, самый желанный гость»³².

²⁷ J. Kollár. *Národní zpiewanky, čili Pjesně světské slowáků w Uhrách. Djl perwý.* Buda, 1834, s. 407.

²⁸ О. Миллер. Опыт исторического обозрения русской словесности, ч. 1, вып. 1. СПб., 1865, стр. 63—64, дополнения стр. 10; G. Kerk. *Einleitung in die slavische Literaturgeschichte.* Graz, 1887, S. 812.

²⁹ П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. II, ч. 1, стр. 687—688.

³⁰ См. G. Kerk. *Einleitung in die slavische Literaturgeschichte*, S. 587.

³¹ В. Чајкановић. Студије из религије и фолклора. В кн.: Српски етнографски зборник, кн. XXXI, Београд, 1924, стр. 151—152.

³² А. А. Потебня. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1865, апрель — июнь, кн. 2, стр. 31; Z. Pauli. *Pieśni ludu ruskiego w Galicyi, t. I. Lwów, 1839, s. 1.*

«У чехов накануне Рождества говорят детям: „Если весь день будете постить, то ввечеру, когда появятся на небе звезды, увидите между ними золотое теля“». А. А. Потехня считал в связи с этим, что рождение Божича — рождение языческого бога в виде теленка³³.

Украинцы, жившие по реке Збруч, вечером накануне Нового года с пением водили по хатам быка, с тем чтобы хорошо водился скот³⁴. В Дорожове на святках рано утром в хату приводили корову, самую здоровую и красивую, угощали разной пищей, для того чтобы все домохозяды и скот были здоровы, как та корова. Аналогичные обряды отмечены и в деревнях Рибник, Грабовец, Перегримка.

Еще в древней Руси духовенством осуждался языческий («поганьский») обряд «полаз»³⁵.

У поляков и мадьяр, иногда у словаков, украинцев и южных славян, в обряде «полазника» животные уже не участвуют, и люди — «полазники» произносят пожелания добра посещаемому домохозяину.

Подобные обряды отмечались и в других местах Украины, причем иногда быка изображал парень, которого водили по хатам. На Новый год возле Днестра ходили с «туром», припевая: «Ой, Туре, Туре, небоже! Ой, обернися, тай поклонися!»³⁶.

Этнограф Паули описывает хождение в Галиции в Коляду «z turem szyli turońket» (с туром или туроньком. — *Л. З.*), изображавшимся парнями. Голова тура была деревянная, к ней прицепляли бороду. Тур мог открывать и закрывать пасть, из которой высовывался красный язык из сукна. Тура сопровождали два музыканта. Паули добавляет, что «словаки в Венгрии, так же как и мы, тот праздник называют „турицами“»³⁷.

Праздники Тура, солнечного божества, справлялись и весной — у русских, украинцев, поляков, чехов, словаков и хорватов. Любопытно, что еще в середине XIX в. «в Архангельске возили на масленице по городу быка на огромных санях, запряженных в двадцать и более лошадей»³⁸.

Вселенная в образе коровы и быка

Не только отдельные небесные явления представлялись в виде небесных коров и быков. Появились представления, что и вся видимая вселенная это — грандиозная корова или, реже, бык.

Обратимся сначала к ведийскому периоду истории Индии. «Корова создала при своем рождении этот мир, когда выдоила свое молоко» (РВ, X, 61). Пракорова, творец мира, носила также имя «Пришни» («пестрая». — *Л. З.*)³⁹. В Атхарваведе (X, 10) про мировую корову сказано: «Корова это — все: боги, люди, асуры, предки людей, риши (древние мудрецы. — *Л. З.*)».

«Адити (бесконечность. — *Л. З.*) — небо, Адити — воздушное пространство, Адити — мать, она же отец и сын, Адити — все боги, Адити — пять (арийских. — *Л. З.*) племен, Адити — все родившееся, Адити —

³³ А. А. Потехня. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий, стр. 32.

³⁴ И. Гальк. Народные обычаи и обряды з околиц над Збручем, ч. 2. Львов, 1862, стр. 15.

³⁵ П. Богатырев. Полазник у южных славян, мадьяров, поляков и украинцев. — «Lud Slowiański», t. 3, z. 2, 1934, s. 228, 234, 235, 237, 246.

³⁶ А. С. Петрушевич. Общерусский дневник. Львов, 1866, стр. 88, 90, 23.

³⁷ Z. Pauli. Pieśni ludu polskiego w Galicyi. Lwów, 1838, s. 16—17.

³⁸ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, стр. 663—664; А. С. Фамицын. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 235, 236, 238.

³⁹ «Атхарваведа» (AB), II, 1.

все грядущее» (РВ, I, 89). Но Адити в то же время — дойная корова (РВ, I, 153), мать богов, прабогиня (РВ, VIII, 47). Боги небесные, земные, в воде живущие — рождены коровой (РВ, VI, 50).

В одном из гимнов Атхарваеды (IV, 11) представлен грандиозный обобщенный образ «говядо» (крупного рогатого скота): «Говядо поддерживает землю и небо... обширную атмосферу... творит все, что существует... Оно все побеждающее, все рождающее, все делающее, оно — четвероногое... Им боги поднимают на небо... Оно доится вечером, утром, в полдень».

На одном индийском плакате изображена вселенская корова, кормилица людей. Один из ее глаз — солнце, другой глаз — луна, а на теле ее изображены многочисленные индийские боги ⁴⁰.

В Атхарваеде олицетворением вселенной иногда считался бык (IX, 4; IX, 7) ⁴¹. «Первобык» знаком и таджикской поэзии ⁴².

Восточным славянам дневной мир также иногда представлялся в образе быка (вола): «белый вол всех людей поднял»; «лысый вил усих людей звив» (День); «белый бык в окно тык»; «сирий бык у вокно ник» (Утренний рассвет) ⁴³.

В Ригведе в некоторых гимнах ночь и утро представлены как две коровы. У каждой из них одинаковое вымя, но молоко разного цвета (I, 186; I, 95), т. е. у Ночи — черное, у Утра — белое. Это — обильные молоком, хорошо доящие коровы (II, 3). У них общий теленок Агни (I, 95; I, 96; I, 146; III, 55).

Пережитком славянских представлений о том, что ночь и день — коровы, являются следующие загадки: «черная корова весь мир поборола» или «усих людей поколола»; «черная корова ворота залегла» (Ночь); «черная корова усих людей поборола, била корова усих людей поводи-ла»; «черная корова людей коле, а била воскрешае»; «черная корова усих людей поколола, а бела встала, усих поподымала», т. е. ночь усыпляет человека, а день пробуждает ⁴⁴.

О т з о о м о р ф н ы х б о г о в к а н т р о п о м о р ф н ы м

Большинство богов Ригведы и Атхарваеды антропоморфно, хотя древняя прослойка зооморфизма еще отчетливо прослеживается в некоторых гимнах, так как боги сохранили эпитеты, указывающие на их былой облик животных.

Так, в Ригведе дождегрозовые боги Парджанья и Индра не всегда выступают в виде животных. Иногда они просто сравниваются с ними (II, 14; III, 55; VI, 45; VII, 18; VII, 101; VIII, 13; VIII, 51; VIII, 52; X, 66), но довольно часто они человекоподобны.

⁴⁰ Н. Glaseparr. Der Hinduismus. Munchen, 1922, S. 16, 478. В древнем Египте небесный свод представлялся чудесной небесной коровой, усеянной звездами (Ю. П. Францев. У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., 1959, стр. 235; рисунок звездной коровы — стр. 240). О «первокорове» гласит древнее скандинавское сказание (О. Петерсон, Е. Балабанова. Западноевропейский эпос и средневековый роман, т. 2. СПб., 1898, стр. 3—4).

⁴¹ В Ригведе в некоторых гимнах творец мира представлен как бык и корова одновременно (III, 38; III, 56).

⁴² И. С. Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии, стр. 46, 53.

⁴³ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, стр. 659.

⁴⁴ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, стр. 659. Образ черной коровы-ночи представляет «особый интерес для сравнения с древнейшим слоем скотоводческих представлений» (В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 119).

Интересен гимн Парджанья (РВ, V, 83), составленный из различных по древности частей. В первой части этого гимна (строфы 1—6) Парджанья является гигантским, мощным, ревущим быком, он с ревом извергает семя, зарожда растения, разбивает деревья, убивает злых духов. Но дальше в гимне — Парджанья уже не ярый бык, а человекообразный бог, мчащийся на колеснице, льющий на землю воду из мехов, из бочки.

Многие другие гимны изображают только антропоморфных богов. Например, в гимне Ригvedы (VI, 75) у мчащегося по небу антропоморфного бога грозы и дождя Парджанья имеется колчан с огненными стрелами. Антропоморфный Индра вооружен дубиной — молнией, он мчится по небу на колеснице, у него огненные стрелы (РВ, I, 32; VI, 18).

Парджанья в течение всего ведийского периода истории оставался стихийным богом грозы и дождя. В дальнейшем он совсем исчез из индуистской мифологии, будучи вытеснен культом бога Индры. Имя Парджанья этимологически соотносимо с именем Перун (славянское божество грозы и дождя), ср. подобное же индоарийское божество («Парджанья»), а также имена других родственных индоевропейских богов: хеттского «Peruna», кельтского «Perunia», литовского «Perkūnas»⁴⁵.

Куль антропоморфного Перуна, бога грома и войны, изображавшегося с палицей в руке, подобно индоарийскому Индре, существовал в X в. н. э. в древнерусском государстве. В 980 г. князь Владимир Святославович поставил идола Перуна и некоторых других богов в Киеве, «вне двора теремного», т. е. для всенародного поклонения⁴⁶. Но уже в 988 г. Владимир принял христианство, идол Перуна в Киеве был брошен в Днепр, в Новгороде — в Волхов. Христианским «преемником» Перуна, подателем дождя и направителем грозы у восточных славян стал Илья Пророк. Известно, что славяне, еще в VI в. приносившие Перуну в жертву быков, после введения христианства стали приносить в жертву быков пророку Илье. Эти обряды кое-где сохранились даже в XIX в.⁴⁷

Во многих чертах сходны пророк Илья, преемник Перуна, и Индра, замесивший Парджанью. В частности, оба безжалостно жестоки к неверующим, их стрелы поражают безбожников⁴⁸.

Напротив, добра и прекрасна богиня утренней зари, образ которой запечатлен в Ригведе и в восточнославянском фольклоре⁴⁹.

Антропоморфные боги были и у прибалтийских славян. Один из богов гор. Ретры — Радегаст — сохранил следы своего бычьего облика в прошлом: на груди его идола имелось изображение бычьей или турьей головы⁵⁰. Немецкая колонизация прибалтийских славянских земель, массовое истребление и порабощение славян привели к исчезновению культа их богов.

Многие образы и обряды зоолатрии и антропоморфизма времен Ригvedы и Атхарваведы находят соответствие в славянском фольклоре и этнографических фактах. Изучение этого сходства уточнит наши представления об индоевропейской этнической и фольклорной общности.

⁴⁵ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Санскрит. М., 1960, стр. 19.

⁴⁶ Подробнее о Перуне см. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы, стр. 12—14, 21, 23, 27.

⁴⁷ См., например, О. Шрадер. Индоевропейцы. СПб., 1913, стр. 182. Сохранились также следы культа Перуна у южных славян; см. М. Филиповић. Трагови Перунова култа код Јужних словена. В кн.: Гласник Земальского музеја у Сарајеву, нова серија, свеска 3, Сарајево, 1948, стр. 66, 67, 71, 73—74, 79.

⁴⁸ «Русские плачи (причитания)». М., 1937, стр. 52—54; С. Радхакришнан. Индийская философия, т. I, М., 1956, стр. 68.

⁴⁹ Л. А. Зарубин. Образ Утренней Зари в Ригведе и в восточнославянском фольклоре. Краткие сообщ. Ин-та народов Азии, № 80, «Наука», 1965, стр. 33—39.

⁵⁰ Н. С. Державин. Славяне в древности. М., 1946, стр. 140.

С. Ш. ГРИНБЕРГ

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ БОЛГАРИИ В КОНЦЕ XIX в.

Ликвидация турецкого феодального режима и образование болгарского национального государства создали благоприятные условия для развития капиталистической промышленности. В болгарскую экономику начинает внедряться иностранный капитал. В первое десятилетие после освобождения иностранными предпринимателями был основан ряд спиртовых и пивоваренных заводов, мельниц и др.¹ В 1880—1894 гг. ими были построены лесопильный завод, трикотажная мастерская, слесарно-механическая мастерская, мыловаренный завод, бумажная фабрика, красильня, черепично-кирпичный завод, и др. Большинство из перечисленных предприятий представляли собой мелкие, часто полукустарные мастерские². Точно установить количество промышленных предприятий, принадлежащих иностранным капиталистам в Болгарии в течение первых полутора десятилетий после освобождения, трудно, так как в этот период не было официальной промышленной статистики. По данным Ж. Натана и Л. Берова, в период между 1878—1894 гг. их насчитывалось 26³. К концу 1894 г. часть иностранных предпринимателей обанкротилась, их предприятия или закрылись, или же перешли в руки болгарских капиталистов⁴.

Согласно данным анкет болгарского буржуазного экономиста Д. Ябланского, в 1900 г. из 72 поощряемых законом предприятий, основанных до 1894 г. включительно, с основным капиталом в 10 916 тыс. левов, иностранным предпринимателям принадлежало 7 предприятий с основным капиталом в 440 тыс. левов. В пищевой промышленности иностранным капиталистам принадлежало лишь 8,8% всего основного капитала; что касается текстильной промышленности, то она полностью находилась в руках болгарской буржуазии⁵.

¹ См. Д. Йорданов. Принос за промишлената история на града София. София, 1928, стр. 22, 23—24, 26, 41—42; Ж. Натан, Л. Беров. Монополистическият капитализъм в България. София, 1958, стр. 53, 56; Д. Яблански. Каква трябва да бъде икономическата политика на България — изобщо и частно — спремо съседните ѝ държави? — «Списание на Българското икономическо дружество» (СБИД), 1901, кн. 4, 5, стр. 214—221; Г. Колушки. Нашето пивоварство. — СБИД, год III, 1898, кн. 1, стр. 17—18; A. S p a s s o w. Der Verfall des alten Handwerks und die Erstehung des modernen Gewerbes in Bulgarien während des 19. Jahrhunderts. Greifswald, 1900, S. 59.

² См. Д. Йорданов. Там же, стр. 26, 41, 45; Ж. Натан, Л. Беров. Там же, стр. 43, 52, 53, 56; Д. Яблански. Там же, стр. 214—221; П. Тишков. Възможността за съществуването на една книжна фабрика в България. — СБИД, 1901, кн. 9—10, стр. 619—621.

³ См. Ж. Натан, Л. Беров. Там же, стр. 70.

⁴ См. Д. Йорданов. Там же, стр. 23, 24, 42; Ж. Натан, Л. Беров. Там же, стр. 51, 52.

⁵ Д. Яблански. Там же, стр. 222.

Резкое увеличение удельного веса иностранного капитала в болгарской промышленности приходится на вторую половину 90-х годов XIX века. Это было время, когда в развитых капиталистических странах Европы складывался империализм. «Избыточный» капитал из стран, в которых капитализм «перезрел», устремлялся в отсталые страны, где «прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы»⁶. В. И. Ленин указывал, что возможность вывоза капитала в отсталые страны создается тем, что ряд из них «втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т. д.»⁷. Именно такого рода отсталой страной была в конце XIX в. Болгария.

Немаловажным фактором, содействовавшим усилению проникновения иностранного капитала в болгарскую промышленность, явилась экономическая политика партии «народняков», лидер которой К. Стоилов возглавил в 1894 г. кабинет министров. Первостепенную роль в этом отношении сыграл закон, принятый 20 декабря 1894 г.⁸. Льготы и привилегии, обеспечиваемые этим законом, в равной мере распространялись и на предприятия, основываемые иностранным капиталом. Особо выгодными для иностранных промышленников оказались принятые 26 февраля 1897 г. дополнения к этому закону⁹.

Западноевропейские промышленные компании не замедлили этим воспользоваться. Во второй половине 90-х годов ими были построены крупные промышленные предприятия.

В апреле 1895 г. бельгийский капиталист Люсьен Дирикс получил концессию на сооружение и эксплуатацию сахарного завода в Софии. Созданная им акционерная компания в 1898 г. пустила в ход первый в Болгарии сахарный завод (основной капитал 3 220 087 левов, оборотный — 1 млн. левов, рабочих — 300 чел.)¹⁰. Это было самое крупное и наиболее усовершенствованное промышленное предприятие страны. Его проектная мощность была рассчитана на производство 6—7 тыс. тонн сахара в год¹¹. Однако было произведено: в 1898 г. — 604 т, в 1899 г. — 1053 т, в 1900 г. — 3142 т сахара¹².

Другим крупнейшим промышленным предприятием была первая в стране хлопкопрядильная фабрика в Варне. Концессию на постройку и эксплуатацию этой фабрики в 1897 г. получило созданное английскими капиталистами в Манчестере анонимное акционерное общество «Князь Борис»¹³. Акционерами общества были не только английские, но и болгарские капиталисты, которым принадлежала четвертая часть всего капитала¹⁴. Правительство предоставило обществу право на монопольное про-

⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 360.

⁷ Там же.

⁸ См. «Дневници на VIII Обикновено народно събрание» (ОНС), I редовна сесия, кн. I, София, 1895, стр. 634—649; кн. II, София, 1895, стр. 839—848.

⁹ См. «Дневници на IX ОНС», I редовна сесия, кн. IV, София, 1897, стр. 556—557.

¹⁰ См. Г. Колушки. Чуждите капитали в България. — СВИД, 1901, кн. 6—7, стр. 419; Д. Яблански. Там же, стр. 222; С. Руссефф. Die Fortschritte der staatlich unterstützten Fabrikindustrie in Bulgarien. Halle, 1914, S. 120.

¹¹ См. I. Slawoff. Beitrag zu der Frage der ausländischen Kapitalien in Bulgarien. Erlangen, 1909, S. 70.

¹² См. «Дневници на XII ОНС», I извънредна сесия, кн. IV, София, 1902, стр. 1761.

¹³ См. Д. Йорданов. Преглед на българските дружества и банки в 1922 г. София, 1923, стр. 223.

¹⁴ См. С. Русефф. Ibid., S. 134. В печати того времени указывалось, что акционерами этого общества были князь Фердинанд, премьер-министр К. Стоилов, братья Симеоновы — банкиры из Русе и др. (см. «Работнически вестник», 1901, 1 VI; цит. по

изводство хлопчатобумажной пряжи в районе всей северной Болгарии и выделило ему бесплатно участок земли для постройки фабрики. Фабрика была пущена в эксплуатацию в январе 1899 г.¹⁵ Ее основной капитал составлял 1200 тыс. левов, оборотный — 300 тыс. левов, рабочих — 450 чел., количество веретен — 14 108, мощность парового двигателя 500 л. с., годовая производительность — 1135 тыс. кг грубой небеленой пряжи стоимостью в 2 млн. левов¹⁶.

Концессия на сооружение и эксплуатацию первой в стране электростанции на реке Искыр близ Софии была предоставлена французскому акционерному обществу, организованному Шарлем Бартелю 7 декабря 1898 г. Условия концессии были очень выгодны для французских капиталистов. За электроэнергию не была установлена максимальная плата, и общество, таким образом, получило возможность беспрепятственно обирать потребителей. Электростанция была пущена в эксплуатацию 1 ноября 1900 г. (мощность — 4000 л. с.: четыре гидротурбины по 500 л. с. каждая и четыре паровые машины общей мощностью в 2000 л. с. Это были тогда самые мощные энергетические машины в Болгарии). Первоначальный основной капитал электростанции составил 3 432 785 левов¹⁷.

Иностранцами была построена также первая в стране спичечная фабрика. Концессия на ее постройку с правом монопольного производства спичек в течение 10 лет была 7 сентября 1897 г. предоставлена французскому «Анонимному привилегированному акционерному обществу по производству спичек в Болгарии» с акционерным капиталом в 1250 тыс. франков, $\frac{3}{5}$ которого принадлежали лионскому предпринимателю Луи Брали, а остальные $\frac{2}{5}$ — 22-м бельгийским, французским и голландским фирмам. Строительство фабрики на ст. Костенец-Баня (Софийский округ) началось в 1899 г., а в июле 1901 г. она вступила в эксплуатацию. Ее основной капитал составлял 750 тыс. левов, проектная мощность — 30 тыс. ящиков спичек в год стоимостью 1,5 млн. левов¹⁸.

В 1895 г. при преобладающем участии бельгийского капитала (79%) был реконструирован кожевенный завод «Пенков и Попов» в Русе, который стал одним из крупнейших кожевенных заводов в стране¹⁹.

К более мелким предприятиям, основанным в этот период иностранным капиталом, относятся: четыре пивоваренных завода (в Пловдиве, Ломе, Видине и Русе), картонная фабрика в с. Долна Баня (Софийский округ), пороховой завод в Пловдиве, красильня, слесарная мастерская, типография в Русе и др.²⁰

Иностранный капитал проник также и в горнодобывающую промышленность, в которой до этого монопольное положение занимали государственные предприятия. «Болгарское металлургическое и каменноугольное анонимное общество», основанное бельгийским капиталом, приобрело три концессии: две — на эксплуатацию угольных шахт «Троян»

«Рабочническото движение в България. Материали. 1878—1904», т. I, София, 1953, док. 151, стр. 214).

¹⁵ См. Г. Колушки. Чуждите капитали в България, стр. 414.

¹⁶ См. Д. Яблански. Там же, стр. 222; С. Станев определяет количество рабочих в 550 чел. (см. S. S t a n e f f. Das Gewerbewesen und die Gewerbepolitik in Bulgarien. Rustschuk, 1901, S. 136). По данным Колушки число веретен составляло 11 400. Г. Колушки. Там же, стр. 414—415.

¹⁷ См. I. S l a w o f f. Ibid., S. 94—96, 98.

¹⁸ См. Г. Колушки. Чуждите капитали в България, стр. 416—418; Д. Йорданов. Принос..., стр. 69—70; I. S l a w o f f. Ibid., S. 86, 91; Ж. Натан, Л. Берров. Там же, стр. 59.

¹⁹ См. Ж. Натан, Л. Берров. Там же, стр. 56, 96.

²⁰ Там же, стр. 63—64; Д. Яблански. Там же, стр. 214—221.

и «Надежда» в Софийском округе и одну — на эксплуатацию железного рудника «Спасение» близ Брезника.

Французское акционерное общество с капиталом в 2 млн. левов, организованное одним из директоров Парижско-Нидерландского банка Огюстом де Серром, получило концессию на эксплуатацию угольной шахты «Князь Борис» близ Трявны²¹. Концессия на добычу медной руды была предоставлена в 1899 г. американскому капиталисту Уолтеру Уиллеру, который в том же году начал эксплуатацию рудника «Плакалница» около ж. д. станции Елисейна. Вскоре эта концессия перешла к Т. Маврокордато — русскому подданному из Константинополя, тесно связанному с английскими банками²². И все-таки иностранный капитал в горной промышленности играл назначительную роль.

О месте и роли иностранного капитала в болгарской промышленности в целом можно судить по следующим данным. В 1895—1899 г. иностранным капиталом было основано в Болгарии 24 промышленных предприятия²³. Согласно Ябланскому, в поощряемой законом промышленности за 1894—1900 гг. иностранный основной капитал возрос более чем в 12 раз (с 440 тыс. левов до 5320 тыс. левов), составив в 1900 г. 27% всего основного капитала. Вообще рост основного капитала поощряемой законом промышленности происходил преимущественно за счет иностранных капиталовложений, которые составили 4880 тыс. левов против 4 027 тыс. левов болгарских капиталовложений. Доля иностранных капиталовложений во всей болгарской промышленности составила в эти годы 23,6%²⁴.

В действительности удельный вес иностранного капитала в промышленности был еще большим, так как Ябланский не включил в перечень промышленных предприятий с иностранным капиталом Софийскую электростанцию, рудник «Плакалница», шахту «Князь Борис» и некоторые другие. Если учесть и это, то сумма иностранных капиталовложений составит около 13 млн. левов (примерно $\frac{2}{5}$ всего основного капитала).

Таким образом, к концу XIX в. иностранный капитал занял весьма важные позиции в болгарской промышленности. Тот факт, что иностранные капиталы вкладывались, главным образом, в пищевую и легкую отрасли промышленности, обеспечивавшие более высокую норму прибыли, способствовал одностороннему и уродливому развитию экономики Болгарии, превращению ее в аграрно-сырьевой придаток промышленных стран.

Вкладывая капиталы в промышленность Болгарии, западноевропейские капиталисты любыми средствами стремились добиться от болгарского правительства особых льгот и привилегий. Они грубо вмешивались во внутренние дела страны, оскорбляли национальное достоинство болгарского народа, предъявляли в ультимативной форме самые наглые требования. Примером может служить история создания первого в Болгарии сахарного завода, весьма примечательная для характеристики методов проникновения иностранного капитала в болгарскую промышленность²⁵. Первыми претендентами на его постройку в 1893—1894 гг. выступили болгарские капиталисты Чокоев и Божан, однако правительство отказалось предоставить им концессию. С такой же просьбой обрати-

²¹ См. Г. Колушки. Чуждые капиталы в България, стр. 409—412; Ж. Натан, Л. Берров. Там же, стр. 62.

²² См. Ж. Натан, Л. Берров. Там же, стр. 61—62, 87.

²³ Там же, стр. 70.

²⁴ 6055 тыс. левов из 25 634 тыс. левов всего основного капитала. См. Д. Яблански. Там же, стр. 222, 223.

²⁵ Сведения об этом содержатся в прениях по запросу депутата от Старо-Загорского округа А. Ходжева. См. «Дневници на IX ОНС», 1 извъредна сесия, кн. III, София, 1901, стр. 2190—2217.

лись: основанное при участии иностранного капитала акционерное общество «Сахар» и бельгийский капиталист Люсьен Дирикс. 8 апреля 1895 г. Совет министров удовлетворил обе просьбы, при этом срок концессий был определен в 10 лет, в соответствии с законом 1894 года. Дирикс не торопился с постройкой завода. Он добивался для своего предприятия особых привилегий, не предусмотренных законом, а также монопольного положения во всей Болгарии. Бездействовало также и общество «Сахар». Оно потребовало у Народного собрания предоставления ему особых льгот и привилегий, дополнительно к тем, которые гарантировались законом о поощрении промышленности, в том числе премии по 10 левов за каждые 100 кг произведенного сахара. Так как Собрание 9 декабря 1895 отклонило эти требования ²⁶, то общество также к строительству завода не приступало.

Дирикс и его компаньоны использовали это время для того, чтобы заручиться поддержкой самых влиятельных членов кабинета министров. В начале 1897 г. Дирикс через Гешова обратился к Народному собранию с просьбой о продлении срока концессии до 20 лет и выплате премии за переработанную сахарную свеклу. Он утверждал, что без этого невозможно будет построить и эксплуатировать завод.

О том, что это не так, свидетельствует письмо директора сахарного завода Густава Дорзе тайному посреднику между тогдашним правительством и бельгийской компанией Чохаджаеву. В нем конфиденциально сообщается, что завод сможет работать и на условиях, которые ему предоставило болгарское правительство. «... Не надо, — говорится в письме, — чтобы знали, что мы сможем работать, даже если наши требования не будут одобрены. Напротив, все должны думать, что это вопрос *sine qua non*» ²⁷.

Дирикс, таким образом, добивался пересмотра закона о поощрении местной промышленности. При этом он рассчитывал, и не без оснований, на помощь своих сторонников из кабинета министров.

26 февраля были в спешном порядке проведены все три чтения законопроекта о дополнении закона о поощрении местной промышленности от 1894 г. ²⁸. Среди одобренных Собранием дополнений на первом месте стояли те, которых добивался Дирикс. Сам министр торговли и земледелия Людсканов вынужден был признать 6 июня 1901 г., что дополнения к закону о поощрении местной промышленности были приняты «по настоянию Дирикса» и что «после этого претензии хозяев сахарного завода все увеличивались, а Совет министров шел им навстречу» ²⁹.

Только после того, как Дирикс обеспечил себе дополнительные привилегии и добился аннулирования предоставленной обществу «Сахар» концессии, основанное им в мае 1897 г. бельгийское «Анонимное общество болгарских сахарных и рафинадных заводов» приступило к строительству сахарного завода в Софии.

Основываясь на дополнениях к закону о поощрении местной промышленности, Дирикс 18 сентября 1897 г. подал заявление министру торговли и земледелия, в котором, ссылаясь на конкуренцию австрийских и румынских сахарозаводчиков, требовал от болгарского правительства выплаты заводу премии в размере 5 левов за каждую тонну перерабо-

²⁶ См. «Дневници на VIII ОНС», II редовна сесия, кн. II, София, 1896, стр. 354—361.

²⁷ См. «Дневници на XII ОНС», I извънредна сесия, кн. IV, София, 1902, стр. 1785.

²⁸ См. «Дневници на IX ОНС», I редовна сесия, кн. IV, София, 1897, стр. 556—557.

²⁹ См. «Дневници на XI ОНС», I извънредна сесия, кн. III, София, 1901, стр. 2198.

танной свеклы. В случае невыполнения этого требования, угрожал Дирикс, завод не сможет работать ³⁰.

Уже через пять дней требование Дирикса было удовлетворено. 23 сентября 1897 г. последовало постановление Совета министров, обязывавшее министерство торговли и земледелия предусмотреть в бюджете на 1898 г. кредит для премий владельцам сахарного завода в размере, требуемом Дириксом ³¹.

После пуска завода его владельцы еще более усилили давление на болгарское правительство, домогаясь от него выполнения новых требований. 3 декабря 1898 г. Дирикс подал заявление, в котором требовал предоставления его заводу права монопольного производства во всей северной Болгарии. Он стремился таким образом не допустить создания новых сахарных заводов болгарским национальным капиталом.

А. такие попытки были. Так Иван Кирков из Сопота, узнав о том, что концессия, предоставленная обществу «Сахар», аннулирована, еще 18 августа 1897 г. попросил у правительства концессию на постройку и эксплуатацию сахарного завода в Пловдиве с монопольным районом в составе Пловдивского, Старо-Загорского и Хасковского округов. Эта просьба была удовлетворена. Кроме того, другой болгарин, бургасский адвокат Тотев, добивался концессии на постройку сахарного завода в Бургасе. В связи с этим Дирикс 30 августа 1899 г. подал еще одно заявление, в котором настаивал, чтобы к монопольному району софийского завода был присоединен в южной Болгарии Пловдивский, а в северной — Врачанский и Плевенский округа. Он также сделал заявку на постройку второго сахарного завода в Бургасе, потребовав в качестве монопольного района Бургасский, Сливенский и Варненский округа. Дирикс возражал против удовлетворения ходатайства Киркова и Тотева, утверждая, что они неспособны предпринять что-нибудь серьезное в области сахарной промышленности. В случае не удовлетворения его требований Дирикс грозил остановить завод. Совет министров 22 сентября 1899 г. принял решение, соответствовавшее интересам бельгийской компании. Со своей стороны бельгийское общество обязывалось построить еще один сахарный завод, однако не построило его.

Идя навстречу домогательствам бельгийских сахарозаводчиков, Совет министров 29 июля 1900 г. принял постановление, которым он обязывался выплачивать компании премии в течение всех 20 лет действия концессии, что должно было составить сумму в 4 млн. левов. Кроме того, правительство обязывалось добиться от Народного собрания дополнительных ассигнований на премии для вывозимого за границу сахара в размере трех левов за каждые 100 кг после того, как компания построит второй сахарный завод и начнет производить в общей сложности 7 млн. кг рафинированного сахара в год. Компания мошенническими приемами принуждала крестьян продавать свеклу по 15—18 левов за тонну, вместо установленной цены в 20 левов, при этом она обманывала крестьян при взвешивании. Следственная комиссия, образованная Народным собранием, для расследования связей правительства с бельгийской компанией констатировала, что правительство «своими произвольными и сомнительными действиями» обеспечило монопольное и привилегированное положение бельгийской компании в Болгарии в ущерб болгарским промышленникам, что оно «презрело и нарушило законы государства, нанеся урон частным и общим интересам страны». По докладу комиссии Народное

³⁰ I. S l a w o f f. Ibid., S. 68; Д. Й о р д а н о в, Принос..., стр. 44.

³¹ Владельцы завода получили государственных премий: в 1898/99 гг. — 31 173 лева, в 1899/900 гг. — 46 557 левов, в 1900/01 гг. — 137 842 лева (см. Д. Й о р д а н о в. Принос..., стр. 44).

собрание приняло решение отдать под суд весь состав кабинета министров Иванчова-Радославова ³².

Аналогичным образом действовали и французские капиталисты, строившие спичечную фабрику на ст. Костенец-Баня. В 1899 г., когда здание фабрики было почти готово, глава французской компании Брали, следуя примеру Дирикса, решил добиться больших привилегий, чем те, которые предусматривались законом о поощрении промышленности и концессионным договором. С этой целью он прибег к обману и шантажу. При распространении акций он объявил подписчикам, что концессия предоставлена на 20 лет (хотя она была предоставлена только на 10 лет), а затем потребовал продления срока концессии от болгарского правительства, шантажируя его тем, что общество не сможет реализовать акции, так как акционеры не согласятся вкладывать свои капиталы на короткий срок. По настоянию министра торговли и земледелия Г. Начовича, Собрание 26 июня 1899 г. приняло решение о продлении концессии ³³.

Правители Болгарии помогали иностранным капиталистам эксплуатировать и грабить болгарский народ. Лицемерно ратуя за поощрение национальной промышленности, они на деле предавали национальные интересы страны в угоду интересам иностранного капитала.

³² См. «Дневници на XI ОНС», I извънредна сесия, кн. V, София, 1901, стр. 3330—3351.

³³ См. «Дневници на X ОНС», I извънредна сесия, кн. III, София, 1899, стр. 252.

А. С. СОКОЛОВСКАЯ

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ГОВОРОВ И ЭТНОЯЗЫКОВОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Припятское Полесье вот уже более 15 лет привлекает к себе пристальное внимание славистов-археологов и славистов-языковедов. С 1951 г. широкое исследование этой территории ведет группа сотрудников Института археологии АН СССР под руководством Ю. В. Кухаренко, а с 1962 г. — группа языковедов Института славяноведения АН СССР и Института языкознания АН БССР под руководством Н. И. Толстого.

Обследуемая территория представляет большой интерес с многих точек зрения. Она составляет центр севернославянского ареала, который до миграции славян на Балканский полуостров характеризовался территориальным единством. В восточной части севернославянского ареала, как отмечает С. Б. Бернштейн¹, выделяются два поддиалекта: центральный и восточный. Первый из них локализуется между Западным Бугом и Горынью, второй — на восток от Горыни. Северная группа центрального поддиалекта находилась в особенно тесных связях с пралехитским поддиалектом. Таким образом, Припятское Полесье оказалось мостом, соединявшим западное и восточное славянство еще до балканской миграции, поэтому этноязыковое разграничение этой части Полесья имеет важное значение для решения ряда проблем славяноведения.

Ценность этого района определяется также и его относительной изолированностью, способствовавшей сохранению здесь группы архаических говоров, дифференциация которых может служить аналогией степени близости диалектов праславянского языка. Праславянский язык с его слабой междиалектной дифференциацией, вероятно, сложился на сравнительно небольшой территории. В силу этих и некоторых других соображений Н. И. Толстой счел возможным рассматривать Припятское Полесье как наиболее удобный полигон для моделирования древнейших славянских междиалектных связей². Кроме того, географическое положение изучаемого района указывает на то, что здесь проходила древнейшая славянская миграция³.

Еще до недавнего времени Припятское Полесье было весьма плохо изучено, поэтому полученные в результате полевых исследований новые факты не связаны с априорными теориями. Вопрос заключается в том, как тол-

¹ С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 69—70.

² Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. II. — «Вопросы языкознания», 1966, № 5, стр. 19.

³ В. В. Мартынов. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. — «Советское славяноведение», 1965, № 4, стр. 70.

ковать эти факты. Основные данные по фонетике и морфологии полесских говоров, не считая разрозненных сведений в ряде работ этнографического характера ⁴, сконцентрированы в трех лингвистических атласах ⁵. Изучение морфологических изоглосс не дает пока надежных данных для лингвогеографического членения территории Полесья. В отличие от них фонетические изоглоссы указывают на возможность разделения припятского ареала на две зоны с границей, проходящей вдоль Ясельды, Припяти (на протяжении между Ясельдой и Горынью) и Горыни ⁶. Не вдаваясь в споры о древности этого разграничения, укажем, что данные фонетических изоглосс не дают основания для построения какой-либо другой столь четко выраженной границы. Однако главным аргументом в пользу древности данного языкового разграничения Припятского Полесья является полное совпадение языковой и археологической границ.

Установление археологического ареала принадлежит Ю. В. Кухаренко ⁷, который в отличие от К. Фримана ⁸ пришел к выводу, что Полесье со времен неолита характеризовалось постоянным населением и что, несмотря на сильную заболоченность, Полесье было сравнительно густо заселено. Относительно низкое плодородие почвы этой территории компенсируется теперь и еще в большей степени компенсировалось в древности почти неограниченными возможностями для выпаса и содержания скота. Условия жизни на Полесье были не хуже, а в некоторых отношениях даже лучше, чем в соседних районах ⁹.

Ю. В. Кухаренко отмечает, что, начиная, примерно, с конца неолита и почти до раннего Средневековья, Полесье резко делится на две самостоятельные культурно-исторические области: западную и восточную. Гра-

⁴ См. П. Шпилевский. Мозырщина. Из путешествия по западнорусскому краю. — «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», СПб., 1859, кн. 3; М. Эремич. Очерки белорусского Полесья. — «Вестник Западной России», 1867, кн. 8, 9; Ю. Крачковский. Быт западнорусского селянина. — «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских», М., кн. 4, 1873; «Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край, собранные П. П. Чубинским», т. VII, вып. 2, СПб., 1877; Д. Г. Булгаковский. Пинчуки. Записки имп. русского географ. общества по отделению этнографии, т. XIII, вып. 3. СПб., 1890; М. Довнар-Запольский. Песни пинчуков. Киев, 1895; «Материалы по этнографии Гродненской губернии». Под ред. Е. Романова. Вып. 1, 1911; вып. 2, 1912, Вильна; А. К. Сержпутовский. Сказки и рассказы белорусов-полешуков. СПб., 1911; И. А. Семенов. Белорусы-сакуны. Краткий этнографический очерк. — «Сборник Отделения русского языка и словесности», т. XCIV, № 1, Пг., 1915; Егоров. Поездки по Полесью 1911 и 1912 года. Вильна, 1914; А. Сержпутовский. Казкі і аповяданні беларусаў з Слуцкага павета. Л., 1926; I. А. Семенов. Вічынскія паляне. Этнографічны нарыс по матар'яльнай культуры буларускага Полесья. — «Зборнік артыкулаў». Менак, 1928.

⁵ См. «Дзялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963; «Атлас україньскої мови (Полісся, Середньої Наддніпряниці та суміжних земель)» (в печати); Т. В. Назарова. Лінгвістичний атлас нижньої Прип'яті (в печати).

⁶ См. «Дзялекталагічны атлас беларускай мовы...», карты № 4, 5, 6, 7, 10, 11, 15, 16, 34, 35, 47, 51, 53, 55, 56, 57; ср. Н. И. Толстой. О лингвистическом изучении Полесья. Сб. «Полесье». (в печати); Т. В. Назарова. Беларускія ізяглыны на тэрыторыі Украіны. Сб. «Беларускае і славянскае мовазнаўства (да 70-годдзя акадэміка К. К. Крапівы)» (в печати).

⁷ Ю. В. Кухаренко. Полесье и его место в процессе этногенеза славян. — «Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве (сентябрь 1965)», М., 1965, стр. 8; Егоров. Древнее Полесье (по материалам археологических исследований). Автореферат докторской диссертации. М., 1965, стр. 3.

⁸ Е. Фриман, полемизируя с Г. Улашиным, утверждал, что Полесье не могло быть прародиной славян, так как комплекс климатических и географических условий не способствовал плотному заселению этой территории; см. J. Frie man. Polesie nie mogło być praojczyzną Słowian. — «Przegląd archeologiczny», t. XIII, Wrocław, 1961.

⁹ Ю. В. Кухаренко. Древнее Полесье..., стр. 4.

ница между ними в течение многих веков проходила примерно по рекам Ясельде, Припяти (на участке от устья Ясельды до устья Горыни) и Горыни¹⁰. Ю. В. Кухаренко полагает, что прародину славян нужно искать где-то западнее Полесья, во всяком случае, западнее границы, которая идет по Ясельде, Припяти и Горыни¹¹.

Таким образом, археологическое разграничение Полесья совпадает с разграничением, устанавливаемым на основании фонетических изоглосс. Лексические изоглоссы в силу их немногочисленности и несистемности пока не дают оснований для выводов о разграничении Полесья.

Лексика Припятского Полесья изучалась недостаточно и спорадически. Специальных работ, в которых бы исследовался лексический материал этого района, очень мало. К тому же материал в них часто описывается так, что их бывает трудно отличить от собственно этнографических исследований, которые содержат лексические данные. Нам представляется важным рассмотреть работы, содержащие описание лексики, в плане территориального распределения материала и с точки зрения его полноты.

К работам такого типа относится прежде всего книга К. Мошинского «Восточное Полесье»¹². Работа является крупнейшим из этнографических источников, посвященных Полесью. В ней содержится этнографический и лексический материал Речицкого и восточной части Мозырского Полесья¹³. Во введении к книге мы находим детальную физико-географическую картину этой территории Полесья. Первая часть исследования знакомит с материальной культурой этого района. Автор подробно описывает занятия полешуков: охоту, рыболовство, бортничество, животноводство, земледелие и т. п. Отдельные разделы книги посвящены описанию приготовления пищи, одежды, ткачества, строительства. Во второй части работы довольно полно представлена социальная культура полешуков. Этнографический материал сопровождается детальным семантическим анализом соответствующей лексики.

Другой крупной работой, в которой исследуется лексика Полесья, является книга Ю. Тарнацкого «Сравнительное исследование географии слов»¹⁴. В этой работе автор реализовал свои планы изучения лексики диалектов Западного Полесья. Он поставил перед собой две задачи: 1) определить языковое деление Полесья на материале лексики и 2) установить в сравнительном плане географию слов (белорусско-мазовецкие сравнения). Ю. Тарнацкий отмечал, что уже во время сбора диалектологического материала на Полесье он заметил соотношенность полесских названий с мазовецкими. Это подтвердило и картографирование. Им была собрана и описана лексика по следующим темам: строительство, одежда, орудия труда, посуда, транспорт и коммуникации, земледелие, пища, растения, звери. Языковое деление Полесья Ю. Тарнацкий устанавливает статистическим методом. Его работа является важнейшим лексикографическим источником для изучения Западного Полесья.

Некоторые лексические данные северноукраинских и переходных белорусско-украинских говоров на территории бывших Мозырского, Пинского и Пружанского уездов содержатся в материалах, опубликован-

¹⁰ Ю. В. Кухаренко. Древнее Полесье..., стр. 25; Е го же. Полесье и его место в процессе этногенеза..., стр. 9.

¹¹ Е го же. Древнее Полесье..., стр. 29.

¹² К. М о з ы р ь с к и. Polesie wschodnie. Warszawa, 1928.

¹³ В 30-е годы С. Круковский составил «Краёвы слоўнік Мазыршчыны», который содержал богатый материал по лексике Припятского Полесья. К сожалению, рукопись словаря сгорела во время Великой Отечественной войны.

¹⁴ J. T a r n a c k i. Studia porównawcze nad geografią wyrazów (Polesie — Mazowsze). Warszawa, 1939.

ных Е. Ф. Карским¹⁵. Лексический материал может быть извлечен также из грамматического описания языка Туровщины и фольклорных записей из этого района, которые опубликовали А. Одинец и И. Юрашкевич¹⁶.

Лексика северо-восточной части Полесья (Глусский район Минской области) представлена в «Диалектном словаре» Ф. М. Янковского¹⁷. В него, правда, не вошли слова, широко употребляемые в белорусском литературном языке, кроме тех, которые отличаются от литературных звуковым составом, словообразованием, грамматическими характеристиками. Для ряда слов приводятся параллели из других говоров и языков.

Лексика, которая содержится в «Словаре диалектной лексики Среднего и Восточного Полесья» П. С. Лысенко¹⁸, собрана в 128 населенных пунктах Черниговской, Житомирской, Киевской, Сумской областей. Этот словарь, как и словарь Ф. Янковского, является дифференциальным. Реестровые слова, как правило, толкуются лексическими или фразеологическими соответствиями украинского литературного языка. При отсутствии литературного соответствия значение реестрового слова раскрывается описательно. Словарь содержит в себе материал Южного Полесья, который мы сравниваем с лексикой Припятского Полесья.

В 1965 г. в отделе рукописей Библиотеки Академии наук Литовской ССР Л. А. Малаш и А. С. Аксамитовым были найдены неопубликованные материалы по лексике Пинщины — «Слоўнікавы матэрыял для беларускай этнаграфічнай энцыклапедыі. Піншчына». Эти материалы были собраны летом 1926 г. известным белорусским художником, этнографом, фольклористом и писателем О. Н. Дроздовичем (1889—1957). Картотека содержит 407 лексем и разбита на два предметно-синонимических класса: 1) названия животных, рыб, насекомых, их морфология и анатомия; 2) названия посуды и хозяйственных предметов. Каждому слову дается толкование. В конце словарной статьи указывается населенный пункт, в котором записана лексема. Ко многим статьям прилагаются рисунки. Л. А. Малаш и А. С. Аксамитов подготовили этот материал к печати.

Таким образом, весьма неполные лексические данные рассмотренных работ содержат к тому же существенные пробелы и с точки зрения лингвогеографической. Не говоря уже о Восточном Полесье, из поля зрения исследователей полностью выпало Среднее Полесье (Лунинецкий, Столинский, Давид-Городокский районы), представляющее особый интерес для языкового разграничения изучаемой территории.

Мы рассмотрели исследования, посвященные лексике Полесья, с тем, чтобы дать представление о состоянии лексикологической работы в этой области к моменту, когда были начаты специальные полевые исследования полесской лексики экспедициями 1962—1965 гг. Собранный в результате этих экспедиций материал нашел свое отражение в ряде работ.

Н. И. Толстой использовал материал говоров Припятского Полесья в типологических исследованиях славянского словарного состава, в которых рассматриваются вопросы моделирования и картографирования семантических микрополей и проблема различной дистрибуции суффиксов

¹⁵ Е. Ф. Карский. Материалы для изучения северно-малорусских говоров, а также переходных от белорусских к малорусским (Полесье). — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. III, кн. 3, прил. 2, СПб., 1898; «Сборник Отделения русского языка и словесности», т. LXXV, № 6, СПб., 1903.

¹⁶ А. Адзінец, І. Юрашкевіч. Нататкі аб асаблівасцях мовы Тураўшчыны. — «Наш край», 1928, № 8—9.

¹⁷ Ф. Янкоўскі. Дыялектны слоўнік. Мінск, ч. I, 1959; ч. II, 1960.

¹⁸ П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики Середнього і Східного Полісся. Київ, 1961.

в заданном семантическом пространстве¹⁹, и семасиологическом исследовании славянской географической терминологии²⁰. Богатое описание полесской лексики содержится в находящихся в печати сборниках «Полесье» и «Лексика Полесья», в которых собраны результаты полесских экспедиций.

В настоящее время можно говорить о применении в исследовании лексики Полесья двух методик описания: статистической (Ю. Тарнацкий) и структурной (Н. И. Толстой). Ю. Тарнацкий, применяя статистические методы исследования, устанавливает степень близости говоров Западного Полесья на материале лексики²¹, с учетом наличия и отсутствия лексем и соответствующей ей реалии в говорах. Методика Ю. Тарнацкого близка к методике Я. Чекановского, которая применялась для установления генетической близости языков на материале фонетики и грамматики²² и которая может быть использована и для определения лексического расстояния между говорами.

Структурная методика Н. И. Толстого основана на понимании слова как единства лексемы (план выражения) и семемы (план содержания). Вычленение отдельного микрополя при исследовании лексики группы говоров основано на следующих показателях: наборе семем, дистрибуции лексем на семантической сетке модели и конфигурации лексем внутри семантического поля. Изменения семантических полей определяются путем перегруппировки лексем²³.

Методика Ю. Тарнацкого и Я. Чекановского была использована нами для определения степени лексической близости говоров Припятского Полесья²⁴. Кроме того, в своей работе мы объединяем методики статистического и структурного описания, для чего используем формулу Ю. И. Левина²⁵. Семантическое поле разбивается на пары лексем, в границах которых происходит перегруппировка лексем. По формуле Ю. И. Левина определяется степень близости говоров в зависимости от количества и сложности этих перегруппировок. Материалом для нашего исследования послужили названия одежды и обуви Припятского Полесья (более 500)²⁶. Они описаны в сравнении с соответствующей лексикой примыкающих диалектных территорий (белорусской, украинской, польской).

Результаты подсчетов по трем формулам и картографирования этого материала показали, что на территории Припятского Полесья резко выделяются две зоны говоров: западная (Брестчина) и восточная (по Припяти от Петрикова до пересечения Припятью границы БССР с УССР). Расчеты по первым двум формулам (Ю. Тарнацкого и Я. Чекановского) дают наибольшие числовые данные для показателя степени лексической близости говоров на крайнем востоке обследуемой зоны. Это значит, что именно там располагаются говоры, лексика которых является наиболее общей по отношению ко всем остальным изучаемым говорам. По мере про-

¹⁹ Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава.— «Вопросы языкознания», 1963, № 1; 1966, № 5.

²⁰ Его же. Славянская географическая терминология (семасиологические этюды) (в печати).

²¹ J. Tarnański. Studia porównawcze..., s. 76.

²² J. Czekanowski. Wstęp do historii Słowian. Poznań, 1957, s. 71.

²³ Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования..., стр. 30—32, 36.

²⁴ См. В. В. Мартынов. Проблема славянского этногенеза..., стр. 79; А. С. Соколовская. Опыт определения лексической близости диалектов (на материале названий одежды и обуви Припятского Полесья). Сб. «Полесье» (в печати).

²⁵ Ю. И. Левин. Об описании системы лингвистических объектов, обладающих общими свойствами.— «Вопросы языкознания», 1964, № 4, стр. 115.

²⁶ А. С. Соколовская. Названия одежды и обуви Припятского Полесья. Сб. «Лексика Полесья» (в печати).

движения на запад Припятского Полесья этот показатель постепенно уменьшается. На западе располагаются говоры с наименьшим показателем степени лексической близости, т. е. говоры, лексика которых является более специфической по отношению к лексике остальных обследованных говоров. Расчеты по формуле Ю. И. Левина показали другие закономерности географического распределения лексики на территории Припятского Полесья. Говоры западной части имеют наибольший показатель степени лексической близости. Это значит, что они отличаются большим количеством и сложностью перестроек семемных пар.

Полученные нами результаты можно интерпретировать с двух точек зрения: с точки зрения общих закономерностей лексических систем и подсистем и с точки зрения установления древней пространственной соотносительности носителей данных диалектов²⁷.

Уже при составлении программы по сбору лексики Припятского Полесья²⁸ учитывалась необходимость пространственной интерпретации не отдельных лексем, а семантических микрополей. В дальнейшем те случаи, в которых удалось установить перестройки в рамках семантических микрополей, были сгруппированы и количественно проанализированы по формуле Ю. И. Левина. Анализ показал ряд закономерностей взаимодействия семантических полей, что невозможно было выявить при сопоставлении отдельно взятых лексем. Диалекты в отличие от литературных языков характеризуются почти полным отсутствием функциональных стилей. Это приводит к резкому ограничению синонимии, что в свою очередь способствует системности в лексике. Перестройка внутри семантических микрополей происходит, следовательно, за счет проникновения лексики из одного диалекта в другой (реже за счет проникновения лексики из литературного языка). Таким образом, на материале группы близких говоров может быть достаточно выразительно восстановлена картина междиалектных контактов в области лексики. Говор с наибольшим количеством отличий в структуре семантических микрополей по сравнению с основной массой говоров данной территории при таком подходе неизбежно оказывается периферийным, так как семантические перестройки в данном случае определяют максимальное количество лексических проникновений извне.

В целом Припятское Полесье можно рассматривать как типичную общность близких славянских говоров на достаточно большой территории, и поэтому те общие закономерности в области лексики, которые устанавливаются для Полесья, могут служить своеобразной моделью праславянского состояния.

Выделение двух зон в Полесье можно интерпретировать и с точки зрения установления древней пространственной соотносительности носителей данных диалектов. Результаты подсчетов показывают, что западная зона, которая устанавливается по трем формулам, расположена на запад от линии Ясельда — Припять — Горынь. В качестве предварительного вывода можно заключить, что деление Полесья на основе лингвогеографического анализа названий одежды и обуви в основном совпадает с археологическим делением Полесья²⁹.

²⁷ Ср. примеры полесско-карпатско-южнославянских параллелей в статье Н. И. Толстого «Об изучении полесской лексики» в сб. «Лексика Полесья» (в печати).

²⁸ А. С. Сакалоўска я. Вопыт складання праграмы для сістэмнага апісання лексікі. Сб. «Беларуская мова», Мінск, 1965.

²⁹ Следует иметь в виду, что названия одежды и обуви относятся к тем группам лексики, для которых характерно максимальное количество новых заимствований. Однако количество таких заимствований составляет около 12% от общего количества зарегистрированной нами лексики, что не может оказать существенного влияния на результаты исследования.

Опыт составления лексических атласов и лексических частей общелин-
гвистических атласов показывает, что изолированные лексические изо-
гlossы не могут определить ареальные границы. Это объясняется относи-
тельно свободной взаимопроницаемостью диалектных лексических соста-
вов. Ясно, что такого рода изогlossы не дадут надежных данных для
языкового разграничения Припятского Полесья. Результаты применения
статистических и структурных методик показали принципиальную возмож-
ность получения лексического критерия для определения ареальных
границ. Ввиду того, что установленное таким образом разграничение
Припятского Полесья совпало с разграничением на основе фонетических
и историко-культурных характеристик, его надежность представляется
вполне удовлетворительной.

Еще, безусловно, рано говорить о полном лингвистическом подтвер-
ждении археологической границы. Важно, однако, подчеркнуть, что дан-
ные нашей и некоторых других работ участников полесских экспедиций
не противоречат археологическому членению Полесья.

В. В. НИЯКИЙ

О ПОБЕГЕ ЯРОСЛАВА И ПЕЛАГИИ ДОМБРОВСКИХ

История побега Ярослава Домбровского из пересыльной тюрьмы на московском Колымажном дворе и побег Пелагии Домбровской из Ардатова являются ярким свидетельством братской дружбы и сотрудничества польских и русских революционеров в борьбе против самодержавия. Однако, в некоторых биографических работах о Домбровском эти эпизоды не нашли достаточно подробного освещения. Несколько более подробно остановился на них советский исследователь А. Я. Лурье¹, основываясь на воспоминаниях жены Домбровского² и опубликованных М. Клевенским в «Красном архиве» материалах о побеге Я. Домбровского³. В настоящей статье использован более широкий круг источников, в том числе изданная в Варшаве переписка Ярослава и Пелагии Домбровских⁴, неопубликованные документы из фонда канцелярии нижегородского губернатора⁵, «Колокол» Герцена и другие.

К концу 1864 г. под надзором полиции в Нижегородской губернии находилось 107 ссыльных поляков⁶, к июню 1865 г. число их увеличилось до 120 человек⁷. Польские повстанцы и прибывшие с ними родственники жили в четырех уездных городах: Ардатове (37 человек), Княгинино (21 человек), Лукоянове (23 человека) и Семенове (39 человек).

Пелагия Домбровская была доставлена в Ардатов под конвоем жандарма 11 июля 1864 г. На десяти частных квартирах в разных концах города в это время уже жили сосланные поляки. Большая часть их была «направления общего патриотического», по характеристике ардатовского исправника, и выслана либо «по подозрению в участии в мятеже», либо «по неблагонадежности в политическом отношении». Антон Маковецкий, например, был обвинен «в знании о посылении в шайку мятежников сыновей Иосифа Маковецкого и в снабжении их при отправлении в шайку съестными припасами», а преподаватель Горы-Горецкого земледельческого института Франц Венцковский — «в невнимательном исполнении своей обязанности, последствием чего было развитие между студентами и воспитанниками заведения противуправительственных стремлений и в предосудительном поведении во время поднятого студентами мятежа, причем он не уклонился от сношений с мятежниками, которые были у него в доме и пили чай»⁸.

Многие были сосланы сюда за «укрывательство мятежников», снабжение их продуктами и за хранение оружия. Был здесь и «явившийся из мятежа, но не изъявив-

¹ А. Я. Л у р ь е. Портреты деятелей Парижской коммуны. М., 1956, стр. 329—331.

² P. Dąbrowska. Wspomnienia z roku 1863.— «Naprząd», 1923.

³ М. К л е в е н с к и й. Побег Ярослава Домбровского.— «Красный архив», 1927, т. 3 (22), стр. 236—241.

⁴ J. Dąbrowski. Listy. Warszawa, 1960.

⁵ Государственный архив Горьковской области (ГАГО), ф. 2. Некоторые документы были опубликованы в 1930 г. А. Черновым: «К истории побега Ярослава Домбровского». Сообщ. А. Чернов.— «Красный архив», 1930, т. 3 (40), стр. 189—191.

⁶ ГАГО, ф. 2, оп. 5, 1864, д. 18, л. 19.

⁷ Там же, л. 50.

⁸ Там же, д. 19, л. 15, 17.

ший чистосердечного раскаяния» 19-летний гимназист и «признанный вредным в политическом отношении» 64-летний отставной поручик. Около половины ссыльных составляли женщины. Из Нижнего Новгорода доносили министру внутренних дел, что «по отзывам исправников все лица, за исключением Вольтановского, Шукевича и Михайловского, с местными жителями не знакомятся и видятся только друг с другом или ведут жизнь совершенно уединенную»⁹.

Роман Вольтановский был знаком со многими русскими семьями и говорил «во многих домах с гонором о патриотизме»¹⁰. По характеристике нижегородских полицейских властей это «большой патриот, ведет обширную переписку, в письмах своих выражается колко и дерзко о правительстве, надевал национальный костюм, по характеру своему не заслуживает никакого к себе доверия»¹¹. Он был сослан «по подозрению в собирании народной подати по приказанию революционной партии»¹². Фома Шукевич «ознакомился также со многими домами и по образованию может иметь влияние на общество»¹³. Своими революционными настроениями вызывали большое беспокойство у ардатовского исправника сосланная «за сношение с мятежниками и доставление им съестных припасов» София Эльская («женщина беспокойная, большая патриотка и влиятельная, в письмах выражает недовольство правительством, жалуясь на несправедливость его»), сосланные «за действие против правительства» сестры Пиотровские («большие патриотки, в письмах выражают недовольство правительством»), а также сосланный «за подговор своего кучера к мятежу и вообще за неблагонадежность» 19-летний Иосиф Олендзский («очень скрытен, доверия к себе не возбуждает»)¹⁴.

Эти люди как раз и составляли круг знакомых Пелагии Домбровской в Ардатове. Иосиф Олендзский был ее кузеном¹⁵, Пиотровские — тетками, вместе с которыми она жила, с Эльской она познакомилась еще в арестантском вагоне. Из письма Ярослава Домбровского к жене от 8 сентября 1864 г. видно, что в Ардатове ее близким другом была «пани Эмилия»¹⁶. В «именном списке» сосланных в Ардатов поляков это имя носит только одна женщина: жена Романа Вольтановского, обвенчавшаяся с ним в ссылке 4 августа 1864 г.¹⁷ Можно предположить, что и Роман Вольтановский был в дружеских отношениях с Пелагией Домбровской.

В Ардатове Пелагия Домбровская усиленно занимается самообразованием: изучает английский язык, много читает. Домбровский через своего знакомого высылал ей ряд французских книг: «Историю цивилизации» Гизо, «Женщины — католички» итальянского философа Вентура де Раулика и др. По его совету она изучает политэкономию, для чего Домбровский прислал ей пособие на французском языке. В одном из своих писем Домбровский отрицает распространенное тогда мнение, что политэкономия не нужно знать женщинам, и говорит о большом значении этой науки¹⁸.

Пелагия так рьяно взялась за книги, что тетки стали опасаться за ее здоровье¹⁹. Однако, упорный труд и моральная поддержка Ярослава помогли ей не падать духом. В это время Пелагия надеялась жить вместе с Ярославом: он подал докладную записку с просьбой отправить его для отбывания ссылки в Ардатов²⁰. Однако, Домбровскому было отказано в его просьбе. Из пересыльной тюрьмы он сообщал жене: «Мое дело окончено, но, к несчастью, я еду не в Ардатов!»²¹ Пелагия уже была подготовлена к этому

⁹ ГАГО, ф. 2, оп. 5, 1864, д. 18, л. 22. Первые два из названных ссыльных находились в Ардатове, последний — в Семенове.

¹⁰ Там же, л. 21.

¹¹ Там же, л. 104.

¹² Там же, д. 19.

¹³ Там же, д. 18, л. 21.

¹⁴ Там же, д. 19; д. 18, л. 106, 111, 112.

¹⁵ «Naprząd», 19 VIII 1923.

¹⁶ J. Dąbrowski. Ibid., s. 38—39.

¹⁷ ГАГО, ф. 2, оп. 5, 1864, д. 19.

¹⁸ J. Dąbrowski. Ibid., s. 39.

¹⁹ Ibid., s. 49.

²⁰ Ibid., s. 46.

²¹ Ibid., s. 51.

письмом родственницы из Варшавы. «Наконец дело моего мужа окончено, — писала Домбровская своему знакомому, — но все блестящие надежды, предположения рассыпались в прах, а действительность печальна — пятнадцать лет каторжных работ в Сибири»²².

Тяжелый удар не сломил Домбровских. «Действительно несчастлив только тот, кто падает духом, кто утрачивает надежду», — мужественно писал революционер своей жене²³. И она не пала духом. Энергично стала добиваться аудиенции у губернатора, чтобы просить о встрече с мужем в Нижнем Новгороде и о сопровождении его в место ссылки. «В Нижнем буду просить о разрешении ехать с ним или за ним, в чем мне вероятно не откажут, — делилась она своими мыслями с товарищем. — Чувствую в себе достаточно энергии, достаточно воли для выполнения этой трудной, но приятной обязанности»²⁴.

В тюрьме на Кольмажном дворе 130 поляков находились в одной камере, причем надзор за ними был не особенно строгим: некоторые заключенные брали обед из «польской кухмистерской», в тюрьму допускали лотошниц. Даже переключки производились нерегулярно. Однажды, в «баный день» 2 декабря 1864 г. 99 арестантов отправились в баню, а в камере должно было остаться 31 человек, но к ужасу надзирателей их оказалось всего 30. Не хватало Ярослава Домбровского. Об этом немедленно объявили в дополнении к суточному приказу по московской полиции.

Всегда бывший в курсе полицейских новостей М. Н. Катков сообщал в своей газете в тот же день: «Сегодня утром бежал здесь в Москве, как говорят из бани, политический преступник Домбровский»²⁵.

Полиция сбилась с ног, чтобы узнать, как был совершен побег, но так ничего и не узнала, а лишь выдвинула несколько противоречивых версий.

А накануне, в 5 часов вечера 1 декабря 1864 г. к студенту Болеславу Шостаковичу подошла деревенская баба и мужским голосом попросила помочь скрыться от полиции. Студент сразу узнал знакомого ему по революционной работе в Петербурге Домбровского²⁶. Он отдал беглецу свой плащ и фуражку, провел с ним ночь на бульварах и в трактире, так как вести домой Домбровского было опасно. «Вид, какой он имел, действительно был жалок, он говорил, что ничего не ел с утра и что все время находится на ногах, и несколько раз просил меня остановиться, чтобы прислонившись к стене отдохнуть», — показывал через два года Шостакович следственной комиссии²⁷. Домбровский рассказал Шостаковичу, что 1 декабря 1864 г., надев под полушубок юбку, отправился в комнату, где собрались лотошницы, там незаметно накинул платок и вышел вместе с ними на улицу.

Утром Шостакович привел Домбровского на квартиру к студентам — Н. Ишутину, Д. Юрасову и М. Загибалову. Арестованный впоследствии М. Загибалов так рассказал об этом: «Юрасов объявил мне, что этот неизвестный господин, оставшийся у нас, государственный преступник Домбровский, приговоренный к 15-летней каторжной работе, что он просится пробыть у нас несколько времени и было бы бесчеловечно отказать ему. Признаюсь, мне стало чрезвычайно жаль Домбровского, которого ожидала такая участь, и я согласился на его пребывание у нас»²⁸.

У студентов Домбровский прожил несколько дней, а затем снял квартиру у Варвары Гавриловны Калистовой. Вероятно арестованные впоследствии студенты не знали всех обстоятельств побега или преднамеренно их скрывали, что особенно относится к показаниям Шостаковича. Поэтому до сих пор неясны все детали этого дела. Почему, например, Домбровский остановился в том же доме, где останавливалась, бывая в Москве, Ольга Сократовна Чернышевская? Кем была та женщина со скрытым под густой

²² Ibid., s. 153.

²³ Ibid., s. 51.

²⁴ Ibid., s. 154.

²⁵ «Московские ведомости», 1864, 3 декабря.

²⁶ А. Я. Л у р ь е. Там же, стр. 330.

²⁷ «Красный архив», 1927, т. 3 (22), стр. 240.

²⁸ Там же, стр. 237.

вуалью лицом, которая, по словам Шостаковича, неоднократно приходила к Домбровскому и беседовала с ним по-французски? Откуда у беглого арестанта появилось большое количество денег? Шостакович говорил, что видел у него крупную по тем временам сумму — 250 рублей серебром. Где, наконец, Домбровский раздобыл чистый официальный бланк указа об отставке с печатью и подписями? Этот бланк тоже видел Шостакович. К сожалению, на все эти вопросы нельзя сейчас дать конкретного ответа, но одно несомненно: помощь русской революционной организации «Земля и воля» Домбровскому была гораздо значительней, чем об этом рассказали впоследствии арестованные по делу Каракозова землевольцы. По крайней мере есть все основания считать, что Шостакович преднамеренно скрывал в своих показаниях обстоятельства побега Домбровского. Так, он сообщил 2 июня 1866 г., что не помнит «имени и фамилии, какими был назван Домбровский» в переписанном самим Шостаковичем «указе об отставке», чистый бланк которого достал Домбровский, а через 11 дней показал, что это был указ на имя Ивана Петровича Бутовского²⁹. Но и на этот раз Шостакович не сказал правды. На самом деле, как это видно из опубликованных уже в 1923 г. воспоминаний П. Домбровской, чистый бланк указа об отставке был заполнен Шостаковичем на имя полковника фон Рихтера³⁰.

Домбровский принял все меры, чтобы обмануть бдительность полицейских чинов. За две недели до побега он был сфотографирован, а поэтому необходимо было изменить внешность. Домбровский сбрил усы и бороду, постриг волосы, купил себе енотовую шубу, шапку. Одним словом, разосланные полицией приметы беглеца во многом устарели. Чтобы окончательно сбить с толку полицейских ищек, Домбровский продиктовал Шостаковичу письмо Пелагии в Ардатов: «8 декабря 1864 г. По поручению супруга вашего, честь имею уведомить вас, что он, вырвавшись благополучно из рук своих мучителей в первых числах этого месяца, в настоящее время выехал уже за границу»³¹. Как и рассчитывал Домбровский, письмо это попало в руки полиции.

Другой заботой Домбровского было оформить себе надежные документы. В том ему помог Шостакович, у которого остался паспорт арестованного еще раньше землевольца Николая Шатилова. Часть первой палочки буквы *Ш* была подскоблена и получилась буква *М*. На основании этого документа полиция прописала «священника Матилова» в доме Калистовых³².

С «указом об отставке полковника фон Рихтера» Домбровский пришел в канцелярию московского генерал-губернатора, где ему был оформлен заграничный паспорт³³.

1 января 1865 г. Домбровский уехал в Петербург. На вокзале его провожал все тот же Шостакович, который до последнего часа пребывания Домбровского в Москве помогал ему³⁴.

Путь Домбровскому за границу был открыт. «Через неделю после моего побега я мог отправиться за границу, — писал он впоследствии в опубликованном Герценом письме Каткову, — но мне нужно было остаться в России и я остался». Причину этого решения он так объясняет пособнику жандармов на литературном поприще: «Жена моя была в руках ваших сотрудников по части просвещения России»³⁵. Царские власти обрекли Пелагию Домбровскую на пожизненную разлуку с мужем. Если другие поляки были сосланы в Ардатов «до водворения спокойствия в крае» или в худшем случае «без определенного срока», то в списке ссыльных в графе о сроке пребывания Домбровской «под надзором» в Ардатове лаконично сообщалось: «Безвозвратно»³⁶. Ярослав Домбровский твердо решил бороться с самодержавием за свободу любимой жены и верного друга.

²⁹ Там же, стр. 239, 241.

³⁰ «Narzęd», 18 VIII 1923.

³¹ «Красный архив», 1927, т. 3 (22), стр. 241.

³² Там же, стр. 238—239.

³³ «Narzęd», 18 VIII 1923.

³⁴ «Красный архив», 1927, т. 3 (22), стр. 239.

³⁵ «Колокол», 1865, 15 июля, стр. 15.

³⁶ ГАГО, ф. 2, оп. 5, 1864, д. 19, л. 11.

Немедленно после побега Домбровского ардатовский исправник усилил наблюдение за его женой. Уже в рапорте от 6 декабря 1864 г. против фамилии Домбровской им помечено: «По побегу мужа ее из г. Москвы подвергнута усиленному надзору»³⁷. Письма ее отправлялись «в губернию», а в дом, где она жила, были поставлены на постой солдаты.

Полиция скрывала от Домбровской побег ее мужа из тюрьмы, но долго скрывать это было невозможно. Как видно из письма к Стамировскому она не знала о побеге 10 дней спустя после него³⁸, но в письме к подруге от 2 января 1865 г. Пелагия уже пишет, что слова «Ярослав свободен» помимо воли вызывают у нее слезы³⁹. Она перечисляет также важнейшие события последнего времени в ее жизни: «Утверждение приговора Ярослава, его высылка, письмо от него с уведомлением о скором проезде через Нижний, хлопоты о разрешении проститься с ним, ожидание ответа, мысль ехать с ним в Сибирь, сборы в дорогу, благоприятный ответ, побег Ярослава из Москвы, солдаты в нашем доме и строгий политический надзор»⁴⁰.

Скрывавшийся в Петербурге Ярослав Домбровский вскоре наладил регулярную связь с женой. В своих воспоминаниях Домбровская сообщает, что письма шли через Париж⁴¹. Если бы они были адресованы прямо ей, то это несомненно вызвало бы подозрения у полиции, но каждый месяц против ее фамилии в «именном списке» неизменно стоит пометка: «В корреспонденции ее ничего подозрительного не замечено»⁴². Можно предположить, что письма Домбровского она получала через Вольтановского, который имел «значительную корреспонденцию» из-за рубежа⁴³, либо через кого-либо еще из ардатовских жителей. «Корреспонденция их, хотя и контролируется губернией, — рапортовал 9 июня 1865 г. ардатовский исправник, — но полагаю, что таковую ведут они через посредство служащих или неслужащих поляков, проживающих в городе Ардатове и уезде»⁴⁴. Эту корреспонденцию исправник не имел права контролировать без особого распоряжения губернатора. Достоверно известно, что организацией тайной отсылки писем в Ардатове занимались Валерия и Игнация Пиотровские⁴⁵. Они так хорошо сумели законспирировать переписку, что даже нижегородский жандармский подполковник после специальных расследования о тайной переписке ссыльных поляков вынужден был довести губернатору следующее: «Письма их подаются г. исправнику для отправления..., который и отправляет их к начальнику губернии, но об тайных письмах никаких доказательств не найдено»⁴⁶.

Основной темой переписки было обсуждение плана побега Пелагии Домбровской из Ардатова. Сначала Домбровский сам хотел приехать в Ардатов под видом жандармского офицера, которому, якобы, поручено доставить в Петербург жену штабс-капитана Домбровского для ведения следствия о побеге ее мужа. «Нашему ужасу не было границ», — писала потом об этом плане Пелагия⁴⁷. Действительно, осуществление такого плана могло бы привести Домбровского в ловушку. Где-где, а в Ардатове полицейские хорошо знали приказ московского полицмейстера от 3 декабря 1864 г. и были готовы появлению «беглого арестанта».

На помощь Домбровскому пришла петербургская организация «Земли и воли». До своего отъезда в Варшаву Домбровский совместно с Сераковским возглавлял офицерский революционный кружок в Петербурге. Поэтому он был знаком с петербургскими землевольцами и скрывался от полиции на квартире у одного из них, — у Озерова. В 1863 г., когда Озеров служил в Варшаве, он сблизился с революционной организа-

³⁷ Там же, л. 39.

³⁸ J. Dąbrowski. Ibid., s. 153—154.

³⁹ Ibid., s. 157.

⁴⁰ Ibid., s. 156.

⁴¹ «Naprząd», 19 VIII 1923.

⁴² ГАГО, ф. 2, оп. 5, 1864, д. 18, л. 99 и др.

⁴³ Там же, д. 18, л. 21.

⁴⁴ Там же, д. 19, л. 114.

⁴⁵ ГАГО, ф. 2, оп. 5, 1866, д. 121, л. 36.

⁴⁶ Там же, л. 32.

⁴⁷ «Naprząd», 19 VIII 1923.

цдей русских офицеров в Польше. После увольнения из армии принимал деятельное участие в работе московского кружка народников во главе с Ишугиным⁴⁸. «Ротмистр Озеров принадлежит к числу тех светлых личностей, которые мечтали в России о свободе и самоотверженно боролись против катковщины», — писал впоследствии о нем Домбровский Герцену⁴⁹. Именно Владимир Озеров взялся осуществить рискованный план «похищения» Домбrowsкой из Ардатова.

Озеров правильно рассудил, что не вызовет интереса у полиции, если прибудет в Ардатов под видом богомольца. Дело в том, что через Ардатов лежал путь в соседнюю знаменитую по всей православной Руси «Саровскую пустынь», куда толпами стекались богомольцы. «В числе странников-богомольцев проходящих ардатовским уездом к муромским чудотворцам и в Саровскую пустынь, — отмечал через четыре года после описываемых событий местный историк, — нередко попадаются празднующиеся из дворян, чиновников, разорившихся купцов и т. д., которые несколько лет странствуя по святым местам всегда от подаяний теплы и сыты»⁵⁰. Затерявшись среди этих «мирских захребетников», Озеров появился в Ардатове.

«Письмо Ярослава предупредило меня, — вспоминала впоследствии Пелагия, — чтобы в определенный день и час я была в аптеке, чтобы полностью доверяла человеку, который мне передаст его карточку, и слушалась его, сама же обдумала бы пригодный к местным условиям план»⁵¹. И вот, в условленное время в аптеке Шияявского Пелагия встретила огромного роста богомольца, который незаметно передал ей письмо от Ярослава.

Вечером 16 мая 1864 г. Озеров выехал из Ардатова, прихватив по дороге якобы ему неизвестную «вдову». Он привез Домбrowsкую в Гороховец, а оттуда — в Москву.

Домбrowsкая рассказывает, что в Москве их восторженно встретила революционная молодежь. Землевозы доставили ей паспорт на имя Полины Дюран, и на следующий же день они с Озеровым выехали в Петербург. На петербургском вокзале Озеров посадил Домбrowsкую в закрытую повозку, где ее уже ждал Ярослав Домбrowsкий.

Так, благодаря мужеству, энергии и находчивости русского революционера, удался побег Пелагии Домбrowsкой из Ардатова, и супруги впервые после венчания в Варшавской цитадели оказались вместе. Пелагия с благодарностью, уже на склоне своих дней, писала об Озерове: «Наш геройский Озеров, мой освободитель»⁵². Сам Домбrowsкий так оценивал роль Озерова в их освобождении: «Ему лично я обязан своим спасением; у него нашел я приют в Петербурге и благодаря его великодушной помощи удалось мне вырвать жену мою из ссылки», — писал он Герцену из Парижа в 1866 г.⁵³

Теперь Ярославу и Пелагии Домбrowsким предстояло нелегально пересечь границу Российской империи. На подготовку к «свадебному путешествию» ушло три дня. У Домбrowsкого уже был заграничный паспорт на имя «полковника и полковницы Рихтер». Как раз в это время в Кройштадт было доставлено из Ниццы тело умершего наследника престола и петербургская знать ездил туда. «Поклониться телу великого князя» отправились и «супруги Рихтер» на английском торговом пароходе. Но в Петербург они не вернулись. Героический побег Ярослава и Пелагии Домбrowsких завершился полным успехом.

Еще в Копенгагене Домбrowsкие узнали о гнусной клевете Каткова в «Московских ведомостях» по поводу их побега. Он писал, что Домбrowsкая якобы бежала «с полковником Мирбахом», как его любовница, и выражал уверенность, что «государственных преступников» скоро поймают. Источником информации Каткова была все та же полиция. Действительно, следственная комиссия заподозрила, что побег Домбrowsкой из

⁴⁸ «Деятели революционного движения в России». Био-библиографический словарь, т. I, ч. 2. М., 1928, стр. 291.

⁴⁹ «Звенья», т. VI, М.—Л., 1936, стр. 396.

⁵⁰ М. П. Пестов. Описание Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1869, стр. 16.

⁵¹ «Narzęd», 19 VIII 1923.

⁵² Ibid.

⁵³ «Звенья», т. VI, стр. 396.

Ардатов организовал отставной спасский городничий, некий прапорщик Мирбах⁵⁴. Но эта версия вскоре отпала, и арестованный Мирбах был освобожден. Через «Колокол» Домбровский дал гневную отповедь Каткову. Он писал ему, что шесть месяцев прожил в России нелегально, несмотря на существование полиций «тайных, явных и литературных», и встретил полную поддержку и симпатию со стороны русских, как и другие польские изгнанники. «Симпатия эта послужит основанием возрождения русского народа и да будет она укором для вашей совести, если только ее окончательно не потушило пожатие царской руки»⁵⁵.

Другое опубликованное Герценым письмо Домбровского адресовано нижегородскому губернатору. Цель этого письма — отвести подозрение в содействии побегу тетки Пелагии и других сообщников. Побег Домбровской он преднамеренно изображал делом только своих рук. Излагая обстоятельства побега из Ардатова, он заявляет, будто бы у него «не было никакой нужды в сообщниках, по крайней мере в Ардатове». О Пиотровских он пишет, что якобы «не только тетки жены моей, но и она сама даже не знала о моих намерениях до последней минуты»⁵⁶.

Ярослав Домбровский не ошибся, предполагая, что побег его жены из Ардатова «подаст, вероятно, повод к следствию»⁵⁷. Три дня Пиотровские скрывали отсутствие своей племянницы от полиции. Лишь 19 мая 1865 г. они заявили исправнику, что Домбровская пропала нивесть куда, что наверное ее где-нибудь ограбили и что полиция должна следить за безопасностью высланных, а не оставлять их на произвол судьбы...⁵⁸

Трудно представить самочувствие одуряченного майора Мокшеева в этот момент. Даже и через 20 дней он не мог еще успокоиться. Ежемесячно исправник должен был представлять губернатору краткие характеристики поведения ссыльных. В июне случилось небывалое в чиновничьей практике: исправник не представил «аттестаций» за май месяц, объясняя это таким образом: «К сему присовокупить честь имею, что побег политической арестантки Домбровской поставил меня в весьма затруднительное положение относительно изложения аттестаций обозначенных в сем списке лиц. До окончательных результатов следственной комиссии по побегу политической арестантки Пелагии Домбровской никому из них верить не могу, полагая, что если не все, то большая часть из них знали о преднамерениях и побеге Домбровской»⁵⁹. К этому рапорту исправник приложил для чего-то список ссыльных поляков без всяких отметок в соответствующих графах об их поведении.

Бешенство исправника дошло до такой степени, что он просил даже у губернатора разрешения ввести для ссыльных тюремный режим: «Считал бы себя более гарантированным, если бы угодно было вашему превосходительству приказать разместить их казарменно в два или три дома, поместив к ним на жительство и нижних чинов, для сей цели имеющихся»⁶⁰.

Домбровская настолько хорошо скрывала свои приготовления к побегу, что «аттестация» ее всегда была блестящей с точки зрения полиции: «Ведет себя очень хорошо». После побега эти слова были зачеркнуты, а сверху написано: «Вела себя осторожно»⁶¹. Полицейские чины не думали, что 19-летняя девушка способна совершить побег, тем более, что она была «по побегу мужа подчинена особо строгому надзору».

Теперь же все репрессии, как и предполагал Домбровский, обрушились на ее тетку, а также на кузена Иосифа Олендзского и Антона Маковецкого, которые принимали участие в организации побега Пелагии. Валерия и Игнация Пиотровские через две недели после обнаружившегося побега были высланы «под строжайший надзор» в Лукояново, а Олендзский и Маковецкий — в Княгинино⁶².

⁵⁴ ГАГО, ф. 2, оп. 5, 1866, д. 122, л. 38—39.

⁵⁵ «Колокол», 1865, 15 июля, стр. 1640.

⁵⁶ Там же, стр. 1639.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ «Narząd», 20 VIII 1923.

⁵⁹ ГАГО, ф. 2, оп. 5, 1864, д. 19, л. 113—114

⁶⁰ Там же, л. 114.

⁶¹ Там же, д. 18, л. 90.

⁶² ГАГО, ф. 2, оп. 5, 1866, д. 122, л. 1.

Через два года, после ареста участников кружка Ишутина, когда обнаружили некоторые новые обстоятельства побега Домбровских, глава специальной комиссии по «делу о побеге Домбровской» генерал царской свиты Ден вызывал для допроса в Нижний Олендзского и Маковецкого, а в Арзамас Пиотровских, но никаких сведений от них не получил. Разъяренный Ден приказал усилить за ними полицейский надзор⁶³.

Еще дальше пошел нижегородский губернатор Одинцов, к которому через «Колокол» обратился Домбровский, взывая к его добрым чувствам: «Позвольте мне, м[илостивый] г[осударь], выразить надежду, — писал Домбровский, — что хотя приключение это вам неприятно как начальнику края, но вы, как человек, утешитесь мыслью, что эта маленькая для вас неприятность будет источником счастья для людей, много уже страдавших»⁶⁴. Но губернатор этим не утешился: «Так как тайная посылка писем в Ардатове была от находящихся ныне в Лукоянове под строжайшим надзором польских уроженок сестер Пиотровских, которые вполне иезуитки и интригантки и, будучи прикосновенные к делу о побеге польской уроженки Домбровской, получали уже внушения от начальства, — предлагал вышестоящим властям Одинцов 14 октября 1866 г., — то за нарушение установленных правил о корреспонденции сосланных под надзор, необходимо перевести их, Пиотровских, на жительство под строгий надзор в отдаленные губернии»⁶⁵.

К Домбровским в Париж дошла весть о преследовании Пиотровских и Олендзского: «Из России получили письмо, — сообщала своей родственнице Пелагия в 1865 г., — бедные мои теточки еще под следствием и один из тамошних панов, Олендзский, наш кузен, тоже»⁶⁶. Несмотря на то, что 17 мая 1867 г. было издано «высочайшее повеление» о прекращении «всех дел политического свойства касающихся последнего мятежа» в Польше и об освобождении всех обвиняемых от следствия и суда, Валерия и Игнация Пиотровские получили право вернуться на родину только в 1871 г.⁶⁷

Владимир Озеров после ареста Ишутина и его товарищей в 1866 г. бежал через Ригу за границу, скрывшись от неизбежного ареста. «Запутанный одной из последних жертв Муравьева в процессе Каракозова, Озеров спасся только благодаря своей энергии и в настоящее время находится в Париже», — писал о нем Домбровский Герцену 20 сентября 1866 г.⁶⁸ В Париже Озеров бедствовал и добывал себе на пропитание сапожным ремеслом. Здесь ему оказал посильную помощь Ярослав Домбровский, хотя он и сам жил бедно. Домбровский рекомендовал его Герцену для «трудов в России» и дал ему блестящую характеристику: «Вы найдете в Озере честного и мыслящего человека, горячего патриота, предприимчивого конспиратора и смелого агента. Таких как он людей немного, и мне остается только поздравить вас с находкой и пожалеть от души, что Озеров не поляк»⁶⁹.

⁶³ ГАГО, ф. 2, оп. 5, 1866, л. 6, 9, 12.

⁶⁴ «Колокол», 1865, 15 июля, стр. 1640.

⁶⁵ ГАГО, ф. 2, оп. 5, 1866, д. 121, л. 36.

⁶⁶ J. Dąbrowski. Ibid., s. 72—73.

⁶⁷ Ibid., s. 73.

⁶⁸ «Звенья», т. VI, стр. 396.

⁶⁹ Там же, стр. 397.

Р. А. СИМОНОВ

ПРИМЕНЯЛСЯ ЛИ ЗНАК γ В ЗАПИСИ ЧИСЛА В ЕНИНСКОМ АПОСТОЛЕ XI ВЕКА?

Недавно К. Мирчев и Х. Кодов издали вновь найденный древний памятник славянского письма — Енинский апостол¹. Они осуществили также лингвистический и палеографический анализ сохранившейся части рукописи и пришли к выводу о ее принадлежности к старославянским (староболгарским) книгам, написанным в XI в. кириллицей. Результаты, полученные болгарскими учеными, имеют исключительную важность для истории славянской письменной культуры. Работа над текстом требовала кроме необходимых знаний большой выдержки, так как чтение рукописи было сопряжено со значительными трудностями при расшифровке поврежденных листов с плохо сохранившимся текстом. К. Мирчев и Х. Кодов не побоялись дать толкования некоторых неясных мест, в правильном чтении которых они не были полностью уверены. Этот шаг можно приветствовать, потому что последующие уточнения этих конъектур приведут к более полному изучению драгоценного источника.

Таким неясным местом, расшифровка которого, вероятно, требует уточнения, является фраза о числе дружинников Каллистрата². Болгарские ученые считают, что в ней указано число 590, однако запись в том виде, как она сохранилась, им кажется несколько непонятной³. Состоит запись из двух цифровых знаков под титлами в форме угла; первый из них аналогичен букве ϕ («ферт») и бесспорно обозначает «500». Второй символ, судя по снимку, сохранился гораздо хуже, запечатлелся не так отчетливо, бледнее и расплывчатее, чем первый; по своей форме напоминает букву γ («червь») с овальной чашечкой. По мнению К. Мирчева и Х. Кодова, последний знак обозначает «90», но никаких доказательств, обосновывающих это, они не приводят.

Ниже будут изложены аргументы (1 и 2), оспаривающие толкование указанного символа в значении «90» и доводы (3 и 4) в пользу мнения, что этот символ является частью одного из вариантов начертания графемы α («кси»), обозначающей «60».

1. Употребления символа γ в значении «90» в старославянских памятниках X—XI вв. до последнего времени не отмечалось. Запись «90» в древнейших старославянских кириллических текстах встречается лишь в Саввиной книге XI в., где это число передается посредством графемы «копна».

2. Если в Енинском апостоле действительно применялся γ в значении «90», то по начертанию эта графема-цифра, очевидно, должна быть такой же, как соответствующая графема-буква. Это условие не выполняется. Особенностью буквы γ в Енинском апостоле является форма с прямоугольным основанием чашечки, симметричной относительно вертикальной ножки⁴. Числовой знак, принятый болгарскими авторами за

¹ К. Мирчев, Х. Кодов. Енински апостол. Старобългарски паметник от XI в. София, 1965.

² Там же, стр. 152, 153, 179.

³ Там же, стр. 179.

⁴ Там же, стр. 173.

х в цифровом значении имеет, судя по снимку, чашечку неправильной закругленной формы. Ножка отклоняется от вертикали, причем в сторону, противоположную общему наклону букв памятника.

3. Рассматриваемый символ, судя по тому, как он сохранился, может являться частью графемы-цифры, находившейся первоначально в тексте Енинского апостола. Ею могла быть графема «кси» соответствующего начертания. Этот знак в кириллице известен в нескольких формах. Интересующий нас графический вариант ранее всего встречается в Саввиной книге. Он представляет собой знак, который условно можно рассматривать как состоящий из двух частей. Верхняя часть, расположенная над нижним уровнем строки, по начертанию напоминает γ с овальной чашечкой и ножкой, идущей несколько наклонно. Ножка соединяется с зигзагообразной частью, похожей на букву з («земля») и расположена почти полностью под нижним уровнем строки. Если прикрыть нижнюю часть знака «кси» такого начертания, то оставшаяся может вполне сойти за γ⁵. Кроме Саввиной книги, «кси» аналогичной формы встречается в ряде позднейших южнославянских рукописей: в 1-м и 3-м почерках Охридского апостола конца XII в.⁶, Болонской псалтыри XII—XIII вв.⁷, Паремейнике Хлудова XIII—XIV вв.⁸, грамоте Уроша 1356 г.⁹, Евангелии XIV в.¹⁰ и Апостоле XIV в. собрания Гильфердинга¹¹ и др.

4. В других текстах, где встречается подобная запись о дружине Каллистрата, приводятся разные числа — 49 или 184, но славянские источники, может быть, чаще всего указывают 560 и, кажется, никогда 590¹².

На основании изложенного представляется необходимым уточнить предложенное К. Мирчевым и Х. Кодовым чтение числовой записи в Енинском апостоле о дружине Каллистрата после более тщательного изучения подлинника, возможно, с применением специальной аппаратуры для восстановления потухших текстов. Сейчас нет достаточных оснований принимать за γ встречающийся в этом месте неясный цифровой знак. Иначе такое необоснованное толкование может нанести ущерб славянской палеографии и истории славянской письменной культуры, породив неверное представление о доказанности факта использования в старославянской кириллице ϣ в значении «90»¹³.

⁵ П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1914, стр. 31, рис. 26. Буква «кси» в цифровом значении в Саввиной книге встречается шесть раз, причем только в заголовках. К сожалению, в настоящее время в тексте Саввиной книги нет ни одного ясного изображения «кси» в связи с обсыпанием сурика, которым писались заголовки (см. Центральный гос. архив древних актов, ф. 381, ед. хр. 14—Саввина книга).

⁶ Охридский апостол. Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 87, № 4695, л. 15 (1-й почерк), л. 77, 88, 91, 103, 104 (3-й почерк).

⁷ П. А. Лавров. Альбом снимков с югославянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916, снимок 8.

⁸ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 209.

⁹ П. А. Лавров. Альбом снимков..., снимок 97.

¹⁰ Е го же. Палеографическое обозрение..., стр. 241, рис. 262.

¹¹ Там же, стр. 248, рис. 270.

¹² J. M a r t i n o v. Annus ecclesiasticus Graeco-slavicus. Bruxellis, 1863, p. 329, 365. На эти данные обратил мое внимание В. Мареш, за что приношу ему свою благодарность.

¹³ К. Мирчев, Х. Кодов. Там же, стр. 179, 184.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

В. К. ВОЛКОВ. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. М., 1966, 271 стр.

Издательство «Наука» выпустило книгу, которая будет принята с несомненным интересом всеми специалистами по истории Юго-восточной Европы. В советской историографии международные отношения на Балканах, да и в Юго-восточной Европе вообще, до сих пор остаются малоизученной областью. По сути дела книга В. К. Волкова является первой работой, которая в научно-исследовательском плане поднимает ряд комплексных проблем, касающихся истории этих стран, их внешнеполитических объединений и блоков, пытается определить их место в чрезвычайно сложной общеевропейской истории предвоенного периода.

Книга В. К. Волкова написана на базе исследования широкого круга опубликованных и неопубликованных источников, из которых наибольший интерес представляют документы и микрофильмы, хранящиеся в Историко-дипломатическом архиве МИД СССР и в Отделе рукописных фондов Института истории АН СССР. Автор использовал значительное число самых разнообразных публикаций и исследований советских и иностранных авторов.

Югославия, по своему географическому положению и в силу дипломатической активности правящих кругов, в 30-е годы могла оказывать в ряде случаев определяющее воздействие на своих партнеров по блокам и союзам. Этим обстоятельством в значительной степени объяснялся тот пристальный интерес, который проявляли к Югославии крупные европейские капиталистические государства, боровшиеся за включение Балкан в сферу своего влияния. В книге убедительно раскрывается эволюция внешнеполитической ориентации королевского двора и крупной сербской буржуазии, что соответствовало их реакционному внутреннему курсу. Отказ от традиционных связей и сближение со странами «оси» значительно ослабили внутренние и международные

позиции правящих югославских кругов, поставили страну в положение полной изоляции, разоружили перед лицом фашистской агрессии.

Несомненной заслугой автора является то, что он выходит за тематические рамки, определенные в названии книги. Итало-югославские противоречия, отношение к СССР, Балканская Антанта, взаимоотношения с Болгарией, Венгрией, Чехословакией — эти и многие другие вопросы, с большой тщательностью исследованные автором, позволяют составить реальное представление о месте и значении Югославии в европейской политике того времени. Причем, ряд вопросов, таких, как проект Дунайского пакта, экономическая основа соперничества империалистических держав в Юго-восточной Европе, взаимоотношения Венгрии и стран Малой Антанты накануне Мюнхена и т. д., или впервые исследуются, или по-новому ставятся.

Отдавая должное кропотливой работе автора по восстановлению сложнейшей истории международных отношений в Юго-восточной Европе в предвоенные годы, необходимо все же отметить, что не все ее аспекты нашли исчерпывающее обоснование. В частности, на страницах книги нельзя найти концентрированного определения задач внешней политики правящих югославских кругов. Речь идет не о внешнеполитической ориентации и переориентации, не о взаимоотношениях с другими странами — это сделано с достаточной полнотой. Но исходные позиции внешней политики Югославии намечены довольно поверхностно. В качестве иллюстрации можно привести албанскую проблему как составную часть внешнеполитических планов югославской буржуазии. Без ее освещения едва ли можно вскрыть весь комплекс итало-югославских отношений.

Большой интерес представляют страницы, посвященные подготовке и заклю-

чению итало-югославского договора 1937 г. о нейтралитете. Бывший премьер-министр Франции А. Тардые писал в апреле 1937 г. о том, что этот договор, исключительно выгодный Италии «венчает успех средиземноморской политики Муссолини».¹ В. К. Волков убедительно показывает, что этот договор нанес новый удар по системе коллективной безопасности, означал дальнейшее ослабление Малой Антанты и Французского влияния в Юго-восточной Европе. Однако, в ходе изложения автор допускает неточности, связанные с тем, что он не имел возможности ознакомиться с некоторыми неопубликованными документами. Так, несколько разрозненных документов, хранящихся в Государственном архиве Югославии, позволяют внести коррективы в описание хода итало-югославских переговоров. В частности, начались они не в конце февраля 1937 г., а 11 января. Кроме того, Германия не была единственным государством, находившимся в курсе переговоров, как пишет автор (стр. 168). По возвращении из Рима в Женеву, Субботич в конце января имел встречу с Иденом, которого он подробно информировал о ходе и содержании бесед с итальянцами. Недостаток документальных свидетельств не позволяет до конца вскрыть закулисную сторону переговоров. Но уже само участие на разных стадиях подготовки итало-югославского договора о нейтралитете таких людей, как Иден, Нейрат, Геринг, свидетельствует о том, что значение этого договора не сводится только к проблемам итало-югославских отношений.

Представляется не вполне оправданным излишнее доверие, которое автор оказывает воспоминаниям бывшего министра иностранных дел королевской Румынии Комнена² в связи с чехословацким вопросом во время заседания Постоянного Совета Малой Антанты в Бледе 21—23 августа 1938 г. Так, на основании утверждения Комнена о том, что чехословацкое правительство итало иллюзии относительно намерений Гитлера, не верило в возможность войны, автор делает вывод, что «такая трактовка событий давала возможность правительствам Югославии и Румынии занять двойственную, неопределенную позицию. Вопрос об их позиции в случае чехословацко-немецкого

конфликта на сессии даже не был поднят» (стр. 242). Это не соответствует действительности. В данном случае Комнен пытается обелить позицию правящих кругов Румынии и Югославии, представить дело так, что имело место не предательство чехословацкого союзника, а трагическое стечение обстоятельств. В. К. Волков дает правильную общую оценку политики правящих кругов Югославии и Румынии, характеризуя ее как предательскую и антинародную (стр. 245, 251). На убедительных примерах автор показывает, как правящие круги этих держав попустительствовали фашистским агрессорам. Позиция, занятая Комненом на заседаниях в Бледе, не была исключением. Именно тогда, выступая в связи с заявлением Крофты о том, что «если Франция и Англия не будут энергичны, то война неизбежна», и о том, что СССР готов оказать помощь Чехословакии, Комнен так изложил позицию своего правительства: «Не существует никакой договоренности между Румынией и Советами относительно переброски русских войск через Румынию. Поэтому в последнее время Советы несколько нервничают и насаждают на Румынию. Впрочем, и географически переброска невозможна, так как нет железной дороги, которая могла бы обеспечить такую переброску». По свидетельству черновой записи переговоров, по этому пункту повестки дня решение принято не было, и стороны обратились к обсуждению вопроса... о судьбе евреев. Причем, тот же Комнен выступил с предложением разрешить этот вопрос в международном плане, путем переселения всех евреев в Родезию».

Книга В. К. Волкова завершается рассмотрением мюнхенского соглашения, который имел роковые последствия и для Югославии. Автор подводит итоги капитулянтской политики правящих кругов Югославии, которые, начав с непротивления фашистским агрессорам, пришли к сближению с ними, и, в первую очередь, с Германией. Книга написана живо и не трафаретно. Она свидетельствует о настоятельной необходимости расширить изучение истории стран Юго-восточной Европы, особенно их межгосударственных связей и взаимоотношений.

Н. Д. Смирнова

¹ «Gringoire», 2 IV 1937.

² N. P. Comnen e. Preludi del drama. Ricordi e documenti di un diplomatico. Roma, 1947.

³ Государственный архив Югославии Фонд Милана Стоядиновича. Кабинет. А-1-MS/A F. 24.

НОВЫЕ КНИГИ О ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКИХ,
БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ И РУССКО-ПОЛЬСКИХ СВЯЗЯХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Вильнюсский историк Г. В. Киселев уже многие годы настойчиво и планомерно разрабатывает вопросы, связанные с польско-белорусскими культурными связями и с сотрудничеством между польскими, белорусскими, а отчасти русскими и литовскими революционерами в 50—70-х годах прошлого столетия. Статьи и сообщения, освещающие результаты его исследований, неоднократно публиковались в журнале «Польмя» и в некоторых других изданиях. В переработанном и дополненном виде они составили костяк двух книг Г. В. Киселева, вышедших на белорусском языке под названием «Сеятели вечного» (1963 г.) и «С думой о Белоруссии» (1966 г.).¹

Первая из названных книг включает четыре очерка: «Великий сын белорусского народа Константин Калиновский»; «В. Дуин-Марцинкевич и восстание 1863 года»; «Белорусский революционер Антон Трусов»; «Гимназические и студенческие годы Францишка Богушевича». Вторая книга состоит из пяти самостоятельных работ. Первая из них озаглавлена «Так сейце ж, дзецюкі!...» и посвящена истории газеты «Мужицкая правда» — первой бесцензурной белорусской газеты, выпускавшейся К. Калиновским и его соратниками в 1862—1863 гг. Почти половину книги занимает «Летопись жизни и деятельности Константина Калиновского». В двух очерках «Францишек Богушевич и Ян Карлович» и «Мужицкий адвокат» автор излагает результаты своих новых изысканий, связанных с биографией Ф. Богушевича. Кроме этого, в книге помещен небольшой очерк «По следам одного письма Н. П. Огарева и А. И. Герцена», в котором рассказывается о Феликсе Зенковиче — одном из активных участников восстания 1863 г., имевшем контакты с издателями «Колокола».

Как видим, Г. В. Киселев изучает как вопросы истории общественного движения, так и истории литературы, причем

его внимание особенно привлекают Константин Калиновский в первой из указанных областей и Францишек Богушевич — во второй. Думается, что книги Г. В. Киселева вносят существенный вклад как в ту, так и в другую область, что они одинаково интересны и полезны для специалистов в каждой из них.

Ценность книг Г. В. Киселева — прежде всего в обилии фактического материала, либо совершенно нового, либо заново переосознанного на основе дополнительных сведений и иного подхода к тому, что было известно ранее. Хорошо зная литературу на русском, польском, белорусском и литовском языках, автор использует также материалы, хранящиеся в архивах Литвы, Белоруссии, Москвы и Ленинграда. Именно на архивных находках построены очерки о Ф. Богушевиче, В. Дуин-Марцинкевиче и Ф. Зенковиче, а в остальных работах архивные материалы используются в сочетании с литературой и публикациями, составляя почти везде значительную часть источниковедческой базы исследования.

Достоинством книг представляется также творческий подход автора к затрагиваемым им вопросам. Не загружая текст пересказом хорошо известных вещей, Г. В. Киселев, как правило, сосредоточивает внимание на том, что требует дальнейшего изучения, и именно здесь старается ввести как можно больше нового материала или как-то по-новому подойти к известным ранее фактам. При этом он не уклоняется от дискуссий со своими предшественниками в изучении темы, а вступает в спор, когда считает это необходимым, с большим или меньшим успехом обосновывая свою точку зрения.

Не исключено, что взыскательный глаз найдет в книгах Г. В. Киселева, кроме некоторых спорных мест, отдельные неточности, обнаружит неполноту в освещении того или иного вопроса или отсутствие упоминания о каком-либо из имеющих источников. Но достоинства книг настолько очевидны и неоспоримы, что можно без колебаний рекомендовать их историкам и литературоведам, занимающимся соответствующей тематикой. Их вполне можно рекомендовать и преподавателям средней школы, студентам, а также всем интересующимся литературой и историей.

В. А. Дьяков

¹ Г. Кі с л ё ў. Сейбіты вечнага. Аргыкулы пра беларускіх пісьменнікаў і дзеячоў рэвалюцыйнага руху 1863 года. Мінск, 1963, 301 стр.; е г о ж е. З думай пра Беларусь. Даследаванні і знаходкі з гісторыі беларускай літаратуры рэвалюцыйнага руху другой паловы XIX стагоддзя. Мінск, 1966, 317 стр.

Д. СИРКОВ. *Българската работническа партия в защита на националната независимост на България (1 септември 1939 — 1 март 1941)*. — «Известия на института по история на БКП», № 14, София, 1965, стр. 5—177.

Д. СИРКОВ. *Болгарская рабочая партия в борьбе за защиту национальной независимости Болгарии (1 сентября 1939 — 1 марта 1941)*

Монография Д. Сиркова посвящена изучению политики Болгарской рабочей партии в начале второй мировой войны. Автор начинает исследование с анализа характера войны и внешней политики Советского Союза, подробно разбирает причины, побудившие советское правительство пойти на заключение советско-германского пакта о ненападении, отмечает огромное значение этого пакта для подготовки СССР к обороне.

Автор подчеркивает миролюбивый характер советской внешней политики, ее стремление сократить сферу распространения войны и пресечь возможность дальнейшей фашистской агрессии. Однако он подчеркивает при этом, что советская политика нейтралитета, основывавшаяся на констатации империалистического характера начавшейся войны, сопровождалась переоценкой срока длительности советско-германского пакта о ненападении. Теоретически, пишет Д. Сирков, корень ошибки заключался «в пренебрежении возможностью превращения войны в справедливую для противников фашистского блока» (стр. 22). В книге приводятся факты антисоветской политики Англии и Франции, их планы подготовки к нападению на СССР. Чрезвычайная сложность обстановки вела к неточностям в ее оценке. Сталин считал, что Германия не решится вести войну на два фронта и напасть на СССР. Главную опасность он видел в политике западных держав, пытавшихся втянуть СССР в войну.

Характеризуя положение в международном коммунистическом движении, автор пишет, что советско-германский пакт «не отменял борьбы против фашизма, но накладывал отпечаток на ее формы, которые не всегда являются ясными и открытыми» (стр. 25).

Характеризуя позицию Коминтерна, Д. Сирков считает, что наряду с правильной оценкой начавшейся войны как империалистической с обеих сторон в его документах не нашла отражения освободительная тенденция, потенциально заложенная в самой борьбе народов против гитлеризма. Однако, пишет автор, нельзя считать только на основании этого факта, что коммунистические партии недооценивали эту возможность; и только конкретные исследования практической деятельности отдельных партий могут ответить на вопрос, было ли, например, в период «странной войны» найдено ими «оптимальное соотношение между борь-

бой против империалистической тенденции и в подкрепление освободительной» (стр. 48).

В монографии Д. Сиркова анализируются основные черты тактической линии Коминтерна в тот период. И после середины 1940 г. Коминтерн оценивал войну как империалистическую. А исходя из факта, что империалистическая война обостряет классовые противоречия, в документах Коминтерна делался вывод о непосредственной революционной перспективе и предстоящей социалистической революции в капиталистических странах. «Часто социалистическая альтернатива понималась и как единственный способ защиты или восстановления национальной независимости» (стр. 26). В связи с этим по-новому ставился вопрос о единых фронтах. Их создание предусматривалось без и против лидеров социал-демократических и мелкобуржуазных партий, на базе борьбы против всей буржуазии. Наиболее общим лозунгом для всех коммунистических партий было требование прекращения войны. Однако лозунг мира, — отмечает Д. Сирков, не связывался в этот период с превращением войны империалистической в войну гражданскую, с поражением «своего» правительства, что объективно вело к учету имевшихся освободительных тенденций в войне (стр. 27).

Известные слабости в политике Коминтерна, — пишет Д. Сирков, в значительной степени объяснялись сложностью обстановки в начале войны. С другой стороны, «обстановка культуры личности, очень широко распространенные догматические способы мышления препятствовали всестороннему рассмотрению действительности, мешали своевременно раскрыть своеобразие новой мировой войны по сравнению с войной 1914—1918 гг., оценить в соответствии с их важностью глубинные процессы, происходившие под поверхностью исключительно сложных политических событий» (стр. 31).

Особенности международного положения и сложившейся в то время тактики мирового коммунистического движения необходимо постоянно иметь в виду для правильной оценки деятельности Болгарской рабочей партии, ибо они не только служили фоном для практической работы партии, но и ставили последнюю в известные рамки, нередко определяя ее подход к оценке обстановки, ее тактическую линию, а также формы и методы борьбы.

Какова же была практическая деятельность БРП?

Для ответа на этот вопрос необходимо уяснить некоторые особенности внутриполитического положения Болгарии, в трактовку которого Д. Сирков вносит некоторые существенные коррективы. Так, автор отмечает, что существование советско-германского пакта оказывало значительное влияние на положение в стране в целом и, в частности, на политику болгарского монархо-фашистского правительства. Проводя тактику лавирования, оно вынуждено было маскировать свои действительные прогерманские симпатии, демагогически заявлять о своей поддержке политики «мира и нейтралитета», о готовности идти на «сближение» с Советским Союзом. Это способствовало распространению в Болгарии более объективной информации о СССР, развитию с ним экономических и культурных связей. Создались более благоприятные условия для деятельности БРП. Хотя ее и продолжали преследовать, а исключительные законы остались в силе, власти избегали проводить судебные процессы над коммунистами. В страну смогли возвратиться некоторые политэмигранты из СССР, а летом 1940 г. — болгарские интербригадовцы, находившиеся после поражения республиканской Испании во французских лагерях (стр. 36—37). Все это дало возможность коммунистам еще более активно участвовать в общественно-политической жизни страны.

Значительной сложностью отличалась позиция буржуазных партий, которые перед войной входили в Народный фронт. Неудача попытки создать международную антифашистскую коалицию, в чем были повинны реакционные правительства Англии и Франции, отразилась и на положении внутри Болгарии. Как показано в книге Д. Сиркова, среди буржуазной оппозиции после начала войны произошло размежевание. Небольшая ее часть (национал-либералы, правое крыло БЗНС — «Врабча 1») перешли на сторону правительства. Некоторая часть бывших участников движения Народного фронта (левые земледельцы, БЗНС — «Пладне», «Звено» и др.) продолжали отстаивать политику действительного нейтралитета и союза с СССР. Основная же часть буржуазной оппозиции (автор называет ее «англофильской») выдвигала требования защиты буржуазной демократии и симпатизировала англо-французскому блоку. Характерно, однако, что англофильская оппозиция не вела в Болгарии антисоветской кампании. По мнению Сиркова, это объясняется позицией англофилов, исходивших в своей политике из соображений, что рано или поздно Англия и Советский Союз окажутся по одну сторону фронта в борьбе против гитлеровской Германии. Интересно, что подобные же взгляды, как отмечал В. Коларов

(стр. 41), существовали и у англофилов в Югославии.

Действуя в условиях сложной международной и внутренней обстановки в начале второй мировой войны, Болгарская рабочая партия развернула активную борьбу в защиту национальной независимости, против втягивания Болгарии в войну на стороне какой-либо из воюющих группировок. На протяжении всего этого периода БРП выдвигала и отстаивала требования мира и нейтралитета. Реальное содержание лозунга нейтралитета, подчеркивает Д. Сирков, менялось. Так, в период «странной войны» этот лозунг был направлен против различных комбинаций англо-французского блока на Ближнем Востоке и Балканах. После же разгрома Франции, когда характер войны начал меняться, лозунг нейтралитета был средством мобилизации масс на борьбу с планами вовлечения Болгарии в фашистский блок, хотя БРП по-прежнему мотивировала необходимость нейтралитета положением об империалистическом характере войны (стр. 58—59), что уже не соответствовало реальной обстановке.

Д. Сирков отмечает, что партийная пропаганда того времени сосредоточила основное внимание на разоблачении действий Англии и Франции и недооценивала опасность со стороны Германии (стр. 74—75, 83 и др.). Вместе с тем наблюдалась известная переоценка роли советско-германского пакта о ненападении, сроков его длительности и т. д., что особенно усилилось после заявлений Молотова на сессиях Верховного Совета в октябре 1939 и марте 1940 г. о прочности пакта. Весной и летом 1940 г. БРП вела широкую кампанию против происков англо-французского блока на Балканах, видя в них главную опасность независимости страны. ЦК БРП старался придать этой борьбе характер массового движения. Эта кампания достигла своего апогея в конце мая — начале июня 1940 г. Она проходила под лозунгами «Долой англо-французских поджигателей! Военный союз с СССР!». Распространялись листовки, созывались митинги и собрания, в адрес правительства шли письма и телеграммы, стены домов болгарских городов и сел были испещрены соответствующими лозунгами и призывами. В целом, отмечает Д. Сирков, в это время опасность со стороны Англии и Франции была сильно преувеличена. Наибольшего размаха кампания достигла в период решительного наступления германских войск на Западе. 14 июня 1940 г. пал Париж, а 22 июля последовала капитуляция Франции. Все это снижало действительность партийной пропаганды, а кое-где имело и отрицательные последствия. Тем не менее характерно, что прогермански настроенное правительство Филова приняло меры, чтобы подавить ее. Причины враждеб-

ности правительства, как отмечает автор, заключались в следующем. Во-первых, кампания под руководством БРП сочеталась с требованиями предоставления народу демократических прав. Во-вторых, кампания против угрозы со стороны англо-французского блока объективно была направлена также и против прогерманской ориентации болгарских правящих кругов, ибо этот курс был несовместим с требованием заключения пакта о взаимопомощи между Болгарией и СССР. С точки зрения его объективного значения, — пишет Д. Сирков, — «заключение пакта о взаимной помощи было бы более сильным ударом по германскому империализму, чем по англо-французским намерениям, хотя на протяжении большей части рассматриваемого периода пакт представлялся в качестве альтернативы англо-французским угрозам. Это — исторический парадокс, созданный сложностью обстановки в начале войны, а также до известной степени и отмеченными уже ошибками партии» (стр. 110).

Исключительный интерес представляет освещение Д. Сирковым вопроса о выработке нового курса БРП летом и осенью 1940 г. После поражения Франции стало очевидно, что независимости Болгарии угрожает гитлеровская Германия. Эта мысль стала четко проводиться в партийной печати уже с середины июня 1940 г. Партийные материалы за июль — сентябрь 1940 г. показывают формирование новой линии, которая исходила из указанного положения. БРП отмечала, что Германия открыто проявляет тенденции к установлению своего господства в Европе и во всем мире, а гитлеровский «новый порядок» стал тюрьмой поработенных народов.

Новый курс БРП был связан с иной оценкой дальнейшего хода войны. Не говоря об этом прямо, партия исходила из убеждения в неизбежности столкновения Германии и СССР, что отразилось и на оценке ею советско-германского пакта. Так, публикуя речь Молотова от 1 августа 1940 г., партийная печать БРП выпустила из нее все места, где говорилось о прочности пакта. Этот пропуск, отмечает Д. Сирков, был не случайным и свидетельствовал о том, что БРП придерживалась несколько других взглядов по данному вопросу (стр. 122—123). В некоторых партийных материалах прямо связывалась борьба поработенных Германией народов с помощью СССР.

«Новый курс БРП на резкое усиление борьбы против гитлеровской Германии, — пишет Д. Сирков, — имел неожиданный международный резонанс» (стр. 134). Естественно, что новый курс вызвал резкое недовольство как среди болгарских правящих кругов, так и в Германии. Его сразу подметила и широко разрекламировала печать Англии, США и других

государств, которая комментировала его как трещину в советско-германском пакте о ненападении.

Новый курс БРП вызвал критику со стороны ее Заграничного бюро (стр. 135—136). В связи с этим БРП с конца сентября 1940 г. постепенно стала проводить тактику «борьбы на два фронта». В то же время практическая деятельность БРП развивалась в направлении все большего усиления борьбы против гитлеровских происков в Болгарии. Наряду с критикой политики Англии остро критиковался «новый порядок», к созданию которого в Европе с лета и осени 1940 г. приступила Германия. Но основной формой борьбы с гитлеровской опасностью стало организованное БРП всенародное движение за заключение пакта о дружбе и взаимной помощи с СССР. Это движение широко известно и освещено в исторической литературе. Как отмечает Д. Сирков, его особенностью было то, что оно все больше и больше перерастало в массовое движение против профашистской политики болгарского правительства, против присоединения Болгарии к агрессивному Тройственному пакту. Позиция партии в этом вопросе была определена VII пленумом ЦК БРП в начале 1941 г. В его решениях общая оценка обстановки давалась со старых позиций. Однако конкретные выводы пленума ЦК БРП были направлены прежде всего против гитлеровских происков на Балканах. Особенно ясно это отразилось в партийной печати и других пропагандистских материалах за январь — февраль 1941 г. БРП разоблачала прогерманскую позицию правительства, указывала на недопустимость присутствия на болгарской территории германских воинских команд, хотя и передетых в гражданскую одежду, и предупреждала трудящихся, что «на карту поставлено самостоятельное существование государства» (стр. 164—165). Тем самым БРП вовремя указала на опасность потери Болгарией национальной независимости и на единственно реальное в тот момент средство ее защиты — заключение пакта с СССР.

Подписание 1 марта 1941 г. протокола о присоединении Болгарии к Тройственному пакту и одновременная оккупация страны германскими войсками означали потерю суверенитета и национальной независимости.

В рамках одной рецензии трудно показать все то новое, что внес Д. Сирков в исследование деятельности БРП в один из наиболее сложных исторических периодов — в начальный период второй мировой войны. Автор недаром цитирует слова Ленина о том, что «история вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разнообразнее, живее, „хитрее“, чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее пере-

довых классов»¹. Руководствуясь этим положением, Сирков старался показать трудности и противоречия, успехи и неудачи в деятельности БРП. Некоторые недостатки исследования (встречающиеся

¹ В. И. Л е н и н. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. ПСС, т. 41, стр. 80.

KRZYSZTOF GRONIEWSKI. Kwestia agrarna w Królestwie Polskim 1871—1914. Warszawa, 1966, 267 s.

КШИШТОФ ГРОНЁВСКИЙ. Аграрный вопрос в Королевстве Польском в 1871—1914 гг.

В своей новой книге К. Гронёвский предпринял попытку осветить одну из весьма важных и пока еще слабо изученных проблем истории польского народа — проблему аграрного развития Королевства Польского в пореформенный период. Имея в виду состояние историографии и источниковедческой базы, автор признал целесообразным сосредоточить свое внимание на исследовании определенного комплекса деревень и поместных владений. Им обстоятельно изучены 729 деревень с 23 тыс. хозяйств (около 3% всех деревень и 4% всех крестьянских хозяйств в Королевстве Польском), входивших до реформы 1864 г. в состав 13 латифундиальных владений и распологавшихся в 8 губерниях, а также отдельные стороны латифундиального хозяйства. Полученные при этом данные сопоставлялись с материалами, относящимися к другим местностям и всей территории Королевства Польского. Это позволило автору лучше показать специфику рассматриваемой категории деревень и крупной земельной собственности и сделать ряд выводов общего характера.

В первом разделе книги характеризуется положение крестьянского хозяйства и отмечаются перемены, происшедшие в нем за указанные годы. Крестьянские хозяйства делятся на группы: карликовые (до 3 моргов), малоземельные (3—9 м.), средние (9—20 м.), состоятельные, переходные (20—30 м.) и богатые (свыше 30 м.). Такая группировка представляется нам в основном правильной. При этом, однако, нельзя обойтись без некоторых оговорок. Качество земли, местонахождение хозяйства и другие обстоятельства имели существенное значение; при одинаковом размере земельного надела хозяйства могли быть малоземельными, средними и даже состоятельными. Автор в ряде случаев указывает на относительность границ между отдельными группами и этим в общем и ограничивается. Весьма интересной и важной в научном отношении была бы детальная характеристика типичного хозяйства для этих групп в разных районах страны.

Кое-где повторы в изложении и т. п.) являются частными и не могут повлиять на высокую оценку этой действительно творческой, глубоко аргументированной и базирующейся на богатом архивном материале работы.

В. К. Волков

Впрочем, автор, по-видимому, не ставил перед собой такой задачи. Подробно рассмотрены автором изменения в крестьянском землевладении, состояние животноводства в богатых и бедняцких хозяйствах, задолженность крестьян и обременение их налогами. Анализ этих данных свидетельствует о значительных сдвигах в социальной структуре деревни. В отличие от прежних предстаний подчеркивается сложность процесса социального расслоения.

Во втором разделе освещается парцелляция крупной земельной собственности, эволюция латифундиального хозяйства, положение сельскохозяйственных работников, постоянная и временная эмиграция населения. Констатируя значительное сокращение помещичьего землевладения (с 10,4 млн. в 1871 г. до 7,8 млн. моргов в 1909 г.), автор отмечает особенности процесса парцелляции, связанные с ее временем и местными условиями. Подтверждается вывод о более устойчивом положении латифундий, в меньшей мере подвергавшихся дроблению и парцелляции. Что же касается среднего размера участка земли, приобретаемого крестьянами у помещиков, то ясно обнаруживается тенденция к его уменьшению. Число безземельных в начале 70-х годов автором определяется в 600 тыс. человек. Дальнейшее расслоение деревни увеличивает эту прослойку населения. Большой интерес представляют данные, показывающие влияние революции 1905 г. на изменение условий жизни сельскохозяйственных работников и развитие их классового сознания.

Много внимания уделяется проблеме феодальных пережитков и их ликвидации (третий раздел). Рассмотрев данные об определении размера сервитутов, производившемся в 70—80-х годах, автор приходит к выводу о дальнейшем ограничении сервитутных прав крестьян в это время. Более или менее обстоятельно исследованы вопросы: сервитуты и лесное хозяйство, добровольная отмена сервитутов и проекты принудительной их ликвидации, конфликты, связанные с существованием

сервитутов, разделы земель общего пользования, чересполосица и комасация земель. Утверждение автора об увеличении вознаграждения крестьян за отменяемые сервитуты, по крайней мере в отдельные годы, и о существенном его различии в разных местностях кажется нам правильным. К сожалению, оно недостаточно аргументировано. В книге приводится немало сведений о количестве земли, получаемой крестьянами взамен сервитутов, но при этом не показывается их размер. Очевидно, что без выяснения соотношения размера сервитута и вознаграждения за него трудно говорить об определенной тенденции.

Четвертый раздел, наиболее оригинальный на наш взгляд, посвящен вопросам развития классового сознания у крестьян и их участия в политической жизни. Показав провал русификаторской политики царизма в 70—80-х годах, автор далее рассматривает отношение крестьян к

периодической прессе, влияние нелегальных политических партий в деревне, новые формы русификации, униятский вопрос, позицию крестьян в революции 1905 г., начало движения людовцев, участие крестьян в выборах думы, борьбу за народную школу, деятельность земледельческих кружков и другие аспекты этой проблемы.

Автор широко применяет статистический метод. В книге имеется 50 таблиц, содержащих ценные сведения по изучаемым вопросам. Вместе с тем приводится немало данных, которые также могли бы быть сведены в таблицы. Это избавило бы автора от необходимости их описания и позволило бы усилить аналитическую сторону работы. В заключение следует сказать, что попытка автора в целом оказалась успешной. Выполненное им исследование — значительный вклад в историографию проблемы.

И. И. Костюшко

Т. АНГЕЛОВА. Борба за младежно антифашистко единство в България. София, 1965, 238 стр.

Т. АНГЕЛОВА. Борба за антифашистское единство молодежи в Болгарии

История создания антифашистского молодежного фронта в 1934—1939 гг. в Болгарии — одна из ярких, героических страниц молодежного движения предвоенных лет.

Книга Т. Ангеловой — серьезная попытка создать целостное представление о борьбе, стратегии и тактике прогрессивных болгарских молодежных организаций (главным образом коммунистических).

Работа состоит из введения и трех глав. Во введении дан обстоятельный анализ международной и внутренней обстановки в рассматриваемый период и положения болгарской молодежи после майского переворота 1934 года. Автор подчеркивает, что фашистская власть стремилась взвалить всю тяжесть экономического кризиса на народные массы. В связи с этим ухудшилось положение трудящихся, в том числе и молодежи города и деревни. Одновременно Ангелова разбирает и дает оценку решениям VII конгресса Коминтерна. Правда, анализ их дан с точки зрения значения этих решений для всего коммунистического и рабочего движения. Учитывая специфику рассматриваемой тематики, вероятно, было бы интереснее и полезнее проанализировать именно те положения, выступления на конгрессе, которые непосредственно касались молодежных проблем. (Например, доклад Димитрова, в котором были определены конкретные задачи молодежи в создавшейся обстановке.)

Первая глава посвящена организационным вопросам молодежного коммунистического движения. Как известно, в те годы организационное состояние Болгарского коммунистического молодежного союза (БКМС) и Рабочего молодежного союза (РМС) не отвечало задачам антифашистской борьбы. Виной всему — левосектантское руководство этих союзов. В книге показаны вредные последствия деятельности левосектантов: грубое копирование партии в организационном строительстве, предъявление непомерно высоких требований при приеме в комсомол (принималась молодежь, имеющая солидную марксистско-ленинскую подготовку). Все это вело к тому, что рабочая молодежь, участвовавшая в стачках и демонстрациях, оставалась вне союза. Недоценка левыми сектантами легальной и полуполитической массовой работы приводила к изолированности БКМС и РМС от широких молодежных масс. Эта оторванность усугублялась отсутствием внимания со стороны руководства БКМС и РМС к специфическим интересам молодежи, игнорированием экономической борьбы. Автор подробно анализирует ход борьбы с сектантством. В связи с этим Ангелова широко освещает деятельность Заграничного Бюро БКП по ликвидации сектантства в молодежных коммунистических союзах, подчеркивает, что именно Заграничное Бюро БКП поставило перед коммунистическими союзами задачу создания Единого антифашистского моло-

дежного фронта, потребовало проведения национальной конференции комсомола, обновления руководства БКМС в целях исправления допущенных ошибок.

Во второй главе («Роль БКМС и РМС в строительстве антифашистского народного молодежного фронта 1934—1939») отмечается, что в отличие от таких стран, как Франция и Испания, где строительство молодежных народных фронтов проходило легально, в Болгарии он создавался в обстановке открытой фашистской диктатуры и жесточайшего террора. Автор анализирует деятельность коммунистических молодежных союзов по объединению прогрессивных организаций для борьбы с фашистской реакцией, рисует трудности преодоления сектантского отношения к этим союзам, недоверия к коммунистическим молодежным организациям. На интересном материале Ангелова показывает развитие движения Единого молодежного народного фронта.

В книге прослеживается установление связей с руководством молодежных союзов буржуазно-демократических партий, рядовыми их членами, строительство в

октябре 1935 г. единого общестуденческого фронта, куда вошли Болгарский общенародный студенческий союз, студенческие организации: социалистическая «Жан Жорес», земледельческие «Александр Стамболийский», «Цанко Бакалов» и анархистские из Болгарской общенародной спортивной федерации.

Третья, заключительная глава книги посвящена попытке со стороны БКМС и РМС создать единый антифашистский молодежный союз. Автор рассматривает все перипетии этой борьбы, приводит множество фактов использования самых разнообразных форм и средств для выполнения намеченной цели. Много места в книге уделяется показу борьбы болгарского комсомола за объединение с Союзом социалистической молодежи, правые лидеры которого воспрепятствовали этой попытке.

Написанная на основе богатого архивного материала, книга Т. Ангеловой является значительным вкладом в изучение проблемы борьбы болгарской молодежи против фашизма и войны.

М. В. Гурьева

КАТОЛОГ ВЫСТАВКИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 300-ЛЕТИЮ КНИГИ ИВАНА ЛУЧИЧА

В октябре 1966 г. в Трогире (Югославия) торжественно отмечалось 300-летие выхода в свет одного из первых капитальных трудов по истории южных славян — книги Ивана Лучича (Луциуса) «De Regno Dalmatiae et Croatiae libri sex». Этой дате была посвящена выставка в трогирском музее, судить о которой позволяет ее каталог¹. Он открывается краткой статьей акад. М. Костренчица, предлагающего новую оценку научного творчества И. Луциуса. По мнению М. Костренчица, творчество И. Луциуса представляет новое явление не только в славянской историографии, но и в истории европейской исторической науки в целом. В это время Лейбниц формулирует начала нового, буржуазного подхода к изучению истории, и И. Луциус, не будучи знакомым с философией Лейбница, сформулировал ряд положений, близких к философии истории немецкого ученого. Поэтому его «De Regno Dalmatiae et Croatiae» является, по убеждению М. Костренчица, одним из первых образцов буржуазной историографии, надолго опередившим свою эпоху.

Каталог содержит далее краткую биографию И. Луциуса, где имеются интересные сведения о целой плеяде сотруд-

ников, помогавших ему в сборе документального материала (В. Понти, Ш. Любавац, Ф. и Д. Дивичич, Е. Циндро и др.). Внимание специалистов несомненно привлечет библиография исследований, посвященных И. Луциусу, включающая наиболее важные работы о нем, причем не только хорватские, но и итальянские. Однако наибольший интерес в каталоге представляет перечень извлеченных из архивов документов, относящихся к жизни и деятельности далматинского историка. Он включает биографические свидетельства об И. Луциусе, его переписку с сотрудниками, материалы коллегии св. Иеронима в Риме, возглавлявшейся историком, документальные данные, характеризующие далматинских современников И. Луциуса и его римских друзей — весь этот материал свидетельствует о том, какие широкие возможности существуют для исследования вопросов, связанных с творчеством выдающегося далматинского историографа. В конце книги редкие фотографии — факсимиле писем и рабочих экземпляров книг И. Луциуса, его малоизвестный портрет.

24—25 октября в Трогире состоялся научный симпозиум, посвященный этой же годовщине. Здесь, судя по программе, были прочитаны доклады о месте И. Луциуса в историографии (М. Костренчиц, В. Форетич), о связи его труда с историей Дубровника, Шибеника, Трогира (И. Лучич, С. Грубишич, Ф. Дуймович) с историей трогирского права (Ф. Чули-

¹ «Izložba o povodu 300-godišnice izdavanja djela Ivana Luciusa-Lučića „De Regno Dalmatiae et Croatiae“». 1666—1966. Trogir—Zagreb, 1966.

нович, А. Цвитанич), об источниковедческой базе его труда (Я. Стипшич, М. Шамшлович) и ряд других. Совет-

ские историки с интересом ожидают выхода в свет материалов этой знаменательной научной конференции.

М. Ф.

ПО СЛЕДАМ ПУШКИНСКИХ МАТЕРИАЛОВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Казалось бы, с каждым годом, отделяющим нас от пушкинской эпохи, все труднее и труднее сказать что-либо новое о Пушкине. И все же время от времени это случается: чьи-то упорные, порою многолетние поиски и кропотливая исследовательская работа пытливого ума венчаются открытием неизвестных материалов, проливающих новый свет на жизнь и творчество великого русского поэта.

В этом еще раз убеждаешься, прочитав книгу Н. А. Раевского «Если заговорят портреты»¹. Она принадлежит к тем книгам о русской литературе, которые написаны не литературоведами и не критиками, а людьми далеких от литературы профессий, которые, однако, знают и любят литературу не менее, а порой и более профессионалов. Для авторов таких книг занятие литературными исследованиями не столько работа, сколько душевная потребность. И это накладывает неповторимый отпечаток на их труды, делает их особому привлекательными и интересными. Живые, оригинальные по форме, они позволяют чувствовать авторскую индивидуальность.

Такова, например, недавно выпедшая в Ленинграде книга о юношеской лирике Лермонтова, написанная геологом С. В. Обручевым, долгие годы изучавшим лермонтовское рукописное наследие. Необычна и книга о Пушкине и окружавших его в последние годы жизни людях, написанная биологом Н. А. Раевским. Она возникла в результате начатых им еще в 30-е годы поисков пушкинских материалов в Чехословакии.

Накануне первой мировой войны Н. А. Раевский учился на естественном факультете Петербургского университета. Потом был артиллерийским офицером. Впоследствии ему пришлось прожить более 20 лет в Чехословакии, где он закончил образование, работал на биологическом факультете Карлова университета в Праге и одновременно проявлял большой интерес к истории русской культуры. Особенно занимали его пушкинские материалы, которые в силу разных причин оказались в Чехословакии. «Я считал, что, разыскивая их, — замечает автор во вступлении к своей книге, — по мере сил выполняю свой долг перед русской культу-

рой, перед светлой памятью гения, так рано от нас ушедшего».

В процессе сложных поисков Н. А. Раевскому первому удалось установить, что в Чехословакии находятся иконографические и другие материалы, принадлежавшие сестре жены Пушкина — Александре Гончаровой, которая в 1852 г. вышла замуж за австрийского дипломата Густава Виктора Фогель барона фон Фризенгофа и долгие годы проживала на территории современной Словакии в имении своего мужа Бродяны, а также связанные с именем Пушкина рукописи, оставшиеся в архиве князей Кляри в Теплицах (Чехия) после смерти их прабабки, жены бывшего австрийского посла в России графини Дарьи Федоровны Фикельмон, мать которой — дочь Кутузова Елизавета Михайловна Хитрово — была большой приятельницей Пушкина. Однако Н. А. Раевский в условиях военного времени не смог изучить эти материалы до конца.

После второй мировой войны Н. А. Раевский вернулся на родину и поселился в Алма-Ате. Совершенные некогда открытия не переставали занимать и волновать исследователя. История этих открытий, лично собранные пушкинские материалы и частично материалы, опубликованные разными исследователями, шедшими по следам Раевского после войны, и легли в основу его книги, столь же интересной своими фактическими данными, сколь и их авторской трактовкой, потребовавшей изучения огромного материала.

Книга состоит из четырех глав: «Если заговорят портреты» (о пушкинских материалах, виденных автором в Бродянах), «Когда нашелся архив», «Д. Ф. Фикельмон в жизни Пушкина», «Д. Ф. Фикельмон о дуэли и смерти Пушкина» (в центре последних трех глав — обнаруженный в Теплицах дневник дочери Хитрово, который она вела с 1829 по 1837 г., находясь в России, и ее корреспонденция).

Занимательно само описание поисков родственников Александры Фризенгоф в Чехословакии. Эти поиски завершились для автора книги тем, что в 1937 г. он получил от правнука Александры Николаевны графа Георга Вельсбурга следующее сообщение: «Ответ на Ваше весьма любезное письмо задержался вследствие внезапной смерти моей бабушки герцогини Ольденбургской, 9 января. Моя бабушка все хотела лично Вас поблагодарить и сказать, что она очень сожалеет, не имея возможности сообщить Вам сведения о Пушкине, так как ее мать никогда

¹ Н. Раевский. Если заговорят портреты. Алма-Ата, 1965, 182 стр. Фрагменты книги опубликованы в журнале «Простор» (№ 3, 8 за 1964 г., № 1 за 1965 г.).

не хотела говорить на эту деликатную тему, касающуюся ее сестры».

Н. А. Раевский высказывает мнение, что нежелание Александры Гончаровой, ставшей баронессой фон Фризенгоф, говорить о Пушкине было обусловлено не столько тем, что это касалось ее сестры, сколько характером ее собственных отношений с поэтом. Это предположение не рассеялось у него и после посещения имения Бродяны, где весной 1938 г. все оставалось таким же, как и при жизни Александры Николаевны, которая умерла в 1891 г., как и при жизни ее дочери Натальи Густавовны, которую автор увидать не успел. «От посещения Бродян, — пишет Н. А. Раевский, — у меня осталось такое впечатление, что при жизни Александры Николаевны имя Пушкина было в замке под запретом». Если верить тому, что писала дочь Натальи Николаевны от второго брака, писательница А. П. Арапова (урожденная Лаская), по словам которой Александре «пришлось признаться жениху в своем былом увлечении», так действительно могло быть. Но означало ли это коренное изменение отношения Александры к Пушкину, означало ли, что она решительно и навсегда выбросила его из сердца и памяти, покинув Россию? В этом отношении некоторые косвенные замечания автора книги, тщательно собранного все имеющиеся в литературе сведения об Александре, представляются нам несколько субъективно окрашенными. Вот какая, например, характеристика дается им сестре жены Пушкина, при описании одного из ее портретов: «Александре Николаевне должно быть за семьдесят. Из-под черной накладки виднеется белый старушечий чепчик. Умное, строгое, но усталоившееся лицо. Нет в глазах прежней пронзительности. В кресле сидит очень степенная, важная старушка — баронесса, теща герцога Эльмара Ольденбургского. Поэт здесь решительно не при чем». Мы не видели этого портрета, написанного дочерью Александры — Натальей Густавовной. Очевидно, он воспроизведен автором книги, сколь это возможно с помощью слов, довольно точно. И все-таки вряд ли можно лишь по портрету делать заключение, что поэт здесь решительно не при чем. Ведь это об Александре Гончаровой писали современники, что еще до женитьбы Пушкина на ее сестре она «знала наизусть все стихотворения своего будущего зятя и была влюблена в него заочно» (свидетельство А. В. Трубецкого). То же по сути дела подтверждает и племянница Александры — А. П. Арапова, говоря, что она «приняла к участию многочисленной плеяде поклонниц поэта». Напомним, что это она с тревогой сидела у дверей кабинета Пушкина, где он лежал смертельно раненный после дуэли. Это ей просил поэт княгиню Вяземскую передать после смерти, без свидетелей, цепочку от

нательного креста, которую, как предполагает Н. А. Раевский, ему показывали в Бродянах. Если это предположение верно, можно думать, что хотя в семье Фризенгоф и не говорили о Пушкине, тем не менее он не был забыт Александрой Николаевной. Молчать еще не значит вычеркнуть из жизни или иметь неприязненное отношение. О том, что Пушкин не был совсем забыт баронессой Фризенгоф, позволяют говорить и ее совместные с мужем воспоминания о дуэли и смерти Пушкина (1887), о чем сказано в книге. Однако известные основания задать себе вопрос, «часто ли вспоминала венгерская помещица свои русские годы и своего гениального свояка», все же были у Н. А. Раевского. Во время своего посещения Бродян в одной из комнат он обнаружил портрет Дантеса, написанный в 1844 г., т. е. вскоре после смерти его жены, второй сестры Натальи Николаевны — Екатерины, которую Пушкин некогда принял в своем доме. Это трудно объяснить. Но с другой стороны, если Александра, которая, по словам отца поэта, была «более огорчена потерей», чем сама невестка, смогла простить убийцу Пушкина или быть терпимой к нему, то что же могло ее заставить изгнать из души своей самого Пушкина? Впрочем, как относилась Alexandrine к Пушкину после его смерти — это не так уж важно. Мы остановились на этом вопросе единственно потому, что в русском пушкиноведении уже сложился определенный образ сестры жены Пушкина, с которым, как нам кажется, несколько не согласуются отдельные частные штрихи ее облика, встающего со страниц книги «Если заговорят портреты».

Главное же содержание главы о посещении Бродян, конечно, составляют обнаруженные там Н. А. Раевским материалы, по преимуществу изобразительные, принадлежавшие Александре Николаевне и французскому писателю и художнику графу Ксавье де Местру (1768—1852), долгие годы жившему в России. Де Местр был женат на тетке девиц Гончаровых, сестре их матери — Софье Ивановне Загряжской. Приемная дочь Софьи Ивановны — Наталья Ивановна Иванова (как полагает автор, внебрачная дочь де Местра) была первой женой барона Фризенгофа, умерла она в России в 1850 г. Во время болезни за нею ухаживала Александра Николаевна. Интересно, что де Местр знал семью Пушкиных, сделал портрет матери поэта.

Среди наследия Александры Николаевны оказалось особенно много портретов семьи Гончаровых, позволяющих воочию увидеть образы и родителей Натальи Николаевны и их деда, владельца Полотняного завода Афанасия Ивановича Гончарова, а также детей Пушкина.

Особый интерес представляют неизвестные или малоизвестные портреты самой

Александра Николаевна Гончарова.
*Дажерротип из Бродянского архива,
без даты*

Наталья Николаевна и Александры Николаевны. Среди портретов Н. Н. Пушкиной-Ланской привлекает акварель В. Гана, датированная 1842 годом, годом ее второго замужества. В то время Наталья Николаевна была еще очень красива. На втором карандашном рисунке, сделанном племянником генерала Ланского, мы видим ее уже сорокалетней, заметно постаревшей. О внешности Александры Николаевны свидетельства современников разноречивы. Одни писали, что свояченица Пушкина красива, хотя и уступает его жене (сестра поэта О. С. Павлищева), что Александра «была известна в обществе под названием бл е д н о г о а н г е л а» (А. И. Кирпичников). Другие считали, что «Александра была очень некрасива» (А. В. Трубецкой), а племянница А. П. Арапова видела в чертах лица Александры Николаевны карикатуру на внешность матери. Теперь мы можем судить обо всем этом сами. Истина, как это часто бывает в таких случаях, оказалась где-то посередине.

В столовой графского дома в Бродянах автор книги обнаружил большой литографированный портрет Жуковского с его автографом. Множество виденных фотографий, акварелей и разного рода портретов, явно русского происхождения (конца 30-х — начала 40-х годов), к сожалению, остались не расшифрованными (автор был в Бродянах всего два дня).

Помимо этого, Н. А. Раевскому показали в Бродянах восемь альбомов рисунков де Местра, многие из которых были сделаны в России. Среди них автор книги обнаружил портрет одного из братьев Тургеневых, а также портрет брата Пушкина — Льва Сергеевича. Менее повезло автору книги с рукописными материалами. Просить показать их при первом знакомстве с хозяевами Бродян он не решился. Единственное, что ему показали, — это извещение министерства императорского двора о высочайшем разрешении фрейлине Гончаровой выйти замуж. Были ли пушкинские рукописи в Бродянах — неизвестно. Есть сведения, что Александра Николаевна сожгла перед смертью имевшиеся у нее письма, так же поступила и ее дочь Наталья Густавовна, поручившая сжечь свои бумаги.

Однако, как выяснилось впоследствии, если не прямо, то косвенно относящиеся к Пушкину материалы в Бродянах все же были. Мы имеем в виду приведенные в статье А. В. Исаченко² выдержки из обнаруженных в Бродянах уже после войны писем Густава Фризенгофа, которые тот писал из Петербурга, где говорится о семье поэта.

Первый раз Фризенгоф вместе с женой Натальей Ивановной приехал в Россию в 1839 г. и пробыл в ней до 1844 г. Он и его жена в те годы сблизилась с Натальей Николаевной и ее сестрой, а когда у Фризенгофов родился сын, гостили у них в Михайловском.

Вероятно, именно тогда попали в один из двух альбомов Наталья Ивановны Фризенгоф цветы из Михайловского, собранные Александрой Николаевной и детьми Пушкина. Об этом рассказал нам летом 1965 г. главный редактор Словацкого издательства художественной литературы Ян Ференчик, который в послевоенные годы бывал в Бродянах и работал там. Тогда же им был найден автограф Жуковского в одном из альбомов Натальи Ивановны.

Помимо того, о чем говорилось, А. В. Исаченко видел в Бродянах портреты князя Вяземского, Карамзина, детей Пушкина — Александра, Марии и Натальи. Он, так же как и Н. А. Раевский, упоминает в своей статье о кольце Александры Николаевны, связанном с памятью Пушкина³. Любопытно замечание А. В. Исаченко о возможности встречи Натальи Николаевны с Дантесом, который приезжал в Вену именно в то время, когда Н. И. Пушкина-Ланская была в гостях у Фризенгофов. «Встреча в венском русском обществе была неизбежной», — замечает он. Раньше, со слов сына

² А. В. Исаченко. Puškiniana na Slovensku. — «Slovenské pohľady», 1947, № 1.

³ Правда, описания кольца у Н. А. Раевского и А. В. Исаченко несколько различны.

Дантеса, было известно лишь об одной встрече убийцы Пушкина с Натальей Николаевной, когда на улице Парижа они молча прошли мимо друг друга⁴. Как видно, теперь не исключено, что была и вторая. Яну Ференчику помнится, что он видел в архиве Фризенгофов визитную карточку Дантеса. К сожалению, подробного научного описания всех пушкинских материалов, имевшихся в Бродянах, нет. Возможно, их тщательное изучение смогло бы еще больше обогатить пушкиноведение, да и не только пушкиноведение. Однако теперь это труднее, поскольку они оказались разрозненными. Можно пожалеть, что Н. А. Раевскому не удалось в свое время ознакомиться с ними более полно⁵.

Три главы книги «Если заговорят портреты» рассказывают о том, как были в 1942 г. обнаружены Н. А. Раевским в семейном архиве князей Кляри письмо Пушкина к Д. Ф. Фикельмон, ее дневник, где не раз говорится о поэте, и, наконец, специальная записка Д. Ф. Фикельмон о его дуэли и кончине, начатая 29 января (10 февраля) 1837 г. В то время автору книги удалось получить лишь копию письма и записи о его дуэли и смерти. Дневниковые записи Д. Ф. Фикельмон, касающиеся Пушкина, были опубликованы лишь после войны А. В. Флоровским⁶ и затем Н. В. Измайловым⁷. Опираясь на эти материалы и переписку супругов Фикельмон с Е. Ф. Тизенгаузен (второй дочерью Е. М. Хитрово)⁸, а также на другие источники, Н. А. Раевский характеризует личность Д. Ф. Фикельмон, прослеживает характер ее взаимоотношений с поэтом, подробно рассматривает записи о дуэли и смерти.

Главы книги, посвященные дневнику Д. Ф. Фикельмон и ее записи о дуэли и смерти Пушкина, интересны как очень своеобразная попытка реконструкции

Наталья Николаевна Пушкина.
Акварель В. Гана из Бродянского архива, 1842 г.

всего образа жизни, взглядов, быта и нравов той среды, которая окружала поэта в Петербурге. Это, впрочем, относится ко всей книге в целом и, пожалуй, составляет одно из главных ее достоинств.

Подобно археологам, воссоздающим по найденным при раскопках черепкам формы древних сосудов, которыми некогда пользовались люди, воссоздает в своей книге Н. А. Раевский страницы из жизни пушкинской эпохи и самого поэта — по коротким отрывочным дневниковым записям графини Фикельмон. Такова очень живо написанная вставная новелла о костюмированной поездке Д. Ф. Фикельмон, ее матери, сестры, Пушкина и других лиц к жене английского посла, в дом посланника Обеих Сицилий и к Олениным. Таков созданный автором на основе дневниковых заметок, вырастающий из ряда деталей образ жены поэта, ее внешности, духовных качеств, взаимоотношений с Пушкиным. Как видно из книги, в салонах Фикельмон и ее матери Пушкин получал неофициальные сведения о жизни за границей.

Надо заметить, что суждения Н. А. Раевского, комментирующего новые и известные пушкинские материалы, порою не совсем бесспорны. Например, нам кажется чересчур акцентированным увлечение графини Фикельмон Пушкиным в общем контексте ее дружеских взаимоотношений с ним. Думается все же, что он интересовал ее не столько как обаятель-

⁴ См. И. Яковлев. Беседы с бароном Геккерн-Дантесом-сыном. — «Новое время», 1899, 12 (24) июня.

⁵ Некоторые дополнительные данные о бродянских материалах см. Н. А. Раевский и В. замке А. Н. Фризенгоф-Гопчаровой. — «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV. М. — Л., 1962.

⁶ А. В. Флоровский. Пушкин на страницах дневника графини Д. Ф. Фикельмон — «Slavia», 1959, № 4.

⁷ Н. В. Измайлов. Пушкин в переписке и дневниках современников. — «Временник пушкинской комиссии». — М. — Л., 1962.

⁸ Была издана в Париже в 1911 г.

Наталья Николаевна Пушкина-Ланская.
Карандашный рисунок Н. П. Ланского
из альбома А. Н. Фризенгоф-Гончаровой,
1852 г.

ная личность, сколько как прославленный русский писатель и поэт. Но и спорные суждения автора по-своему интересны, дают читателю обильную пищу для размышлений.

С творчеством Пушкина дневниковые записи Фикельмон непосредственно почти не связаны, хотя в них и упоминаются имена тех, кому он посвящал свои стихи, но для биографии поэта они дают немало. В этом смысле интересна первая часть записи о дуэли и смерти поэта. Она начинается словами: «Сегодня Россия потеряла своего дорогого, горячо любимого поэта Пушкина, этот дивный талант, полный красоты и силы. И какая печальная катастрофа заставила угаснуть этот прекрасный, блестящий светоч, которому как будто было предназначено все больше и больше освещать все окружающее и который, казалось, имел перед собою еще долгие дни». Далее графиня Фикельмон довольно подробно, как живой свидетель, повествует обо всем, что предшествовало дуэли. Этот рассказ важен тем, что содержащиеся в нем сведения либо подтверждают, либо отрицают те или иные сложившиеся в пушкиноведении разноречивые точки зрения на роль жены в трагической судьбе поэта. Считая Наталью Николаевну не очень умной и бесхарактерной женщиной, графиня не осуждает ее, соболезнует ей, но личного расположения к жене поэта при этом не высказывает.

Вторая часть, описание событий после дуэли, менее интересна, так как написана с чужих слов. Фикельмон не была в доме Пушкина 28 и 29 января. Она простилась

с поэтом во время отпевания в Конюшенной церкви. В этой части записи нет ничего неизвестного. Единственное, что выделил автор книги в ней как новое,— это просьба Пушкина к Данзасу дать обещание не мстить за него и передать шуринам его запрещение драться с Дантесом. Но и это было известно, хотя в другой редакции и без упоминания о шуринах,— из воспоминаний Данзаса, а также из писем Вяземского и Веневитинова.

Н. А. Раевский отмечает, что в отличие от Александры Николаевны графиня Фикельмон после трагической смерти поэта всегда неприязненно относилась к Дантесу. Своеобразным дополнением к записи Фикельмон о гибели поэта может быть отрывок из письма Густава Фризенгофа к брату Адольфу от 7 марта 1837 г., содержащийся в упомянутой статье А. В. Исаченко. В нем пересказывается все то, что сразу после смерти Пушкина сообщила Софье Ивановне де Местр ее сестра Екатерина Ивановна Загряжская. Это сообщение отражает точку зрения Загряжской на все происшедшее. По ее мнению, умирая, Пушкин был твердо уверен в невинности жены, которая его горячо любила.

В заключение хочется сказать еще об одной приятной особенности книги. Она читается, как увлекательное беллетристическое произведение, и в то же время содержит ценные для науки документальные данные. Результаты серьезного научного труда излагаются в ней так,

Лев Сергеевич Пушкин.
Карандашный рисунок Ксаوية
де Местра, ок. 1825 г.

что она доступна самому широкому кругу читателей. И еще одно замечание. Пример Н. А. Раевского показывает, сколь плодотворными для пушкинистов могут быть поиски в заграничных архивах, в частности в Чехословакии. По мнению автора книги, новые пушкинские материалы могут быть обнаружены в бумагах бывших чиновников австрийского посольства в России князей Фрица Лихтенштейна и Франца Лобковича, с которыми Пушкин встречался. За границей могут быть найдены письма жены к поэту. Это если говорить о Пушкине. А сколько дру-

гих материалов, связанных с русской литературой, ждет своих исследователей!

О небольшой книге Н. А. Раевского можно говорить много, но лучше ее прочитать. Она вышла тиражом 50 тысяч экземпляров. Однако достать ее нельзя, ни в Алма-Ате, где она распродана, ни тем более в Москве. Мы знакомылись с ней по библиотечному экземпляру, достаточно потрепанному. Думается, что переиздание книги в Алма-Ате или в Москве могло бы читателей только порадовать.

Л. С. Кишкин

К ВОПРОСУ О БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ

Тот, кто интересуется проблемой литературных связей и их ролью в развитии словесного искусства, немало любопытного может найти в книге белорусского литературоведа Адама Мальдиса «Творческое побратимство»¹. Монография Мальдиса, правда, не во всем безупречна, но в целом она, несомненно, принадлежит к числу полезных книг.

Минский ученый поставил своей целью выявить то значение, какое имели для зачинателей белорусской словесности их связи с польской культурой и — шире — с польским национально-освободительным движением в процессе возникновения и становления самобытной национальной белорусской литературы. С этой задачей автор книги в основном справился успешно.

На богатом фактическом материале (частью архивном) он показал, как у многих прогрессивных деятелей польской культуры первой половины XIX в. развивался интерес к белорусскому фольклору; как потребность в освоении устного творчества белорусского народа, ставшая особенно настоятельной в эпоху романтизма, приводила некоторых польских писателей (Я. Чечота, Я. Баршевского, А. Рыпиньского, В. Дунина-Марцинкевича и других, верных чувству своего «местного» патриотизма) к попыткам писать на двух языках (автор верно называет их белорусско-польскими писателями, стр. 6); как сложилась устойчивая традиция, приведшая в конце концов к утверждению особой национальной литературы, одним из ярчайших представителей которой стал Франциск Богусевич — поэт уже самобытно белорусский. При этом любопытна закономерность: если в первой половине XIX в., т. е. в начальной стадии формирования белорусской национальной литературы, ее связь с родным фольклором и польскими

словесно-художественными традициями носила хотя и широкий, но поверхностный, внешне очевидный характер, выражавшийся в стилизации, в подражании, и, так сказать, в демонстрации возможностей белорусской речи (см. главу «Под знаменем народности и романтизма»), то на завершающей стадии процесса становления (ей посвящена глава «На склоне столетия») эти связи, особенно у Богусевича, как бы растворяются в реторте оригинального творчества, внешне становятся совершенно неосознаваемыми, неуловимыми через анализ отдельных сюжетов, образов, речений, приемов и т. д. Судя по аналогичным процессам в других литературах и по отдельным случаям взаимовлияния больших художников, внешне иногда ни в чем не похожих друг на друга, подмеченная закономерность имеет, по-видимому, силу универсального закона творческого взаимодействия.

Не касаясь всех частных вопросов, затронутых Мальдисом, отметим лишь, что историкам, должно быть, безынтересна будет глава «Накануне восстания», где автор достаточно убедительно интерпретирует противоречия в мировоззрении Константина Калиновского. Литературоведам-полонистам ознакомление с исследованием Мальдиса необходимо не только потому, что оно существенно дополняет наше представление об общественно-исторической роли некоторых польских писателей (в частности, такого видного поэта, как В. Сырокомля), но и потому, что здесь речь идет о вкладе польской литературы в развитие другой славянской литературы.

Читая книгу Мальдиса, лишней раз убеждаешься, как важна и перспективна проблема литературных связей, которую сплошь и рядом неоправданно дробят на мелкие темки и сужают до выискивания поверхностного сходства, сомнительных реминисценций и изолированных от общего литературного процесса контактов между отдельными писателями (этой погрешности, кстати, не вполне избежал и

¹ А. М а л ь д з і с, Творчае пабрацімства. Выд. «Навука і тэхніка», Мінск, 1966, 158 стр.

белорусский исследователь). До недавнего времени наши специалисты по связям занимались изучением контактов белорусской словесности только с русской и украинской литературами. О ее родстве с польской культурой, в лучшем случае, принято было говорить вскользь. Лишь в последние годы (благодаря трудам белорусских ученых, из которых в первую очередь надо назвать С. Александровича, А. Лойко, Н. Перкина и М. Ларченко) эту дурную традицию стали преодолевать. Монография Мальдиса является еще одним шагом в этом направлении — шагом на пути приближения к истине и восстановления исторической справедливости. Основной вывод исследователя о том, что вне истории белорусско-польских отношений XIX в. немисливо воссоздать подлинную, научно объективную картину возникновения и становления национальной белорусской литературы, представляется вполне убедительным и очень важным.

Но если основная мысль Мальдиса верна, то способ ее демонстрации не всегда безупречен. Так, настаивая на необходимости конкретно-исторического изучения литературного наследства и правильно возражая тем, кто недооценивал, а то и вовсе отказывался признавать какие бы то ни было заслуги в деле возрождения белорусской словесности за писателями консервативных и реакционных убеждений, Мальдис, однако, впадает в другую крайность. Он стремится во что бы то ни стало «реабилитировать» этих писателей. С этой целью он предлагает исходить при идеологической характеристике деятелей культуры не из ведущей, определяющей тенденции их мировоззрения, а из полного, всестороннего учета их противоречивых взглядов и, следовательно, положительных и отрицательных сторон их наследства. На первый взгляд, такая методологическая установка может показаться даже весьма убедительной, диалектической (ведь автор требует заменить односторонний подход всесторонним рассмотрением явления!). А на деле эта посылка ошибочна: если ее последовательно развить, то мы придем к тому же заключению, что консерваторами и реакционерами могут считаться только люди совершенно бездарные, либо просто неумные — словом, абсолютно неспособные развивать искусство и науку. К каким результатам приводит такая установка, показывает, в частности, попытка Мальдиса «критически» пересмотреть устоявшийся взгляд на Яна Барщевского. Старательно выписав из его поэтических сочинений все те места, в которых слышатся нотки сочувствия белорусскому крепостному крестьянину, исследователь констатирует факт несомненного наличия демократических симпатий у Барщевского и на этом основании отвергает прежнее суждение о нем как о мыслителе реак-

ционного толка. А вслед затем, чтобы подчеркнуть крайнюю противоречивость Барщевского и заодно кажущуюся объективностью своей оценки, он делает беглую оговорку, но такую, которая по существу полностью опрокидывает его прежнее построение. Мы узнаем, что Барщевского пугал даже «призрак новых, капиталистических отношений», что он бежал от них в прошлое и «там, в патриархальном прошлом, он искал идеал», восхваляя прежних панов и старошляхетскую добродетель (стр. 37). И это говорится о писателе, который жил во времена глубочайшего кризиса крепостнических порядков, а не в период зрелых буржуазных отношений, когда подобного рода реакционные иллюзии еще могут кое-как уживаться с общедемократическим протестом масс против капиталистического гнета. Мальдис явно упускает из виду, что та общественно-политическая ориентация писателей, по которой мы судим о характере их идеологии, и их фактический вклад в сокровищницу культуры — это разные вещи; что нет никакой надобности «приукрашивать» идеологию деятелей прошлого, для того чтобы, не умаляя, по достоинству оценить их исторические заслуги. Поэтому, когда он упрекает инакомыслящих в вульгарном социологизме (см. стр. 29—30, 36), его критика звучит не очень-то убедительно, тем более что сам он подчас слишком уж жестко ставит идеологическую характеристику деятелей культуры в зависимости от их социального и территориального происхождения. Книга белорусского исследователя не свободна и от чересчур поспешных обобщений. К огульным суждениям следует, например, отнести его попытку распространить лозунг З. Красиньского «С польской шляхтой — польский народ» на все шляхетское освободительное движение 40 и 50-х годов (стр. 55). При этом из поля зрения автора вышла не только эволюция идейно-политических воззрений Мицкевича, на которого он ссылается в подтверждение своего тезиса, но и широко известный эпизод резкого выступления Словацкого против Красиньского (о чем в книге вообще не упоминается). Не может не вызывать удивления и то, что, говоря о тенденции польских писателей (преимущественно реакционных: Г. Жевуского, В. Поля, М. Чайковского и др., см. стр. 57, 97) к идеализации шляхетской старины, Мальдис ставит в один ряд с ними... Ю. И. Крашевского — романиста, который сознательно противопоставил идеализирующим тенденциям именно этой группы литераторов и который, по мнению некоторых авторитетных исследователей его творчества, иногда даже хватал через край в своем историческом критицизме. Весьма курьезно звучит также сожаление автора по поводу того, что польская литература «привлекала на свою сторону и значительную часть местных

творческих сил, которые при иных условиях могли бы стать гордостью белорусской словесности» (стр. 155).

По всей вероятности, эти, как и другие, досадные погрешности книги бело-

русского ученого — результат его страстного увлечения доказательством своей идеи, идеи, повторяем, в общем верной и заслуживающей поддержки.

И. К. Горский

J. FELIX. Harlekýn sklonený nad vodou. Bratislava, 1965, s. 315

И. ФЕЛИКС. Арлекин, склонившийся над водой

При всей кажущейся экстравагантности И. Феликс дал несомненно удачное название сборнику своих критических статей, написанных в разное время и посвященных большому периоду современной словацкой литературы (40—60-е годы). Арлекин, склонившийся над водой, — это художник, заболевший нарциссизмом, это искусство, удалившееся под сень струй, погружившееся в нирвану самолюбования, забывшее о своем долге перед человеком. «Поэзия у нас по большей части перестала быть хранительницей высших моральных ценностей, открывательницей красоты и одновременно правды, — писал И. Феликс в 1942 г., в пору ожесточенной схватки между силами гуманизма и фашистского мракобесия, — она ударилась в гипертрофированный субъективизм и открывает только красоту, прекрасную ложь и лживую красоту, интерес к которой могут питать лишь снобы да чувствительные барышни до шестнадцати лет... Нам представляется почти аморальным — скажем об этом совершенно прямо, — когда единственным ответом поэта на потоки крови, на всю эту ужасную проблематику сегодняшнего дня очень часто оказываются потоки сомнамбулических слов, преследующих различные, но всегда самоцельно эстетические эффекты...»

Иозеф Феликс — один из ярких представителей того отряда словацкой критики, который, опираясь на богатое наследие национальных «будителей», всегда отстаивал общественное назначение искусства и литературы, ратовал за высший, общечеловеческий смысл художественного творчества. Статьи, собранные в сборнике, отличаются духом непримиримости к малейшим проявлениям пошлости и эстетского кривляния, к погоне за модой и бесплодным подражательству. Превосходный знаток романских литератур (Феликс — глубокий исследователь творчества Данте, историк и переводчик французской литературы), в своих оценках произведений словацких писателей он исходит из критериев мирового литературного процесса. Чуткость к художественной ткани произведения — неотъемлемое качество каждого настоящего критика — сочетается в его лучших статьях с глубиной литературоведческого ана-

лиза, со стремлением поставить рецензируемую книгу в общую цепь литературного развития. Вот почему суждения Феликса, сформулированные в момент выхода того или иного произведения, нередко становились «пророческими»: свои конкретные наблюдения он всегда старался свести в систему, обнажить не просто концепцию данной книги, но нащупать «концепцию» ее автора, предостеречь от крайностей или ошибок, отделить истинное от фальши, в конечном счете, повлиять на дальнейшую эволюцию писателя (см. его рецензии на книги Л. Новомеского, Я. Костры, В. Бениака, П. Карваша и др.).

Из сказанного ясно, что Иозеф Феликс — последовательный сторонник действительной, принципиальной критики. Не раз его выступления, идущие нередко в разрез установившейся норме, становились предметом оживленной дискуссии. Самым ярким примером может, пожалуй, служить его статья «За новые пути в прозе или проблема „ангельских земель“ в нашей литературе» (1946), которая положила начало страстному обсуждению важнейших вопросов развития словацкой литературы вскоре после освобождения страны от фашистского засилья. В то время словацкая проза, вынужденная в годы фашистского режима в Словакии отойти от центральных проблем эпохи, как бы по инерции продолжала «продуцировать» произведения, далекие от проблем, волнующих современников. В ней укоренился штамп ложной экзотики, привычка выпендриться и многословно говорить о мелочах. Находились теоретики, которые подводили под эти явления творческого кризиса и застоя специальную базу — преодоление «устаревших» канонов реализма. Остро полемическая статья Феликса, бескомпромиссно выступившего в тот момент против адептов этого направления, сыграла исключительно важную роль в переориентации всей словацкой литературы в сторону решительного сближения с жизнью, способствовала активизации гражданского сознания ее творцов: «Инстинктивной эстетизации поистине было уже достаточно. Ныне пора задуматься над жизнью, над этой нашей конкретной жизнью»

Как всякий критик, с открытым забралом вторгающийся в гущу литературных сражений, отстаивающий свое представление о художественном идеале, Йозеф Феликс не избежал, разумеется, некоторых крайностей, запальчивых и не во всем справедливых оценок. Однако эти, по-видимому неизбежные, издержки с лихвой окупаются своевременностью его выступлений, умением нащупать наиболее актуальные и наиболее важные вопросы литературного развития, способностью мужественно и нелюбезно сказать о них. Сборник избранных критических

статей Йозефа Феликса — не только необходимый комментарий к истории словацкой литературы последних десятилетий, но и книга, многими своими сторонами, идеями и гипотезами, высказанными в ней, продолжающая участвовать в литературном процессе наших дней. Ибо борьба за искусство большой жизненной правды, которой был верен автор «Арлекина» на протяжении многолетней критической деятельности, остается актуальной и сегодня.

Ю. Богданов

Ю. И. КРАШЕВСКИЙ В СВЕТЕ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ

Недавно Институт литературных исследований Польской академии наук опубликовал под редакцией Винценцы Данека, крупнейшего исследователя творчества Ю. И. Крашевского, обширный том из переписки писателя с друзьями¹. После изданной в 1963 г. под редакцией того же В. Данека переписки Крашевского с Т. Ленартовичем, это вторая публикация неизвестных материалов о жизни и деятельности польского романиста, хранившихся в основном в архивах Ягеллонской библиотеки.

Кроме общего введения и трех обзорных вступлений к соответствующим разделам корреспонденции — пояснений к затрагиваемым Крашевским событиям, упоминаемым лицам и т. д., том снабжен развернутым комментарием В. Данека. За этим комментарием к лаконичным, подчас зашифрованным письмам Крашевского (особенно часто прибегает писатель к «шифру» из-за опасения прусской цензуры в переписке с Милошевским) чувствуется огромная работа исследователя-биографа, текстолога и историка культуры, который привлекает не только «второй пласт» корреспонденции, неизвестные читателю ответы друзей романиста на его письма, но и исследования из истории польского театра, из истории польской живописи и пр. — стараясь проникнуть во все, что, хотя бы отдаленно, связано с творчеством польского писателя. Благодаря тонкому и всестороннему комментарию письма Крашевского наполняются глубоким содержанием, «оживают» для современного читателя, утратившего чувство реальности тех лет: становится понятным и близким не только образ большого польского писателя, мученика и борца, но и события его эпохи. В этом

отношении комментарий В. Данека представляет научную ценность не только для литературоведов, но и для историков польской культуры XIX в. вообще.

Первый раздел книги — письма к Адаму Милошевскому, актеру, антрепренеру и директору театров в Житомире (1856—1860), Кракове (1863—1865) и Львове (1864 и 1881), и к его жене Иоанне — открывает страницу из жизни Крашевского, связанную с его участием в судьбах польского театра и, в частности, с его театральной деятельностью в Житомире. Письма к Милошевским воссоздают образ Крашевского-патриота, преданного идеалам освобождения Польши, вступившего в борьбу с политической прусского конкверста. Они проливают свет на нашедший в 80-е годы судебный процесс над писателем. Оказавшись в драматической ситуации, тяжело больной, Крашевский мужественно переносит физические и моральные страдания, хотя и мучительно переживает свой разрыв с родиной.

Письма к семье Ланге (1865—1884) — отцу Каролу и сыновьям Тадеушу и Казимежу, участникам польского освободительного движения, позитивистам по убеждению, неприязненно относившимся к краковским клерикально-аристократическим кругам, — рисуют яркий облик Крашевского как общественного деятеля и публициста. Эта часть корреспонденции знакомит читателя с неудавшейся попыткой Крашевского обосноваться в 1865 г. во Львове, где он намеревался издавать антиконсервативную газету «Хасло», а также с причинами, которые заставили его отказаться от австрийского подданства, с таким трудом полученного им в 1866 г. Для русского читателя особый интерес представляют здесь страницы, показывающие с каким вниманием относился Крашевский к русской культуре (в частности, страницы, касающиеся популяризации им «Философических писем» П. Чаадаева). К последнему из пи-

¹ J. J. K r a s z e w s k i. Listy do Adama i Joanny Miłoszewskich, rodziny Langie, Walerego Eljasza-Radzikowskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, 384s.

сем этого раздела, посланному из Крыниц, В. Данек прилагает восторженный этюд Крашевского о несравненно прекрасном крае Татр, который он увидел впервые, — деталь небезынтересная для исследователей литературы «Молодой Польши».

Письма последнего раздела книги (1866—1888) адресованы польскому художнику В. Эльяшу-Радиковскому. В них сказались широта творческой личности Крашевского. Заметки о живописи (среди них — о картине русского худож-

ника К. Флавицкого «Смерть княжны Таракановой»), рекомендации по технике офорта, поправки, которые вносит писатель в композиции Эльяша, — во всем чувствуется тонкий знаток рисунка и живописи.

Письма Крашевского подкупают своей сердечностью, они внушают глубокое уважение к писателю, который, не падая своих сил, поддерживал молодые дарования, горячо ратуя за развитие национальной польской культуры.

Н. Богомолова

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В «ОПРЕДЕЛИТЕЛЕ ЯЗЫКОВ МИРА ПО ПИСЬМЕННОСТЯМ»

«Определитель языков мира по письменности» Р. С. Гиляревского и В. С. Гривина, вышедший недавно четвертым изданием¹, рассчитан на работников разных областей культуры, прежде всего библиотекарей и библиографов, не имеющих специальной лингвистической подготовки. С его помощью лица, не знающие данных языков, могут определить их по письменности (письму). Возможность такого определения объясняется тем, что письменность почти каждого языка характеризуется отдельными, свойственными только ей графическими особенностями. В «Определителе» содержатся данные более чем о 200 современных языках, а также о некоторых мертвых языках, сыгравших важную роль в истории современных языков.

Четырехкратное издание «Определителя» в течение короткого времени свидетельствует о большом интересе к этому справочнику и о его практическом значении. Первые издания его уже были положительно оценены в опубликованных рецензиях². В своей рецензии мы рассмотрим содержащиеся в «Определителе» материалы о славянских языках. Это целесообразно сделать как потому, что в опубликованных рецензиях о славянских языках ничего не говорится, так и потому, что в «Определителе» имеется

ряд неточностей, которые необходимо устранить в следующем издании.

В «Определителе» включены все современные славянские языки: русский, украинский, белорусский, болгарский, македонский, сербско-хорватский, словенский, чешский, словацкий, польский, кашубский, лужицкие, а также старославянский язык в двух видах его письма — кириллице и глаголице. Таким образом, славянские языки в книге представлены полно.

В этой связи следует лишь отметить неудачно разработанный раздел о лужицких языках. Авторы помещают верхнелужицкий и нижнелужицкий языки в один раздел под названием «Лужицкие (языки)». Большая близость как самих языков, так и их алфавитов, разумеется, не может служить оправданием для их «совместного» описания в книге, само назначение которой заключается в определении языка данного текста по его письму.

Известное сомнение вызывает включение в «Определитель» кашубского языка (в скобках на стр. 100 этот язык ошибочно назван полабским). На этом языке в настоящее время книги, не говоря уже о газетах и журналах, не издаются. Поэтому, в сущности говоря, он не может входить в число тех свыше двухсот языков, на которых издается «преобладающее большинство выходящей в мире литературы» (стр. 3).

Ценность любого справочника в решающей степени зависит от принципа подачи и точности содержащейся в нем информации. В данном справочнике такой информацией являются прежде всего алфавиты языков и пояснения к ним.

Важен вопрос о том, должна ли часть раздела о каждом языке, называемая «Алфавитом», содержать только отдельные буквы, включая и буквы с диакритическими знаками, или же эта часть может или должна содержать и буквосочетания (диграфы и под.), с помощью которых передаются отдельные звуки? Авторы отве-

¹ Р. С. Гиляревский, В. С. Гривин. Определитель языков мира по письменностям. М., 1965, 375 стр. На титуле здесь указано: «Издание третье, исправленное и дополненное», но это, вероятно, случайная опечатка, так как третье издание вышло в свет в 1964 г.

² См. рецензии Н. Д. Андреева на первое издание «Определителя» в журнале «Вопросы языкознания» (1958, № 1, стр. 161—162) и Л. Б. Никольского — на второе издание в журнале «Народы Азии и Африки» (1962, № 2, стр. 246—247).

чают на этот вопрос двойко. С одной стороны, они отмечают, что в алфавитах языков, использующих буквенно-звуковое письмо, «отражены все дополнительные буквы и диакритические знаки каждого языка и отчасти его фонетический состав» (стр. 4). С другой стороны, авторы делают исключение для «общеизвестных западноевропейских языков (например, французского или немецкого)» (стр. 4), в алфавит которых дополнительные буквы и диакритические знаки «по установившейся традиции» не включаются. Таким образом, одна и та же буква, например, *é* в алфавите французского языка не приводится, а в алфавите чешского и других языков приводится. Такое же замечание относится и к буквосочетаниям, обозначающим отдельные звуки; например, буквосочетания *sch* в немецком и *sh* в английском алфавитах не представлены, в то время как буквосочетание *sz*, обозначающее такой же согласный в польском языке, в алфавите последнего представлено. Подобных примеров можно привести много. Такая очевидная непоследовательность не может рассматриваться как сильная сторона «Определителя».

Отсутствие единого принципа в подаче алфавитов приводит авторов к некоторым противоречиям. Так, дополнительные буквы и диакритические знаки не включаются ими не только в алфавит «общеизвестных» западноевропейских языков, например, французского или немецкого, но и в алфавит целого ряда языков (например, фризского, провансальского, каталонского, ретороманского, бретонского и др.), которые «общеизвестными», вероятно, не сочтут и сами авторы. Из славянских языков, следуя указанному утверждению авторов, к «общеизвестным» пришлось бы причислить кашубский язык, в алфавит которого не включены буквы с диакритическими знаками (стр. 100). Кроме того, понятие «общеизвестный язык» относительное само по себе, в справочнике, каким является рецензируемый «Определитель», вообще не должно приниматься во внимание.

Что касается буквосочетаний, помещенных в алфавитах многих языков, то они также не всегда соответствуют основной цели рецензируемого справочника. Для человека, не знающего конкретного языка, не имеет значения, обозначает данное буквосочетание отдельный звук или сочетание звуков (как и наоборот, ср.: буква *щ* в болгарском обозначает сочетание звуков *шт*, а в русском — долгий мягкий *ш*). Ему важно лишь знать, что такое буквосочетание встречается в письменности данного языка. Поэтому все диграфы и другие буквосочетания, кроме лигатур (мы имеем здесь в виду только алфавиты на латинской и русской основе), должны быть, по нашему мнению, исключены из раздела «Алфавит» и отнесены в пояснительный текст. В противном слу-

чае неизбежны противоречия и непоследовательность, многочисленные примеры которых находим в «Определителе».

Приведем лишь несколько примеров из славянских языков. Буквосочетание *дж* включено в алфавит белорусского языка (стр. 13), но отсутствует в алфавите болгарского языка (стр. 91), хотя в болгарском языке аффриката *дж* встречается. Буквосочетание *szcz* приведено в алфавите польского языка (стр. 99), но в алфавите белорусского языка буквосочетание *шч*, обозначающее подобное сочетание звуков, отсутствует. В алфавите польского языка помещено буквосочетание *rz*, отсутствующее в алфавитах других славянских языков, в письменности которых оно также встречается, но в них передает не отдельный согласный, а сочетание согласных (ср. чешск. *mrznouti*, слов. *mrznut'* и др. и польск. *morze* и под.). Буквосочетания с *j* (*nj, lj, rji* др.), передающие мягкие согласные в словенском и лужицких языках, находим в алфавитах этих языков (стр. 96, 101), но буквосочетания с *ь*, обозначающие те же мягкие согласные в восточнославянских и болгарском языках (ср. русск. *моль, конь*, болг. *Кольо* и под.), в алфавитах этих языков отсутствуют. То, что подобные буквосочетания иногда включаются в алфавиты соответствующих языков, не означает, что они должны быть включены как составные элементы алфавитов и в настоящем «Определителе».

Важной частью «Определителя» являются указания на характерные буквы, сочетания букв и слова (служебные), составляющие графические особенности и отличительные признаки письменности, на которые следует ориентироваться при определении языка. К сожалению, и в этой части имеется немало досадных неточностей; есть и грубые ошибки.

Так, например, об алфавите чешского языка говорится, что в нем отсутствуют буквы *w* и *x*³, в то время как эти буквы встречаются, хотя и редко, в чешских текстах при передаче заимствованных слов (*watt, wolfram, xylofon, xyloza* и под.). Авторы утверждают, что в алфавите украинского языка прежде употреблялся апостроф (стр. 12). Из этого можно заключить,

³ Возможно, это связано с тем, что авторы не учитывают «буквы, не характерные для орфографии данного языка и изредка встречающиеся в иноязычных словах» (стр. 4). С таким отношением к «редким» буквам нельзя согласиться. Натолкнувшись в тексте на слова, содержащие эти буквы и не найдя их в алфавите, а в пояснительном тексте прочитав категорическое утверждение о том, что данные буквы в этом языке не встречаются, читатель будет введен в заблуждение. Правильнее было бы в пояснительном тексте отметить, что данные буквы встречаются очень редко.

что в настоящее время апостроф не употребляется. Это не соответствует действительности, ибо апостроф и теперь используется в украинской графике и представляет собой, между прочим, характерную особенность украинского письма. О буквах *ł, ń, ź* говорится, что они встречаются только в польском и лужицких языках (стр. 99, 102). Между тем, эти же буквы входят и в азбуку кашубского языка (стр. 100; буква *ń*, правда, здесь в алфавите, видимо случайно, опущена; в тексте на той же странице она встречается 5 раз). Буква *ń*, кроме того, входит и в алфавит языка навахо (стр. 251). О буквах *ą, ę* говорится, что они, кроме польского, употребляются «еще только в литовском языке» (стр. 99). Это неточно, ибо эти буквы, как отмечают и сами авторы (стр. 100), имеются и в алфавите кашубского языка⁴.

Следует отметить также довольно многочисленные случаи несоответствия между отдельными частями «Определителя». Приведем несколько примеров.

В разделе «Некоторые языки, имеющие характерные буквосочетания и служебные слова» в качестве характерных буквосочетаний чешского языка указаны *hrdl, krv, prv* (стр. 324), а в разделе о чешском языке, кроме этих «часто встречающихся стечений согласных», указаны также *drž, prst, strč* (стр. 97)⁵. О латинице сербско-хорватского языка в одном случае говорится, что для нее характерны буквосочетания *lj, nj, dž* (стр. 324), в другом месте, кроме них, указано также и *ji* (стр. 95). Характерными буквосочетаниями лужицких языков в одном случае признаются *bj, dž, dz, ch, lj, mj, pj, rj, ts, wj* (стр. 323), в другом — только *bj, mj, pj, rj, wj* (стр. 102). В качестве характерных букво-

сочетаний словенского языка в одном разделе указаны *dj, lj, nj, rj, tj, ks* (стр. 324), в другом — не указано никаких (стр. 96). Подобным образом поступают авторы и в отношении польского языка: на стр. 323 перечисляются характерные буквосочетания *ch, cz, dz, dž, dz, śb, szcz*, а на стр. 99 не приведено ни одного из этих буквосочетаний. О букве *ć* в разделе о сербско-хорватском языке сказано, что она встречается еще в польском и лужицких языках (стр. 95), а в других местах говорится, что эта буква представлена также и в алфавите кашубского и сиу языков (стр. 303, 100, 255). В указателе «Дополнительные буквы русского письма» не отмечено, что букву *j* имеет македонский алфавит (стр. 299). В этом же указателе отсутствует буква *s*, представляющая характерную особенность македонского алфавита. В указателе «Дополнительные буквы латинского письма» не сказано, что *ž* имеется в алфавите словацкого языка (стр. 303), а в указателе «Языки, в алфавитах которых имеются дополнительные буквы латинского письма» не отмечено, что буквы *ž, š* есть в лужицких языках (стр. 308). Из указателя «Характерные буквосочетания и служебные слова некоторых языков» следует, что союз *и* характерен только для болгарского и сербско-хорватского языков (стр. 313).

Для определения неизвестного языка по его письменности немаловажное значение должны иметь сведения о том, с какого времени используется указанный в «Определителе» алфавит и до какого времени использовались те буквы, которых в современном алфавите уже нет. «Определитель» не дает точных сведений о том, с каких пор используются приводимые в нем алфавиты славянских языков. Лишь о русском алфавите можно догадаться, что в современном виде он употребляется с 1918 г. (в книге отмечается, что до 1918 г. в алфавите имелись буквы *i, ъ, фита, «ижица»*). Об алфавитах других славянских языков нет даже таких косвенных данных или сведения о них явно недостаточны. Так, авторы отмечают, что в болгарском алфавите «прежде употреблялись буквы *ж, ъ*» (стр. 91). Это «прежде» слишком неопределенно и неточно, его можно отнести и к XIX в., когда, кроме этих двух букв, использовались и многие другие буквы, отсутствующие в современном болгарском алфавите. Это же относится и к буквам, отсутствующим в современном украинском алфавите (стр. 12), и к ряду букв польского алфавита, которые «раньше могли употребляться с диакритическим знаком» (стр. 99). Некоторые сведения об использовании алфавитов просто ошибочны. Так, не соответствует действительности утверждение авторов о том, что «в прошлом веке чешский язык пользовался готическим письмом» (стр. 97). Получается, что современное чешское

⁴ Авторы, правда, отмечают, что «в близком к польскому кашубском языке имеются те же буквы с диакритическими знаками, что и в польском» (стр. 99). Это утверждение следует непосредственно после «букв с диакритическими знаками» *ć* и *ń* и может, таким образом, быть понято только как относящееся к этим двум буквам.

⁵ Помимо такого несоответствия, здесь нужно отметить и неточность в интерпретации *hrdl, krv, prv* как характерных буквосочетаний чешского языка. Вряд ли каждое из этих буквосочетаний можно признать характерным, отличительным признаком письма этого языка, так как каждое из них, особенно *hrdl* встречается не столь уж часто. Характерным же является сам тип буквосочетаний, в состав которых входит буква *r*, а также буква *l*, обозначающие слоговые плавные. Кроме того, подобные буквосочетания характерны и для словацкого, словенского и сербско-хорватского языков, что следовало отметить.

письмо стало использоваться... лишь в XX в.

Имеются и другие неточности, касающиеся особенностей письменности славянских народов. На стр. 95, например, не сказано, что в сербско-хорватских текстах, напечатанных курсивом, с чертой наверху пишется и буква *g*. Нужно было бы отметить, что такое написание курсивных *n*, *m*, *g* присуще также и текстам на македонском языке. Заметим попутно, что вместо (или кроме) описания таких букв, следовало бы напечатать и сами буквы.

Относительно образцов текстов можно сказать, что они в общем дают надлежащее представление о письме славянских народов, хотя некоторые из указанных характерных особенностей встречаются в них редко. Например, постпозитивный артикль *-ът* в болгарском тексте (стр. 91) встречается один раз, а *-ят* — ни разу. В текстах, к сожалению, имеются опечатки: в болгарском тексте — *продължила* вместо правильного *продължила* (стр. 91). Отметим также *nusi* — *plaiņa* вместо *nusiplaiņa* в литовском тексте (стр. 75).

Нельзя не отметить также, что в отдельных случаях некоторые буквы плохо напечатаны, так что нельзя понять, о какой букве идет речь. Например, буква *й*, квалифицируемая как отличительный признак чешского письма, напечатана как *и* (стр. 97). Из пояснительного текста к кашубскому алфавиту не ясно, какой диакритический знак имеет буква *и* (стр. 100). Досадно, что в солидном справочнике в весьма странно изображены буквы «ять», «юс большой», «фята», «ижича» (стр. 11, 91).

Имеются неточности, касающиеся статуса языков и их распространения. Например, о словацком языке говорится, что он «распространен в Словакии» (стр. 98), но не сказано, что это национальный язык словаков. Так же, то есть лишь в плане распространения, характеризуются и лужицкие языки (стр. 102). О чешском языке сказано, что он является «государственным языком Чехословацкой республики» (стр. 97), но не указано, что чешский язык является и национальным

языком чехов. О русском языке сказано, что он является «языком межнационального общения народов Советского Союза» (стр. 11). Означает ли это то же самое, что и государственный язык; или это нечто другое? Если русский язык — не государственный язык Советского Союза, то какой язык или какие языки являются таковыми в Советском Союзе? ⁶ Почему-то не для всех славянских языков указывается территория их распространения. О болгарском языке, например, сообщается, что он, кроме Болгарии, распространен в Югославии, Молдавской ССР и Украинской ССР (стр. 91; следовало бы добавить, что он употребляется и в Румынии). О распространении же польского языка почему-то вообще не говорится (стр. 99). Как ни странно, авторы не говорят и о территориальном распространении русского языка (стр. 11).

В «Определителе» следовало, вероятно, при указании государственного языка страны давать и официальное название соответствующего государства, например, Чехословацкая Социалистическая Республика, а не Чехословацкая республика (стр. 97—98), Социалистическая Федеративная Республика Югославии, а не Федеративная Республика Югославии (стр. 93, 95—96).

Вызывают недоумение некоторые утверждения авторов, например, о том, что «в Болгарии книги на македонском языке нередко печатаются средствами одного только болгарского алфавита» (стр. 92). Лужица — территория в ГДР, где живут лужичане, в книге почему-то названа по старому Лузацией (стр. 102).

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на неточности и другие недостатки, «Определитель языков мира по письменностям» Р. С. Гиляревского и В. С. Гривнина представляет собой полезный справочник.

Г. К. Венедиктов

⁶ Отметим в этой связи непонятный принцип в характеристике статуса языков основного населения союзных республик: одни языки определены как национальные, о других говорится, что это языки соответствующего народа.

H. POPOWSKA-TABORSKA. *Dawne pogranicze językowe polsko-dolnośląskie (w świetle danych toponomastycznych)*. Wrocław-Warszawa—Krańów, 1965

Г. ПОПОВСКАЯ-ТАБОРСКАЯ. *Древняя языковая польско-нижнелужицкая пограничная область*

Исследование польского лингвиста Г. Поповской-Таборской посвящено описанию древних славянских диалектов польско-нижнелужицкой пограничной

языковой области. Область распространения исследуемых диалектов представляет собой пояс в несколько десятков километров. Западная граница его про-

ходит по Одеру и Нейссе, восточная — по польско-немецкой государственной границе до 1945 г., на севере — достигает Слубиц (польск. *Ślubice*), на юге доходит до давней языковой границы Верхней и Нижней Лужиц. В прошлом эта область не была единым целым в политическом и административном отношении. Различные ее земли имели свою историю, свои связи с соседними землями и свои особенности в процессе их германизации. В настоящее время она входит в состав польского государства и относится почти целиком к Зеленогорскому воеводству.

Г. Поповская-Таборская впервые вводит в научный обиход огромный новый топонимический материал. Весь состав территориальных названий был собран ею преимущественно из немецких кадастровых карт XVIII—XIX вв., составленных для отдельных деревень данной области. Кроме того, она использует уже опубликованный материал по топонимике, в том числе материал, извлеченный из средневековых исторических документов (например, в работах А. Муки и С. Козековского), и данные двух лужицких памятников — перевод евангелия Якубицы (XVI в.) и словарь Мегизера (XVII в.)

Материал, собранный из кадастровых карт, имеет большую ценность. Автор справедливо полагает, что местные названия, зафиксированные в описях земельных участков и их границ, предстают в том виде, как они были услышаны из уст местного населения. Ценным также является графическая однородность этих записей — результат следования орфографическим нормам XVIII—XIX вв. и, наконец, возможность картографирования местных названий, так как каждое название точно локализовано.

Работа состоит из трех основных разделов. Самый обширный и, как нам кажется, наиболее значительный по привлекаемому материалу, является первый раздел, где исследуется топонимический материал из кадастровых карт XVIII—XIX вв. различных звезд, из картотеки Словаря географических названий Силезии и др., охватывающий 2400 записей 542 деревень. Здесь представлены все названия, в которых по крайней мере один формант дает возможность предполагать их славянское происхождение. Приводится список населенных пунктов, из окрестностей которых собраны славянские названия, количественное отношение сохранившихся записей славянских местных названий, точное указание даты обследованной карты. Учитывая также и немецкий топонимический материал на данных картах и карты с исключительно немецкими местными названиями, Г. Поповская-Таборская осторожно делает выводы о возможности определения степени германизации данной области. Осторожность в выводах продиктована отсутствием полного набора названий из всех

деревень данной области. Поэтому редкая сетка деревень, в которых зафиксированы славянские названия, на карте далеко не всегда свидетельствует о более ранней или более интенсивной германизации данной местности.

Г. Поповская-Таборская отдает себе отчет в том, что набор названий, которым она располагает, и их специфика дают возможность сделать выводы лишь о части особенностей, которыми различались или объединялись в древний период пограничные польские и нижнелужицкие диалекты.

Фонетический и словообразовательный анализ материала выполнен очень тщательно. Его предваряет характеристика графических особенностей собранных записей и список немецко-славянских соответствий в графике при передаче славянских звуков.

В работе исследуются языковые особенности, которые дают возможность отметить древнюю польско-нижнелужицкую границу: особенности, объединяющие изучаемую территорию с польской языковой областью, и особенности, объединяющие ее с нижнелужицкой языковой областью. Автор анализирует ряд черт, которые в прошлом подразделяли данную область на две языковые области: западную и восточную. Для первой характерна утрата носовых гласных, следы перехода $\check{c} \geq c$, следы изменения н.-луж. $kr, pr, tr \leq k\acute{s}, p\acute{s}, t\acute{s}$ перед гласными переднего ряда, предполагаемые следы нижнелужицкого билабиального произношения v , следы н.-луж. $z (\leq dj) \geq z$, суффикс-*išćo*. Вторую область характеризует сохранение носовых гласных и \check{c} , следы польск. $\acute{r} \geq \check{r}$, суффикс-*isko*. С польскими диалектами данную область объединяет сохранение группы *str-*; $\check{c}, \check{z} \leq t'$, $d' \text{ и } tr-, pr-, kr-$ перед гласными заднего ряда, близкое к польскому развитие l, l' , следы $\acute{e}T \geq aT$; сохранение группы *-wi-* после гласных и др. Большинство рассматриваемых здесь явлений закартографировано.

Г. Поповская-Таборская делает некоторые выводы о диалектной принадлежности польского участка древней польско-нижнелужицкой пограничной области и о восточной границе Нижней и Верхней Лужиц. К сожалению, имеющиеся данные не позволяют полностью разрешить вопрос о языковой принадлежности древней пограничной области Нижней и Верхней Лужиц на восток от Нейссе.

Заключает первый раздел алфавитный список местных названий.

Во втором разделе книги автор исследует другие, более ранние источники. Большая графическая разнородность используемых здесь записей заставляет автора быть очень осторожным в выводах или вообще отказываться от выводов, касающихся действительного звучания названий. Здесь на основе записей рекон-

струируется праславянская форма названий и исследуются языковые черты, на основании которых можно наметить древнюю польско-нижнелужицкую языковую границу (рефлексы праславянских носовых, следы польского изменения $f \geq \tilde{r}$ и др.)

Анализ топонимии обнаружил ряд черт, которые в прошлом делили исследуемую территорию на две области, при этом черт, связывающих эту территорию с польскими диалектами значительно больше, чем черт, связывающих ее с Нижней Лужицей. Автор приходит к выводу, что польско-нижнелужицкую пограничную область можно считать в известном смысле переходной между польской и нижнелужицкой диалектными областями. Через нее в древности проходил пучок изофон, изолекс, изоморф, что указывает на древнюю польско-нижнелужицкую языковую границу. До сих пор считалось (З. Штибер, К. Нич), что диалекты данной

области не были разделены конкретной границей. По определению автора, восточная граница Нижней Лужицы проходила восточнее Бобра и охватывала деревни правого берега Одера до реки Плишки. Эти выводы совпадают с выводами современных исторических исследований.

В третьем разделе топонимистический материал рассматривается в свете исторических и демографических фактов. В частности, исследуя вопрос о стадиях германизации нижнелужицкой и польской областей, автор опирается на известные статистические и иные данные разных периодов, свидетельствующие о степени сохранения нижнелужицкого и польского языков в исследуемой области.

Тщательно выполненное на огромном, впервые опубликованном материале исследование Г. Поповской-Таборской представляет собой большой вклад в славянское языковедение.

М. И. Ермакса

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ВЫШЕДШИЕ В СССР В 1966 г.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения и внешняя политика. Экономическое соревнование двух систем

Арустамян М. А. О некоторых общих закономерностях развития мировой системы социализма. Ереван, 1966, 119 с. (на арм. яз.)

Багмет Н. С. Закономерности развития мировой системы социализма (Конспект лекции). Киев, 1966, 59 с.

Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. Сб. Посвящ. памяти акад. М. Н. Тихомирова. Ред. кол. В. Д. Корольюк (отв. ред.) и др. «Наука», 1966, 283 с.

Мировая социалистическая система хозяйства. Т. 1. Становление мировой социалистической системы хозяйства. «Мысль», 1966, 511 с.

Семенова Л. С. Страны СЭВ и мировая научно-техническая революция. «Знание», 1966, 48 с.

Строительство коммунизма и мировой революционный процесс. Ред. А. А. Арзуманян. «Наука», 1966, 538 с.

2. Сотрудничество социалистических стран. Экономические связи

Алексеев А. М., Зломанов Л. П. Международное социалистическое разделение труда и рост обществен-

ного производства в братских странах М., 1966, 41 с.

Беляев Ю. Н. Страны СЭВ в мировой экономике. М., 1966, 40 с.

Векшин Г. К. Содружество социалистических стран. М., 1966, 47 с.

Вовко Д. Я. Україна в міжнародних економічних зв'язках СРСР. Київ, 1966, 99 с.

Дудинский И. В. Страны СЭВ: развитие экономики и сотрудничества. «Знание», 1966, 48 с.

Карабаев О. Дружба киргизского народа с народами зарубежных стран (1959—1965 гг.). Фрунзе, 1966, 80 с. с илл.

Миккульский К. И. Фактор быстрого роста (Об экон. эффективности междунар. соц. разделения труда). «Знание», 1966, 32 с.

Проблемы сотрудничества социалистических и развивающихся стран. Экон. отношения. Отв. ред. Г. М. Прохоров. «Наука», 1966, 256 с.

Толстой В. С. Братское сотрудничество белорусского и польского народов. 1944—1964. Минск, 1966, 140 с.

Шинголь Н. Н. Социалистическая система — решающий фактор современного развития. М., 1966, 40 с.

3. Строительство основ социалистической экономики

Бобров В. Я. Голубушин Ю. С. Економічне співробітництво країн соціалізму. Київ, 1966, 44 с.

Бутаков Д. Д., Бочкова В. И.

Финансирование технического прогресса в странах СЭВ. «Финансы», 1966, 135 с.

В а с ю н и н а Л. А. Структурные сдвиги в экономике социалистических стран (На опыте европ. соц. стран—членов СЭВ). Саратов, 1966, 43 с.

Внешняя торговля социалистических стран (Вопросы теории). Под ред. Б. С. Ваганова. М., 1966, 253 с.

Г о р у х и н В. М. Вычислительная и управляющая техника социалистических стран. Л., 1966, 40 с.

Мировое сельское хозяйство (Для экон. фак.). Изд. 2-е, «Колос», 1966, 543 с.

Народное хозяйство социалистических стран в 1965 году. Сообщ. стат. упр. «Статистика», 1966, 192 с.

Новые системы руководства народным хозяйством и элементы науки управления. Сб. под общ. ред. С. М. Ямпольского. Киев, 1966, 183 с.

Организация заготовок сельскохозяйственных продуктов в социалистических странах (Обзор). М., 1966, 78 с.

Отраслевые производственные объединения в промышленности. «Экономика», 1966, 192 с.

Показатели экономического развития социалистических стран. Методология сопоставления и анализа. Под ред. Т. В. Рябушкина. «Мысль», 1966, 319 с.

П о м а з а н о в С. И. Комплексное развитие народного хозяйства в странах социализма. «Мысль», 1966, 231 с.

Р я б у ш к и н Т. В. Темпы и пропорции развития народного хозяйства социалистических стран. «Экономика», 1966, 164 с.

Т е р е х о в В. Ф. Определение экономической эффективности капитальных вложений в социалистических странах. «Экономика», 1966, 183 с.

Торговля: поиски, эксперименты. Сб. «Экономика», 1966, 91 с.

Ф и л и п ц е н к о З. И. Совершенствование планового руководства промышленностью в странах народной демократии (Лекция, прочит. на высш. экон. курсах). Новочеркасск, 1966, 23 с.

Ш а г а л о в Г. Л. Экономическая эффективность товарного обмена между социалистическими странами. «Мысль», 1966, 208 с.

Экономическая география зарубежных стран. Учебн. для средн. школы. Под ред. В. П. Макаковского. Изд. 3-е, «Просвещение», 1966, 431 с.

4. Государственный строй. Право

К о в а ч е в Д. А. Законодательный процесс в европейских социалистических государствах. М., 1966, 135 с.

5. Справочники. Библиографические указатели

К а н д е л ь Б. Л. История зарубежных стран. Библиография русских биб-

лиографий, опубликованных с 1857 по 1965 г. «Книга», 1966, 255 с.

Мир социализма в цифрах и фактах. Справочник. 1965 г. Под ред. А. Ф. Кудряшова. Политиздат, 1966, 160 с.

Страны социализма и капитализма в цифрах. Краткий стат. справочник. Изд. 2-е. Политиздат, 1966, 223 с.

Университетское образование в СССР и за рубежом. Вып. 1. Библиографический указатель русской и иностранной литературы за 1950—1960 гг. Изд. Моск. ун-та, 1966, 645 с.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. Экономика

И л и н и ч Ю. В. Польша. Экон.-геогр. характеристика. «Мысль», 1966, 392 с.
Экономика Югославии. «Экономика», 1966, 223 с. с илл.

2. Право

М и р о н о в В. К. Очерк трудового права Югославии. Изд. Моск. ун-та, 1966, 64 с.

Т и х о н о в а Е. А. Розв'язання національного питання у державному будівництві європейських соціалістичних країн (ЧССР, СРР, СФРЮ). Київ, 1966, 238 с.

Ш у р Г. М. Очерки по истории государства и права Польской Народной Республики. Ташкент, 1966, 236 с.

3. История, археология и этнография

Б и р м а н М. А. Борьба левых социал-демократов балканских стран против империалистической войны в 1914—1915 гг. и образование Балканской рабочей социал-демократической федерации (июль, 1915 г.). М., 1966, 19 с.

Б и р ю з о в С. С. Суровые годы. 1941—1945. Предисл. Маршала Советского Союза Р. Я. Малюковского. «Наука», 1966, 560 с.

Б и ч в а р о в М. Д., Г о р с ь к и й В. С. Українсько-болгарські філософські зв'язки (Друга половина XIX ст.) Київ, 1966, 183 с.

Братские страны социализма. Воениздат, 1966, 111 с.

Велика Жовтнева Соціалістична революція і культура слов'янських народів. Тези доповідей 7-ої укр. славістичної конференції. 30 вересня — 3 жовтня. Дніпропетровськ, 1966, 274 с.

В и н о г р а д о в К. Б. Основные особенности политики Австро-Венгрии на Балканах в 1909—1913 гг. М., 1966, 23 с.

В о л к о в В. К. Германско-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. «Наука», 1966, 271 с.

В о л к о в В. К. К историографии вопроса об убийстве короля Александра и Луи Баргу в Марселе в октябре 1934 г. «Наука», 1966, 20 с.

- Вопросы истории славян. Вып. 2, Изд-во Воронеж. ун-та, 1966, 311 с.
- Вторая мировая война. Материалы Научн. конференции, посвящ. 20-й годовщине победы над фашистской Германией. 14—16 апр. 1965 г. Москва. В 3-х кн. Главн. ред. А. М. Самсонов. Кн. 1. Общие проблемы. «Наука», 1966, 439 с.
- Гапонов П. М. Новая и новейшая история. Справочное пособие. Изд-во Воронеж. ун-та, 1966, 883 с.
- Грабовецкий В. В. Антифеодальная борьба карпатского опришчества XVI—XIX ст. Львів, 1966, 252 с.
- Грачев В. П. К вопросу о жупах и жупанах. М., 1966, 12 с.
- Гусейнов Р. А. «Хроника» Михаила Сирийца и «Всеобщая история» Бар Эбрея как источники по истории Юго-Восточной Европы (IX—XII вв.). М., 1966, 18 с.
- Дзюбко И. С. Розв'язання національного питання в Чехословаччині — закономірність будівництва соціалізму. 2-едоп. та перероб. вид. Київ, 1966, 336 с.
- Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Ред. кол.: советская часть И. А. Хренов (отв. ред.) и др.; польская часть: Т. Цесляк (отв. ред.) и др. Т. 4, апр. 1921 — май 1926. «Наука», 1966, 569 с.
- Доронченко А. И. Народ Болгарии в борьбе за социализм. Спецсеминар по новейшей истории для студентов-заочников ист. фак. пед. ин-тов. «Просвещение», 1966, 39 с.
- Достян И. С. К вопросу о влиянии борьбы между Россией и Англией в восточном вопросе на внутреннее развитие Сербского княжества в 30-е годы XIX в. М., 1966, 24 с.
- Дядькин В. Г. Коммунистическая партия Болгарии — организатор помощи болгарского народа населению советского Поволжья в 1921—1922 гг. Ростов-на-Дону, 1966, 29 с.
- Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 (Материалы VII сессии межреспубликанского симпозиума. 16—22 окт. 1964 г.). Кишинев, 1966, 787 с.
- Иванова Ю. В. Родственные объединения в западе Балканского полуострова в их позднейших вариантах в XIX—XX вв. М., 1966, 15 с.
- История международного рабочего и национально-освободительного движения. Уч. пособие. Т. 3, 1939 — середина 50-х годов. «Мысль», 1966, 621 с.
- Історія південних і західних слов'ян. Підручник для студентів іст. фак. ун-тів. За ред. В. А. Жебокрицького і др. Київ. ун-т, 1966, 423 с.
- Калениченко П. М. Під єдиним прапором. Участь зарубіж. інтернаціоналістів у боротьбі за встановлення Рад. влади на Україні. Київ, 1966, 48 с.
- Караев Г. Н. Благоев в Петербурге. Л., 1966, 64 с.
- Карасев В. Г., Конобеев В. Д. О связях русских, сербских и болгарских революционеров в 60—70-х годах XIX века. М., 1966, 20 с.
- Кашкин И. С. Балканские конференции (1930—1934 гг.). М., 1966, 22 с.
- Коваль В. С. Міжнародний імперіалізм і Україна 1941—1945. Київ, 1966, 268 с.
- Конев И. С. Сорок пятый. М., Воениздат, 1966, 280 с.
- Липшиц Е. Э. Византийский земельный закон и его судьбы в средневековых балканских государствах. М., 1966, 13 с.
- Мерперт Н. Я. Ранний бронзовый век Южной Болгарии (По материалам последних раскопок). М., 1966, 32 с.
- Митина Н. П. Во глубине сибирских руд. К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. «Наука», 1966, 144 с.
- Наумов Е. П. Секуляризация в феодальном развитии балканских стран в XIV—XV вв. (По материалам Македонии, Зеты и Сербии). М., 1966, 18 с.
- Никитин С. А. Болгарский город в 1879 г. по данным русской переписи. М., 1966, 30 с.
- О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. Сб. Изд. 2-е, М., 1966, 535 с.
- Овнянин С. В. Роль армянских книгопечатников Константинополя в распространении просвещения в Болгарии. М., 1966, 15 с.
- Они не стали на колени. Сборник воспоминаний и документов о концлагере Береза Каргуская. Минск, 1966, 347 с.
- От Волги до Праги (Воен.-ист. очерк 7-й гвардейской армии). Воениздат, 1966, 256 с.
- Очак И. Д. Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1917—1921 гг.). Изд-во Моск. ун-та. 1966, 338 с.
- Під прапором Жовтня. Вплив Великої Жовтневої-соп. революції на піднесення революційного руху в Західній Україні (1929—1939 рр.). Документи і матеріали. Львів, 1966, 491 с.
- Писарев Ю. А. Антивоенное движение в русских войсках на Салоникском фронте в 1916—1918 гг. М., 1966, 14 с.
- Попов Г. Н. Болгарские коммунисты в борьбе за осуществление культурной революции. 1944—1948. Изд-во Харьк. ун-та, 1966, 232 с.
- Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII века. Вильнюс, 1966, 216 с.
- Ратников А. Н., Завьялов В. И. Югославская Народная армия. Воениздат, 1966, 159 с.
- Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения

(Стрыйковский и его «Хроника»). «Наука», 1966, 310 с.

Сабосвич Р. Л. Социалистические страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Учеб. пособие по новейшей истории для студентов-заочников. Л., 1966, 36 с.

Свежинський П. В. Аграрні відносини на Західній Україні в кінці XIX — на початку XX ст. Вид-во Львів. ун-ту, 1966, 192 с.

Славянская историография. Сб. статей под ред. И. М. Белявской и др. Изд-во Моск. ун-та, 1966, 283 с.

Славянские исследования. Материалы 2-й Великолук. межвузовской конференции по истории славянских стран (29—30 окт. 1964 г. Великие Луки). Ред. кол. А. И. Доронченков (отв. ред.) и др. Л., 1966, 283 с.

Славянское возрождение. Сб. статей и материалов. Ред. кол.: С. А. Никитин (отв. ред.) и др. «Наука», 1966, 250 с.

Сохань П. Вогонь вічної дружби. Київ, 1966, 115 с.

Стегарь С. А. Практикум по истории социалистических стран Европы (1944—1964). Болгария и Чехословакия. Изд. 2-е, «Просвещение», 1966, 316 с.

Стецкевич С. М. Рабочее движение в Польше в 1918—1919 годах (ноябрь 1918 — июль 1919 года). Изд-во Ленингр. ун-та, 1966, 264 с.

Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918—1920). «Наука», 1966, 455 с.

Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. «Наука», 1966, 308 с.

Тургунов Т. На земле наших друзей. Фрунзе, 1966, 64 с.

1000-летие Польского государства. Метод. материалы к лит.-муз. вечеру. М., 1966, 137 с.

У боротьбі за масл. Діяльність КПЗУ на Прикарпатті. Київ, 1966, 143 с.

Фалькович С. М. Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60-х годов XIX века. «Наука», 1966, 333 с.

Федоров Т. Б. Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье. М., 1966, 26 с.

Цинцадзе Я. З. Материалы к истории польско-грузинских взаимоотношений XV—XVII вв. Изд. 2-е. Тбилиси, 1966, 103 с.

Цьох И. Т. Комуністична преса Західної України (Роль друкованої пропаганди в ідеол. діяльності КПЗУ). 1919—1939 рр. Вид-во Львів ун-ту, 1966, 269 с.

Шевелев А. Г. Братское сотрудничество польских социал-демократов с большевиками в 1903—1910 гг. Изд-во Киев. ун-та, 1966, 250 с.

Штурм Кенигсберга. Сб. Калининград, 1966, 254 с.

4. Культура

Алешина Л. С., Яворская Н. В. Искусство Югославии. Очерки. «Искусство», 1966, 326 с.

Анохин И. Г. Киноискусство Югославии. М., 1966, 70 с.

Венев С. Народный художник Болгарии Стоян Венев. Каталог выставки. Вступит. статья искусствоведа В. Коларского, «Сов. художник», 1966, 13 с.

Взаимосвязи славянских литератур. Сб. ст. Л., 1966, 163 с.

Горский И. К. Исторический роман Сенкевича. «Наука», 1966, 307 с.

Гуць М. В. Сербо-ховатська народна пісня на Україні. Київ, 1966, 205 с.

Джингозян К. А. Из истории армяно-болгарских литературных связей. XIX век. Ереван, 1966, 253 (на арм. яз.).

Дуниковский К. Выставка скульптуры. Каталог. «Сов. художник», 1966, 32 с.

Егорова В. Н. Вацлав Добнаш. «Музыка», 1966, 183 с.

Костюченко С. Сын Розовой долины (О Петко Манолове). Л., 1966, 231 с.

Кулиев Р. Во имя мира и дружбы (Междунар. культурные связи советского Азербайджана). Баку, 1966, 174 с.

Мальдзіс Т. Творчае пабрацімства. Беларуская-польск. літ. ўзаема сувязі ў XIX ст. Мінск, 1966, 159с.

Малыренко А. Н. Истоки чешской социалистической литературы. Киев, 1966, 320 с.

Маркова Л. В. Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар юго-западных районов СССР (К вопросу об устойчивости этнических традиций). М., 1966, 18 с.

Мотылева Т. Л. Зарубежный роман сегодня. «Советский писатель», 1966, 471 с.

Польское освободительное движение XIX—XX вв., и проблемы истории культуры. Сб. ст. Ред. кол. И. Ф. Балза и др. «Наука», 1966, 240 с.

Путилов Б. Н. К вопросу об отношениях эпического творчества славян и народов Юго-Восточной Европы. М., 1966, 18 с.

50 лет пейзажа чешских и словацких художников 1900—1950 гг. Каталог выставки. Ереван, 1966, 62 с.

Развитие зарубежных славянских литератур на современном этапе. Сб. Ред. кол. Д. Ф. Марков и др. «Наука», 1966, 440 с.

Рубанова И. И. Польское кино. Фильмы о войне и оккупации 1945—1965. «Наука», 1966, 210 с. 12 л. илл.

Русско-европейские литературные связи. Сб. статей к 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексева. М.—Л., 1966, 474 с.

Слов'янське літературознавство і фольклористика. Вип. 2. Київ, 1966, 204 с.

Современное болгарское искусство. Каталог выставки. «Сов. художник», 1966, 25 с. 16 л. илл.

Солнцева Л. П. Сцена и время. Две главы из жизни театра наших друзей. «Знание», 1966, 40 с.

Суриц Е. Я. Все о балете. Словарь-справочник. Под ред. Ю. И. Слонимского. «Музыка», 1966, 455 с.

Щербаков Ю. П. Писатель, агитатор, боец (О Я. Гашеке). Политиздат, 1966, 120 с.

5. Языкознание

Бабинский М. А. Вторичная инфинитивность в балканских языках. М., 1966, 22 с.

Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. «Сов. энциклопедия», 1966, 768 с.

Болгарско-русский военный словарь. Воен. изд-во Мин-ва обороны СССР, 1966, 526 с.

Восточнославянско-восточнороманские языковые, литературные и фольклорные связи. Тезисы докл. и сообщ. межвузовской науч. конференции 11—16 окт. 1966 г. Черновцы, 1966, 137 с.

Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов. За ред. О. С. Мельничука. Київ, 1966, 595 с.

Десницкая А. В. Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общеславянские лингвистические проблемы. М., 1966, 27 с.

Дмитриев П. А. Очерки по синтаксису сербохорватского языка. Изд-во Ленингр. ун-та, 1966, 108 с.

Иванович С. Д. Карманный русско-сербо-хорватский словарь. Изд. 3-е. М., 1966, 436 с.

Иванович С. Д., Петранович И. Русско-сербо-хорватский словарь. Изд. 2-е. «Сов. энциклопедия», 1966, 784 с.

Инструкция к вопроснику общеславянского лингвистического атласа. М., 1966, 40 с.

Коллар Д. и др. Карманный словацко-русский словарь. Изд. 2-е. «Сов. энциклопедия», 1966, 416 с.

Леонидова М. А. Карманный русско-болгарский словарь. Изд. 5-е. «Сов. энциклопедия», 1966, 477 с.

Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. «Наука», 1966, 270 с.

Мельничук О. С. Развитие структуры слов'янського речення. Київ, 1966, 342 с.

Славянская лексикография и лексикология. «Наука», 1966, 310 с.

Структурная типология языков. Сб. ст. «Наука», 1966, 263 с.

Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции). «Наука», 1966, 416 с.

Червоненко Е. Сосновский Е. Русско-польский словарь по ядерной физике и технике. «Сов. энциклопедия», 1966, 439 с.

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В КОНЦЕ 1966—НАЧАЛЕ 1967 г.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Испытанный, верный курс. К годовщине московских совещаний братских партий. — «Правда», 1966, 7 декабря.

Леонтьев Л. Миф о «сближении» двух систем. Действительность против вымысла. Экономич. газета, 1966, № 49, с. 21—22.

Литовченко О. И. Единство воли и императивность основных принципов в международных договорах социалистических государств. Уч. зап. Саратовского юридического института, 1966, вып. 14, с. 130—137.

Яшунский Г. Предложения Польши в ООН (на XXI сессии Генеральной Ассамблеи). — «Новое время», 1966, № 51, с. 8—9.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Александровский Б. Успешный старт. Обзорение народного хозяйства братских стран социализма. — «Агитатор», 1966, № 22, с. 25—26.

Ананьев М. Туризм в Восточной Европе. Внешн. торговля, 1966, № 11, с. 38—42.

Блясс Б. Банковский контроль за ходом выполнения плана по фонду заработной платы в народной Польше. — «Деньги и кредит», 1966, № 12, с. 73—75.

Богомолов О. Основные принципы международного социалистического разделения труда. Вопр. экономики, 1966, № 11, с. 109—121.

Богомолов О. Сотрудничество стран СЭВ на важнейшем рубеже. — «Коммунист», 1966, № 18, с. 13—24.

Борзенкова З. Н. Экономическое сотрудничество стран социализма. — «Сборник студенческих научных работ»

(Московская сельскохозяйственная академия), 1966, вып. 15, с. 81—84.

Бочкова В. Новая система планирования и руководства хозяйством в Народной Республике Болгарии. *Вопр. экономики*, 1966, № 11, с. 100—108.

Ванелка Ф. Пятилетка качества. (О народнохозяйственном плане Польши на 1966—1970 гг.). — *«Правда»*, 1967, 18 января.

Васюнина Л. А. Научно-технический прогресс и его влияние на структуру экономики стран социализма. *Вест. Моск. ун-та. Экономика*, 1966, № 6, с. 55—64.

Городинская И. С. Распределение дохода на промышленных предприятиях НРБ в условиях новой системы руководства народным хозяйством. *Труд и зар. плата*, 1966, № 4, с. 75—81.

Гурняк С. Вопросы теории и практики учета в Польской Народной Республике. — *«Бухгалтерский учет»*, 1966, № 11, с. 63—65.

Данилин Г. Современная научно-техническая революция: сущность, значение, перспективы (в условиях развивающегося экономического соревнования двух мировых систем). *Мировая эконом. и международ. отношения*, 1966, № 12, с. 52—64.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи (Исполком и постоянные комиссии). — *«Бюллетень экономической информации»* (СЭВ), 1966, № 5, с. 64—70.

Дилков С. Ц. и Кынев М. А. Кредитование населения в Народной Республике Болгарии. — *«Деньги и кредит»*, 1966, № 11, с. 87—90.

Живков Ж. Развитие экономики и творчество масс (в Болгарии). — *«Правда»*, 1966, 9 декабря.

Заволжский С. и Лукин Л. СЭВ и буржуазная критика. *Международ. жизнь*, 1967, № 1, с. 11—19.

Иванова В. П. Экономическое соревнование систем социализма и капитализма на современном этапе. — *«Сборник студенческих научных работ»* (Московская сельскохозяйственная академия), 1966, вып. 15, с. 77—80.

Книги по экономическим вопросам, опубликованные в Народной Республике Болгарии в 1965—1966 гг. *Вопр. экономики*, 1966, № 12, с. 136—139.

Когоут Я. Социология и управление социалистическим предприятием. *Вестн. Моск. ун-та. Экономика*, 1966, № 6, с. 42—44.

Козлов В. и Гуров Ю. Плата за основные производственные фонды (в социалистических странах Европы). — *«Экономика строительства»*, 1966, № 11, с. 62—64.

Коммюнике о XX сессии и двадцать седьмом заседании Исполнительного комитета Совета Экономической Взаимопомощи. (8—10 декабря 1966 г., София). *Экономич. газета*, 1966, № 51, с. 41.

Некоторые вопросы развития морского транспорта стран — членов СЭВ. — *«Бюллетень экономической информации»* (СЭВ), 1966, № 5, с. 51—55.

Олейник И. О закономерностях мирного социалистического хозяйства. *Вопр. экономики*, 1966, № 11, с. 78—86.

Основные направления развития энергетики стран — членов СЭВ на период 1966—1970 гг. — *«Бюллетень экономической информации»* (СЭВ), 1966, № 5, с. 9—13.

Павлов С. и Фаненко Р. Использование прибыли в странах социализма. *Вопр. экономики*, 1966, № 12, с. 132—134.

Перечень долгосрочных торговых соглашений, заключенных между странами — членами СЭВ на период 1966—1970 гг. — *«Бюллетень экономической информации»* (СЭВ), 1966, № 5, с. 80—81.

Перечень некоторых статей и других материалов, опубликованных в газетах и журналах стран — членов СЭВ (по вопросам экономического сотрудничества и развития экономики). — *«Бюллетень экономической информации»* (СЭВ), 1966, № 5, с. 82—89.

Пивоваров Ю. О. Население социалистических стран зарубежной Европы. *Вопр. географии*, 1966, сб. 71. География населения мира, с. 20—42.

Плаксин С. Укрепление сотрудничества и взаимопомощи социалистических стран — основа дальнейшего упрочения мировой социалистической системы. *Вопр. экономики*, 1966, № 12, с. 111—120.

Попов К. Цены на мировом социалистическом рынке. *Внешн. торговля*, 1966, № 11, с. 19—22.

Развитие черной металлургии в странах — членах СЭВ. — *«Бюллетень экономической информации»* (СЭВ), 1966, № 5, с. 36—43.

Ристич С. Сегодня и завтра югославской экономики. *Экономич. газета*, 1966, № 47, с. 41.

Рудич Ф. Экономические преобразования в европейских социалистических странах. — *«Экономика Советской Украины»*, 1966, № 11, с. 89—92.

Рыбидкий З. Об управлении народным хозяйством в Польской Народной Республике. *Советск. гос. и право*, 1966, № 12, с. 85—93.

Рюмин С. Экономические рычаги развития экономики в странах СЭВ. — *«Финансы СССР»*, 1966, № 11, с. 81—85.

Сергеев В. Обмен опытом хозяйственной деятельности между странами — членами СЭВ. — *«Экономика Советской Украины»*, 1966, № 9, с. 84—88.

Соборнова Е. Торговля между странами СЭВ. Некоторые итоги и перспективы. *Внешн. торговля*, 1966, № 10, с. 3—6.

Сокол М. Что будет в 1967 году. (О работе предприятий ЧССР в условиях

экономической реформы). Экономич. газета, 1967, № 2, с. 40.

Сотрудничество стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи по вопросам механизации учета и статистики. — «Бухгалтерский учет», 1966, № 12, с. 66—67.

Тецлав Г. Польское морское рыболовство (1961—1965 гг.). — «Рыбное хозяйство», 1966, № 11, с. 86—87.

Титов Н. П., Гарбар М. И. Сотрудничество стран — членов СЭВ в развитии химической промышленности. Хим. промышленность, 1966, № 12, с. 1—8.

Ткачева Т. К. и Силук Н. А. Рационализация управленческого труда в Чехословакии. Мех. и автомат. производства, 1966, № 11, с. 54—57.

3. Партийная жизнь

Топорнин Б. Н. Об историческом опыте многопартийности в Чехословакии. Вопр. истории, 1966, № 12, с. 39—52.

4. Государственное строительство и право

Иванищева Н. П. Основные черты конституции Социалистической Федеративной Республики Югославии. Уч. зап. (Саратовский юридический институт), 1966, вып. 14, с. 114—129.

Киселев Л. Н. О роли государства в укреплении международного социалистического сотрудничества. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1966, № 6, с. 65—71.

Михеенко М., Яценко С. Методика дослідження злочинності неповнолітніх молоді в Польській Народній Республіці. — «Радянське право», Київ, 1966, № 12, с. 84—87.

Турецкий М. В. Преступность среди несовершеннолетних и борьба с ней в Польской Народной Республике. Вестн. Моск. ун-та. Право, 1966, № 6, с. 70—79.

Шинкарев И. Рожденная в борьбе с фашизмом (К 25-й годовщине югославской Народной Армии). Военно-историч. журнал, 1966, № 12, с. 115—117.

Шуберт Л. Некоторые вопросы развития криминологии в социалистической Чехословакии. — «Вопросы предупреждения преступности», 1966, вып. 4, с. 174—187.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Белякевич И. И. Ставлення СДКП і ППС-лівих до першої світової імперіалістичної війни. — «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1966, вип. 3, с. 145—160.

В честь 1000-летия Польского государства. Вестн. АН СССР, 1966, № 12, с. 7—9.

Дихан М. Подвиг болгарських братів. (О деятельности болгарских интернационалистов во главе с С. Джоровым на Украине). — «Всесвіт», Київ, 1966, № 11, с. 9—11.

Калениченко П. М. Радянська історіографія про революційний рух у Польщі в 1917—1920 рр. — «Питання нової та новітньої історії». Київ, 1966, вип. 3, с. 52—68.

Копилов А. О. До питання про утворення Національного комітету Вітчизняного фронту в Болгарії. — «Питання нової та новітньої історії». Київ, 1966, вип. 3, с. 85—93.

Кудрицький А. В. З історії антифашистської боротьби в європейських країнах під час другої Світової війни. Укр. істор. журнал, 1966, № 12, с. 52—57.

Кундюба І. Д. Варшавське збройне повстання 1944 р. — «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1966, вип. 3, с. 14—26.

Майский И. М. Мюнхенская драма (Воспоминания советского дипломата о событиях 1938—1939 гг.). — «Новое время», 1966, № 42—49.

Мартиненко А. К. Відновлення дипломатичних відносин між Росією та Болгарією у 1896 г. — «Питання нової та новітньої історії». Київ, 1966, вип. 3, с. 69—84.

Постникова Н. М. Антропологическая характеристика средневекового населения Болгарии (IV—XV и XIX—XX вв.). Советск. этнография., 1966, № 5, с. 90—97.

Селуцкий Р. Неофициальный разговор (О причинах изменения прозападной ориентации Чехословакии во время второй мировой войны). — «Новое время», 1967, № 1, с. 16—17.

Султанов В. П. Из истории проникновения германского империализма в Болгарию в начале XX века (1900—1907 гг.). Уч. зап. (Пензенский государственный педагогический институт). Серия историческая. Саратов — Пенза, 1966, вып. 16. Вопросы истории СССР, новой и новейшей истории, с. 135—171.

Фишер И. Р. Экономическое положение крестьянства Словакии XVII в. Уч. зап. (Марийский государственный педагогический институт), Йошкар-Ола, 1966, т. 28. Кафедра истории, с. 137—161.

Черный А. Часткова експропріація великого капіталу в перші роки болгарської соціалістичної революції. — «Питання нової та новітньої історії». Київ, 1966, вип. 3, с. 94—105.

2. Культура, наука, народное просвещение

Акимова Л. Поиски югославских монументалистов. — «Искусство», 1966, № 11, с. 60—64.

Борсукевич Ю. Лермонтов в

Польше. — «Русская литература», 1966, № 4, с. 190—203.

В о е й к о в а И. На выставке современного болгарского искусства. (Москва, апрель — май 1966 г.) — «Искусство», 1966, № 12, с. 52—56.

Г у с е в В. Е. Актуальные проблемы славянской фольклористики. (Конференция в Варшаве 5—8 мая 1966 г.). Вестн. АН СССР, 1966, № 11, с. 70—73.

Г у ц ь М. З. Перекладацької спадщини Івана Франка (О переводах И. Франко болгарских народных песен). — «Дніпро», Київ, 1966, № 12, с. 135—137.

З а б о р о в а Р. О переводах стихотворений Адама Мицкевича (Из архивных разысканий). — «Русская литература», 1966, № 4, с. 138—144.

З а х а р и е в а И. Пенчо Славейков о Пушкине. Уч. зап. (Уральский государственный университет), Свердловск, 1966, № 45. Серия филологическая, вып. 2. Русская литература семидесятых — девяностых годов. Сб. I, с. 133—175.

К р у т ь Ю. З. Идейна проблематика трилогії В. Мінач «Генерація». — «Радянське літературознавство», Київ, 1966, № 11, с. 52—62.

Л а з а р е в В. А. Творчество А. С. Серафимовича в Чехословакии. (К истории чехословацко-советских литературных взаимоотношений 20—30 годов). Уч. зап. (Московский областной педагогический институт), 1966, т. 161. Советская литература, вып. 7, с. 3—59.

Л е б е н к а И. О малоизвестном польском прогрессивном писателе первой половины XIX века Л. А. Уницком. — «Русская литература», 1966, № 4, с. 134—138.

М и н о к и н М. Всеволод Иванов и Людмил Стоянов (К истории советско-болгарских литературных связей). Вopr. литературы, 1966, № 12, с. 237—238.

М о р ж а н С. Проблематика научно-исследовательского института педагогики в Праге. — «Советская педагогика», 1966, № 12, с. 150—151.

П а ч о в с ь к и й Т. І. Українська пісня в польських перекладах І. Франка. — «Народна творчість та етнографія», Київ, 1966, № 6, с. 81—83.

П о й д а Д. П., Стручкова Н. О., Кручкєвич Г. С. Съёма українська славистична конференція. (Днепропетровск, 30 сент.—3 окт. 1966 г.). Укр. стор. журнал, 1966, № 12, с. 146.

Р и б а к о в М. Народ і влада у п'єсі Л. Кручкєвського «Смерть губернатора». — «Радянське літературознавство», Київ, 1966, № 12, с. 38—48.

Р у д н и ц ь к и й М. Аполлон польської поезії. (Спогади і враження). (О польском поэте Л. Стаффе). — «Жовтень», Львів, 1966, № 10, с. 128—132.

С е р г е е в а Н., Т р о ф и м о в а И. Люди и проблемы. Корреспонденция из Югославии. — «Новое время», 1966, № 52, с. 9—13; 1967, № 1, с. 18—21.

Ю х о Я. Статуы Вялікага княства Літоўскага. (1529, 1566 и 1588 гг.). — «Польмя», Мінск, 1966, № 11, с. 125—137.

Я м щ и к о в С. Древние фрески Югославии. — «Искусство», 1966, № 11, с. 70—72.

3. Языкознание

Б е р н ш т е й н С. Б. Международная конференция по изучению сербо-лужицких языков в ГДР (Берлин и Бауцен, 16—20 мая 1966 г.). Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1966, № 6, с. 91—95.

К о н д р а ш о в Н. А. Проблемы сравнительного изучения славянской фразеологии. Уч. зап. (Московский областной педагогический институт), 1966, т. 160. Русский язык. Вопросы русской фразеологии, вып. 11, с. 353—363.

Л о п а т и н а Л. Е. К истории творительного предикативного в славянских языках. Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1966, вып. 6, с. 500—508.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1966, № 4

А. М. Шнитман. Болгария в идейном наследстве В. И. Ленина; Й. Тончев. Из борьбы РМС в период экономического кризиса с 1929 по 1934 г.; Е. Жекова-Цветкова. Политический переворот во Франции в мае 1958 г.; П. Анев. Дмитрий Благоев и создание социал-демократической организации в Пловдиве (1893—1901 гг.); А. Патев. Англо-болгарские отношения после падения правительства С. Стамболова (1894—1896 гг.); Г. Цанкова-Петкова. Петр Делян и оценка его

современниками; Й. Шрейзанд. Концепция истории Германии Франца Меринга; С. Стефанов. Точная дата одного ошибочно датированного письма, помещенного в сборнике Д. Т. Страширова «Василь Левский. Т. I. Избранное». София, 1929; А. Калинков, П. Коледаров. 90-я годовщина Апрельского восстания; Е. Костова. Историческая наука в Монгольской Народной Республике; Н. Годоров. Международный конгресс историков, посвященный проблемам новейшей истории в Страсбурге.

«Etudes Balkaniques», 1966, № 4

П. Динев. Периодизация болгарской литературы в свете развития балканских литератур; Е. Георгиев. Гуманизм и распад модернизма в южнославянских литературах в XX в.; Г. Димов. Иван Шипманов и сравнительное историческое изучение литературы и цивилизации балканских народов; Ж. Милсавац. Культурное сотрудничество между южнославянскими народами во второй половине XIX и начале XX в.; И. Конев. Бранко Радичевич и Добри Чинтулов; Б. Ст. Ангелов. О некоторых моментах национального литературного возрождения южных славян (XVIII в.); Н. Дылевский. Дмитрий Ростовский (Даниил Туптало) и болгарское возрождение (Заметки к материалу); К. Мечев. Литературно-идейная традиция в трех произведениях древнеболгарской, русской и сербской литературы; С. Великов. Турецкий писатель Факир Байкурт и его роман «Вторая деревня»; С. Баева. Петко Славейков — переводчики автор турецких поэм; Р. Моллов. К вопросу о периодизации средневековой турецкой литературы; М. Стайнава. Хитрец Петр и Насреддин Ходжа в народной болгарской литературе; И. Димитров. Литература балканских народов, переведенная на болгарский язык.

№ 5

В. И. Данилов. Характер государственного переворота 27 мая 1960 г. в Турции; К. Манчев. Борьба трудящихся Югославии за пакт о взаимопомощи с СССР (сентябрь 1939 — апрель 1941); Е. Атанасова. Отзвук Сентябрьского восстания 1923 г. в Югославии; Н. Ников. О роли Бетмана-Гольвега в войне 1914—1918 гг.; М. Младенов. Балканский буржуазный парламентаризм в творчестве Иона Луки Карджалеса, Бранислава Нушича и Стефана Л. Костова; И. Татарли. Методы и течения в новой турецкой литературе в начальной стадии ее формирования; Ф. Г. Милкова. О содержании и характере государственной собственности на земли *мирийе* в Османской империи с XV по XIX в.; Тр. Ионеску-Нишков. Румынско-болгарские феодальные отношения в XIV—XV вв.; В. Бешевлиев. Античные города в Мезии и Фракии и их судьба в эпоху раннего средневековья.

«Литературна мисъл», 1966, № 4

П. Зарев. Димчо Дебелянов; К. Куюмджиев. Кирилл Христов в 90-х годах XIX в.; В. Ангелов. Бытие художественного образа; Ц. Унджиева. Формирование Каравелова-беллетриста;

М. Арнаудов. К биографии Кирилла Христова; С. Хаджиев. Эстетика во Франции и проблема сближения между наукой и искусством.

№ 5

С. Божков. Лицом к перспективам И. Конев. Проблемы сравнительного изучения балканских литератур; А. Мирамбел. Развитие литератур Юго-Восточной Европы с конца XVIII века до наших дней и их связи с остальными литературами. Общие положения и методология; К. Бихилеу. Из истории албанской литературы; Г. Димов. Болгарское литературоведение и проблемы сравнительно-исторического изучения балканских литератур; С. Димарас. Вопросы греческой литературы; А. Дима. Румынская литература в ее развитии; С. Е. Си я в у ш г и л. Основы сравнительного изучения литератур балканских стран; В. Вулетиц. Светозар Маркович и Христо Ботев; И. Панова. «Музыка целого». Заметки в стиле Ивана Вазова, Елина Пелина и Йордана Йовкова; Н. Георгиев. Новые направления в неисторизме современного буржуазного литературоведения. Критическая оценка на примере творчества П. К. Яворова; Е. Георгиев. Климент Охридский как писатель; Д. Минев. Елин Пелин и Йордан Йовков. Литературные взаимоотношения и влияния; Хр. Й. Неизвестные письма Антона Страшимирова к Вере Балабановой.

«Език и литература», 1966, № 5

Ст. Каракостов. Болгарская драматургия в начале 50-х годов (1950—1956); П. Атанасов. Болгарские тексты в первых славянских кириллических иконуаблах; А. Шагалова. Тема русско-болгарской дружбы в публицистике Людмила Стоянова; А. Людсканов, Е. Паскалев. Лексемный словарь для машинного перевода русских математических текстов на болгарский язык; Г. Веселинов. Заметки о творчестве Николая Хрелкова; А. Смирнов. Георгий Бакалов и его русско-болгарский словарь; С. Лавров. Кюцубинский и Лермонтов.

«Български език», 1966, № 5

К. Мирчев. Климент Охридский и древнеболгарский литературный язык К. Мирчева. Неизвестный список 1359 г. Слова Климента об архангелах Михаиле и Гаврииле; И. Гылыбов. Климент Охридский и ранние школы древнего болгарского литературного языка Д. Иванова-Мирчева. Литературные влияния на Климента Охридского (Прокл Константинопольский); Б. Велчев. Из глаголическо-кирил-

лических взаимоотношений; И. Русек. Заметки о развитии причастий в болгарском языке; Ст. Кожухаров. Неизвестный список Солунской легенды; Д. Иванова-Мирчева. Об архаичности сборника Германа — древнеболгарского памятника письменности X века; Ив. Лекчев. К вопросу о происхождении и распространении так называемых бесподлежащих предложений в славянских языках; И. Н. Иванов. Гласный *ъ* в говоре сел Годешово и Слаштен, Гоцеделчевско.

№ 6

Л. Дончева. Распространение форм будущего времени в русской и болгарской беллетристике с учетом глагольного вида; В. Константинова. Удвоение предлога *до* и приставки *до-* в современном литературном болгарском языке; А. Станчева-Даскалова. О некоторых диалектных особенностях валашко-болгарских грамот; Я. Риглер. К статье В. Георгиева «Новые теории и традиционные заблуждения»; В. Георгиев. К вопросу об «аканье» в словенском (Заметка к статье Я. Риглера); Р. Цойнска. К вопросу об употреблении *dativus absolutus* в Истории Паисия; Р. Русinov. Неотмеченное значение суффикса *-ица*; Т. Корчев. Некоторые наблюдения над говором болгарских солдат; С. Стефанов. «Белезници» или *белезници*? В. Симеонов. *Emroполе*.

«Zeitschrift für Slavistik», 1966, № 4

Ф. Гинце. Выражение пассива в словинском; Ф. Гинце. Притча о сеятели в словинской и кашубской редакциях; Я. Петр. Требачийский фрагмент нижне-лужицкого рукописного сборника песен (около 1660 г.); И. Бобертц. Парные глаголы движения; И. Леман. Парфразы 81 псалма «Властителям и судиям» Г. Р. Державина; Г. Олиас. Педагогическое значение литературно-художественных произведений Владимира Федоровича Одоевского; З. Калеста. Эпическая основа поэмы Махи «Май»; Г. Диттен. Византийский историк Лаоник Халкокодид о славянских и балтийских народах Восточной Европы.

«Kwartalnik historyczny», 1966, № 4

Т. Лялик. Польские марши в XII в.; Г. Цинс. Московская компания и проблема Нарвы в английской торговле на Балтийском море в начале второй половины XVI в.; М. Вежховский. Тактика партии кадетов в русской Государственной думе; Р. Вапильский. Некоторые проблемы идейно-политической эволюции эндеков в 1919—1939 гг.; З. Ляндау. Борьба за равновесие польского бюджета в 1945 г.; Я. Гурский. Воз-

можность очной ставки; В. Огородзиньский. Празднование тысячелетия на Ольштынской земле; В. Бабинич. Тысячелетие в далеком тылу; М. Янион, М. Живчиньский. Контрреволюционные парадоксы; С. У. Джекман. О реформаторских планах Станислава Августа по английским источникам; Р. Хомать. Об аграрной структуре польских земель в XIX—XX вв.

«Przegląd historyczny», 1966, № 4

Я. Волиньский. К пятидесятилетию Общества любителей истории; Г. Брокман. Сходка студентов Варшавского университета 28 января 1905 г.; Г. Яблоньский. Вацлав Токаж как историк-краевед; Ю. Дуткевич. Маркелий Хандельсман — исследователь наполеоновского периода; Г. Шванковская. 60 лет Общества любителей истории (хроника); А. Поппе. Учреждение Смоленской епархии; Е. Колендо. Неизвестная надпись из кременецкой коллекции и проблема укреплений на нижнем Дунае в начале IV в.; Я. Тазби. Из истории подделок старинных памятников письменности в Польше в первой половине XIX в.; Т. Лепковский. К истории польско-кубинских связей в XIX в.; Г. Яблоньский. Консерваторы до майского переворота 1926 г.; Л. Гросфельд. Домбровский бассейн в феврале 1919 г.; А. Мопчак. Генезис капитализма в Европе (по поводу книги Е. Топольского).

«Z pola walki», 1966, № 2

Место рабочего движения в 1000-летней истории польского народа; Б. Врублевская. Юлиан Мархлевский в Цюрихе (1893—1896); В. Гостыньская. Роль Юлиана Мархлевского в тайных советско-польских переговорах (июль-июль 1919 г.); Г. Маркевич. Стефан Жеромский и Борис Вигилев (комментарий к старой фотографии); Я. Радзевский. Возникновение партии «Сельроб»; М. Малиновский. Союз освободительной борьбы (Związek Walki Wyzwoleńczej). К вопросу истории антифашистского подполья польских коммунистов накануне образования ППР; Из новых ленинских документов; Протоколы заседаний Партийного совета Польской социалистической партии (1909—1914 гг.), ч. I, 1909—1910, подготовил к печати А. Гарлицкий; В. Моравский. Возникновение и деятельность подпольного кружка ППР в лагере для польских военнопленных в Германии Офлаг ПД — Гросс Борн в 1944 г.

№ 3

Л. Калестыньская. К вопросу о взаимоотношениях между Польской социалистической партией в прусской час-

ти Польши и ее заграничным руководством (1893—1903); М. Шлезингер. Роза Люксембург и германская революция 1918 г.; Эволюция марксистской мысли в вопросе о нации и государстве. (Стенограмма дискуссии, организованной редакцией журнала).

№ 4

З. Клишко. К 25-летию ППР; С. Завадзкий. Характер и этапы народно-демократической революции в Польше; Б. Шабо. О проблемах развития народной демократии в Венгрии; Х. Слабек. О политике коммунистических партий в области проведения аграрной реформы (1944—1948); Б. Сыздек. Основные направления борьбы ППР за единство действий рабочего класса в 1944—1946 гг. Р. Халяба. К вопросу борьбы против реакционного подполья в 1944—1947 гг.; Я. Щелевский. Организационная подготовка к объединению ППР и ППС.

«Pamiętnik literacki», 1966, № 4

Ю. Кшижановский. «Освобожденный Иерусалим» Тасса-Кохановского и польские романтики; Я. Ю. Липский. Место «Гимнов» Каспровича в литературных направлениях эпохи; И. Опакций. Вокруг «Пурпурной поэмы» Яна Лехоня; М. Р. Майенова. О некоторых экспрессивных формах старопольской речи. Из материалов «Словаря польского языка XVI века»; М. М. Шпаковская. Пламя и скорбь. О лексике любовных стихотворений Княжиня и Каршиньского; С. Домбровский. По поводу «Основных проблем литературоведения» Г. Маркевича; Г. Маркевич. Эпиготема к «Основным проблемам литературоведения»; Е. Кондзеля. Старое или новое понимание генезиса «Сизифова труда»? Ответ Владиславу Слодковскому; З. Синко. Западноевропейская повесть в Польше времен Станислава — по библиотечным инвентарям и каталогам; Ч. Згожелский. Материалы к истории виленского издания «Поэзии» Мицкевича.

«Język polski», 1966, № 3

Я. Сафаревич. Тадеуш Милевский как полонист; З. Тополинская. О грамматических категориях польского императива; В. Борысь. Заметки о нескольких редких польских словах. З. *możdzeń*; А. Вежбицкая. Существуют ли бесподлежащие предложения? Е. Мосько. Др.-польск. *jaszczowy* и этимология слова *jaszczur* в свете некоторых географических и естественно-научных названий; Б. Крея. *Sąde(c)szyzna* и подобные названия в свете орфографии; Е. Дебовяну, С. Го-

голевский. Обзор польских говоров на территории Румынии. II. Тексты.

№ 4

З. Клеменевич. Некоторые синтаксические особенности разговорной речи крестьян; Я. Дамборский. Оппозиции-сложения в современном польском языке; М. Карась. Диалектное *kartać* (*się*); К. Писаркова. Революция в синтаксисе или манера пунктуации? В. Борысь. Является ли *okreś* кабулизмом? Б. Линдерт. Суффиксы в патронимической функции на территории Люблинского воеводства; Б. Комаровский. Судьбы грамматики в школе.

№ 5

М. Длуская. Формула предназначения (Исследование стиха); З. Кузова. Неизменяемость и склонение фамилий на -о в польском языке; М. Зарембина. Об одном семантическом неологизме в современном польском языке; В. Федорович. Польское *Boże Narodzenie* и его синонимы в славянских языках; В. Стаховская-Дембецкая. Патронимика типа *Dązynia*, *Dążynka*, *Rawośbinka* в южной Великопольше на фоне данных других говоров; Б. Линдерт. Суффиксы в патронимической функции на территории Люблинского воеводства (окончание); Ф. Висоцкая. Борьба Фредерика Собеда за чистоту языка в связи с деятельностью Языковедческой комиссии Краковского научного общества; Д. Вечорек. О стилистической функции места определения, выраженного прилагательным, в польском и русском языках; Ф. Плуца. Еще раз об архаизме *mołwa* в Силезии; З. Броцкий. *Szpadryna* 'кастет'.

«Československý časopis historický», 1966, № 5

Я. Кржижек. Т. Г. Масарик и выступление чехословацкого легиона весной 1918 г.; М. Тейхман. Тигулеску и румынская внешняя политика в 1933—1936 гг.; Б. Михел. Саботирование австрийских военных займов чешскими банками в 1914—1916 гг.; Л. Улчак. О методологии всемирной истории; Я. Млинарик. Новая стратегия и тактика забастовок и забастовка текстильных рабочих северной Чехии в 1929 г.; Ф. Бенеш. Depositeria generale della grociata; П. Раткош. Предпосылки возникновения Турзаовско-Фугеровского общества в 1495 году; Й. Мацек. Кончина Ладислава Погробка.

«Historický časopis», 1966, № 4

М. Барановский. К вопросу о развитии металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности в Сло-

вакии в 1945—1948 гг.; Л. Тайтак. Попытки венгерских правящих кругов удержать Словакию в 1948 г.; С. Фалтян. О рецензии Вацлава Краля; М. Синай, Л. Сюч. К истории немецких и венгерских агрессивных планов по отношению к Чехословакии в 1920—1939 гг.; Чехословацкий вопрос в дипломатических документах хортистской Венгрии (в 1936—1938 гг. — до Мюнхенского соглашения).

«*Príspevky k dejinám KSČ*», 1966, № 2

М. Рейман. К вопросу подготовки Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г. (окончание); Г. Слабек. О политике коммунистических партий в области аграрных реформ (1945—1948); Чехословацкие и итальянские историки о народном и национальном фронте; Дискуссия: Ф. Штром. Несколько замечаний о коллективизации сельского хозяйства в СССР.

№ 3

Я. Кршен. О методологических вопросах новейшей истории; Э. Полак. Переход к новой линии (замечания о развитии Венгрии после XX съезда КПСС); О. Громадко. К истории чехословацких добровольцев в Испании; Обзор высших органов КПЧ в 1945—1966 г.

№ 4

О. Янечек. О программе ПетITIONного комитета «Верными останемся» в 1940—1941 гг.; Я. Шедивы. Еще раз о феврале 1948 г.; М. Вартикова. Культурная политика словацких коммунистов в первый год освобождения; Ф. Кружик. Отъезд чехословацких добровольцев в Испанию в 1936—1938 гг.; Независимая социалистическая партия рабочих в Чехословакии (документ); А. Грюнвальд. Воспоминание о пребывании в СССР во время войны.

№ 5

Я. Новак. Упущенная возможность; Я. Пахта. Об историографии и психологии (к развитию взглядов Эриха Фромма); Л. Калинова. Изменения в структуре чехословацкого рабочего класса в начале социалистического строительства. Обзор высших органов КПЧ в 1944—1966 гг.

«*Slovanský přehled*», 1966, № 5

З. Сладек. О возмещении убытков чехословацким гражданам выходцам из России; В. Крехлер. Первая делегация чехословацких культурных и научных работников в СССР; В. Моулис.

Об отношении чехословацкого народа к СССР в начале 30-х годов; И. Левандовский. Польша, Чехословакия и тенденции к интеграции Центральной Европы в двадцатых годах; Ю. Липтак. Международное разделение труда в сельском хозяйстве стран — членов СЭВ; К. Каплан, М. Рейман. Размышления о революции; О. Новы. Чехословацкий и советский архитектурный авангард между двумя войнами.

«*Slovenska literatúra*», 1966, № 5

В. Турчаний. Смена стихотворной системы; Вопросы литературной лексикографии (Лев. С. Кишкин, Оскар Чепан, Феликс Водичка, Георгий Цанев, Живоин Бошков, Герберт Грейнер-Май, Станислав Шматлак); Б. Трухлярж. Проблема аутентичности в романе Мвячко «Смерть называется Энгельхен»; А. Попович, Д. Дюришин, И. Феликс. Третий том Истории словацкой литературы; И. Вашко. Поиски смысла и континуити; Й. Полак. Отношение Безруча к штурупцам и к Светозару-Гурбану Ваянскому; Р. Кел. Древние чешские сказания по-словацки; И. Вашко. Борьба за Волькера продолжается; Ц. Краус. За Андреем Маллхерчиком; Тематика IV международного съезда славистов.

№ 6

К юбилею академика Яна Мукаржовского; М. Бакош. Лирический стих Гвездослава; В. Кохол. Синтаксис и метр; Р. Хмел. Литературно-исторические иннеграции; Л. Сзиклай. К вопросу о развитии словацкой реалистической литературы; Д. Рапант. Прогресс и отступления 1848—1849 гг.

«*Slavica Slovaca*», 1966, № 1

Ш. Ондруш. Происхождение славянского абстрактного существительного *sloboda/svoboda*; Р. Крайчович. К проблеме параллелизма в развитии славянских языков; А. Краля. К вопросу о задненёбно-фаукальном затворе в произношении гласных в словацком языке в сравнении с чешским и другими языками; Я. Станислав. Контакты словацкого языка с другими славянскими языками в области синтаксиса; И. Котулич. О результатах второй и третьей палатализация в восточнословацких диалектах; Я. Дорудя. Об украинских языковых элементах в текстах и записях XVII века из восточной Словакии; Э. Горак. Двадцать лет македонского литературного языка; П. Шима. Начальный этап изучения старославянской письменности в Словакии; П. Шима. К диглоссии Теофила Охридского.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИСТОРИКОВ УССР И ПНР

7 и 8 декабря 1966 г. в Киеве состоялась научная сессия, посвященная историческому значению Великой Октябрьской социалистической революции в жизни украинского и польского народов. Ее организаторами были Академия наук УССР, Министерство высшего и среднего специального образования УССР, Украинское Общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами и Украинское отделение Общества советско-польской дружбы.

В работе сессии приняли участие сотрудники Института истории АН УССР и Института истории при ЦК КП Украины — филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, профессорско-преподавательский состав исторического факультета Киевского университета и других вузов Киева, Высшей партийной школы при ЦК КП Украины, представители печати, радио и телевидения, старые коммунисты А. Н. Федоров, Н. И. Мельник, А. П. Пирогов, а также Генеральный консул Польской Народной Республики в Киеве Щепан Стец и атташе по делам культуры Генерального консульства ПНР Тадеуш Вуйчик. В работе сессии приняли участие и гости из ПНР: профессор Юзеф Собесяк, д-р Эузебиуш Басиньский и д-р Зыгмунт Ижиковский.

Сессию открыл директор Института истории АН УССР К. К. Дубина.

С докладом «Великий Октябрь и создание Украинского Советского государства» выступил А. В. Лихолат. Он подробно проанализировал борьбу большевистских организаций за развитие социалистической революции, установление Советской власти на Украине. Много внимания докладчик уделил решениям Первого Всеукраинского съезда Советов, состоявшегося в Харькове в декабре 1917 г. и ставшего решающим этапом в создании Украинского Советского государства.

Об огромном значении Октябрьской революции в исторических судьбах польского народа говорил Эузебиуш Басиньский. Польский ученый подчеркнул значение Великой Октябрьской социалистической революции для восстановления независимости Польши в конце 1918 г. Он отметил, что достижение подлинной свободы и независимости Польши произошло в результате победы Советского Сою-

за над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

А. Т. Юрченко выступил с докладом «В. И. Ленин и Украина». Он говорил о том, что в идейно-теоретическом наследии В. И. Ленина значительное место занимают вопросы истории украинского народа. Докладчик отметил, что В. И. Ленин внимательно изучал опыт революционного украинского пролетариата, руководил партийными организациями Украины на всех этапах революционной деятельности и в первые годы социалистического строительства.

П. М. Калениченко сделал доклад «Участие польских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне на Украине (1917—1920 гг.)».

Зыгмунт Ижиковский посвятил свой доклад империалистической политике буржуазно-помещичьей Польши в отношении к Советской Украине в 1918—1921 гг. Основное внимание докладчик уделил агрессивным планам правящих кругов буржуазно-помещичьей Польши в период третьего похода Антанты. Он подверг критике концепции буржуазных историков, пытающихся обелить захватническую политику Ю. Пилсудского, и пришел к выводу, что и после разгрома Врангеля, Петлюры и Савинкова политика буржуазно-помещичьей Польши по отношению к Советской Украине не изменилась.

С докладом «Совместная революционно-освободительная борьба украинских и польских трудящихся западноукраинских земель под руководством КПП и КПЗУ» выступил А. Д. Ярошенко. Докладчик рассказал о совместных революционных выступлениях украинских и польских коммунистов, их борьбе за создание единого антифашистского фронта.

С большим докладом «Совместная борьба польских и украинских партизан против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны» выступил Юзеф Собесяк. Он привел материалы и документы, которые наглядно свидетельствуют о помощи польского населения западных областей Украины советским военнопленным, об участии польских трудящихся в подпольных организациях и антифашистских комитетах в 1941—1945 гг., а позже — в советских и польских партизанских отрядах на тер-

ритории Западной Украины и об участии украинских трудящихся в польском партизанском движении.

В. И. Клоков рассказал о деятельности созданного на Украине Польского штаба партизанского движения, о формировании в западных областях УССР польских партизанских отрядов.

Председатель Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров УССР Н. А. Скачко остановился на вопросах культурных связей между УССР и ПНР. Он отметил, что на протяжении 1944—1962 гг. на Украине вышло в свет свыше 100 книг польских писателей общим тиражом 2600 тыс. экземпляров, а за десять лет (1954—1964) в Польше было издано 50 произведений украинской классической и советской литературы. Изо дня в день крепнет культурное сотрудничество в области кино, театра, музыки, печати, радио и телевидения.

В прениях выступили: один из руководителей партизанского движения на Украине, дважды Герой Советского Союза А. Ф. Федоров, заместитель председателя Военно-исторического общества при Киевском Доме офицеров Советской Армии генерал-майор А. Л. Кроник, аспирант Варшавского университета С. Козак.

Выступивший с заключительным словом К. К. Дубина отметил большую научную значимость сессии и внес предложение издать материалы сессии в Киеве и Варшаве на украинском и польском языках.

Научная сессия украинских и польских историков, посвященная 50-летию Великого Октября, будет содействовать дальнейшему братскому сотрудничеству ученых Народной Польши с учеными Украинской ССР и всего Советского Союза.

С. Антоноук

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМЕ «ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИЗМА, НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ (КОНЕЦ XVIII—70-е ГОДЫ XIX в.)»

6—9 декабря 1966 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялся очередной симпозиум по генезису капитализма¹.

С докладами и сообщениями выступило 26 человек. Среди них — преподаватели государственных университетов (Москвы, Ленинграда, Львова, Петрозаводска, Воронежа, Ростова-на-Дону, Минска, Владивостока), педагогических институтов (Дрогобыча и Луцка), научные сотрудники Института славяноведения АН СССР, Института истории Словацкой академии наук, Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР (в Москве) и Государственной публичной исторической библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде).

В работе симпозиума приняли также участие сотрудники Института истории АН СССР, Института истории Академии наук Литовской ССР, Донецкого государственного университета, Смоленского педагогического института, Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, Главного архивного управления при Совете Министров СССР, Центрального Государственного военно-исторического архива СССР.

На симпозиуме были заслушаны и обсуждены доклады по таким важным вопросам как «Россия и славянский вопрос

в 60-х годах XIX в.» (С. А. Никитин), «Австрийский пангерманизм и славянские народы Австрии» (Н. Д. Ратгер), «Важнейшие особенности и основные этапы истории шляхетской революционности. 1790—1880» (В. А. Дьяков), «О характере и этапах польского национально-освободительного движения в XIX в.» (И. М. Белявская).

Участники симпозиума обсудили узловые вопросы социально-экономического развития славянских стран. Три доклада было посвящено югославянским землям — «Развитие сельского хозяйства Сербии в 20—30-е годы XIX в.» (С. А. Виноградов), «Некоторые проблемы аграрной истории Сербии во второй трети XIX в. К вопросу о роли фонда свободных земель» (Е. П. Наумов), «Об условиях развития хорватской торговой и промышленной буржуазии в 50—60-х годах XIX в.» (В. И. Фрейдзон); один доклад был посвящен Чехии — «Аграрные отношения в чешских землях в первой половине XIX в.» (К. П. Гогина).

Программу и формы национально-освободительного движения затронули в своих выступлениях следующие товарищи: В. Матула — «Идея словацкой нации и концепция славянской взаимности у Л. Штура (к проблеме формирования буржуазной словацкой национальной идеологии)», И. В. Чуркила — «Национальная программа М. Маяра в революции 1848 г.», Б. С. Попков — «И. Лелевель о национально-освободительной борьбе

¹ Первый симпозиум по этой проблеме состоялся в декабре 1962 г., второй — в сентябре 1964 г. См. «Советское славяноведение», 1965, № 1.

польского народа и путях возрождения Польши», И. М. Нефедов — «Польское национально-освободительное восстание 1846 г. в Галиции».

Три доклада и сообщения — «Кирилло-Мефодиевское общество и польское национально-освободительное движение» (А. И. Бортников), «Русско-черногорские связи 60—70-х годов XIX в.» (Н. И. Хитрова), «Церковная борьба в Боснии в 60—70-х годах XIX в. и влияние греко-болгарского церковного вопроса на ее развитие» (Н. П. Данилова) — касались межславянских политических связей.

Вопросы формирования национальной культуры и межславянские культурно-литературные связи были освещены в следующих докладах и сообщениях: «О сущности и характере периода раннего просвещения в Чешских землях» (А. С. Мыльников), «Болгарское искусство эпохи национально-освободительного движения» (Е. П. Львова), «Политическая сатира Х. Ботева — боевое оружие болгарской революционной демократии» (Н. В. Бакулина), «Просветительские взгляды и просветительская деятельность В. Пелагича в 60-х годах XIX в. и влияние России на формирование его взглядов» (Д. Ф. Попылко), «Белорусско-польские культурные и революционные связи в первой половине XIX в.» (Я. П. Науменко), «Из истории переписки В. С. Караджича с И. И. Срезневским» (П. Т. Громов), «Балканские события 70-х годов XIX в. и некоторые вопросы развития украинско-сербских общественно-политических, культурных и литературных связей» (М. Я. Гольберг).

Вопросам социально-экономического развития и национально-освободительного движения славянских народов в освещении русской, советской и зарубежной историографии были посвящены два доклада: А. С. Бейлиса «Болгарская марксистская историография о социально-экономическом развитии Болгарии в эпоху Возрождения» и В. А. Якубского «Столкновение республиканских и абсолютистских тенденций в Речи Посполитой накануне ее падения и их освещение в историографии» и два сообщения: Н. М. Пашаевой «Национальное возрождение Галичины в трудах русских историков» и Л. П. Лаптевой «Ян Коллар в русской дореволюционной литературе».

В прениях выступило 38 человек. Они отметили, что доклады и сообщения пред-

ставляют большой научный интерес и вносят много нового в разработку проблемы в целом и отдельных ее вопросов, в частности. В ряде докладов дана новая постановка вопросов, приведены свежие архивные материалы.

Наиболее оживленно дискуссия развернулась по периодизации польского национально-освободительного движения в XIX в., характеристике его этапов; по вопросам оценки социально-экономического развития Болгарии эпохи Возрождения в болгарской марксистской историографии, а также о роли и позиции России в славянском вопросе в 60-х годах XIX в.

Количество заслушанных выступлений свидетельствует о том, что изучение проблем генезиса приобретает довольно широкий размах. Констатируя это, С. А. Никитин высказал пожелание, чтобы будущие доклады по своему характеру теснее примыкали друг к другу, а при оценке явлений больше внимания уделялось сравнительно-историческому элементу; продолжалось бы сотрудничество историков, литературоведов и искусствоведов; по-прежнему вопросам социально-экономической истории, национального движения, историографии и другим уделялось бы большее внимание. С. А. Никитин предложил, чтобы на следующем симпозиуме были рассмотрены следующие основные вопросы: 1) проблема первоначального накопления капитала в Чехии, Польше, Болгарии и Сербии, 2) итоги изучения национально-освободительного движения славянских стран в русской, советской и зарубежной историографии.

Сделанные в ходе заседаний предложения были зафиксированы в резолюции симпозиума.

Установившиеся благодаря симпозиумам постоянные связи научных работников АН СССР и других учреждений, а также профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений способствуют улучшению научной работы, повышению уровня преподавания истории славянских народов в высших учебных заведениях. Нынешний симпозиум способствовал дальнейшей координации исследовательской работы. Поэтому участники симпозиума в своей резолюции записали: закрепить практику периодического проведения симпозиумов и созвать следующий симпозиум в конце 1968 г.

Н. Данилова

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ НА ГУМАНИТАРНЫХ КАФЕДРАХ ВУЗОВ ГОРОДА ГОРЬКОГО

Горьковский государственный университет им. Лобачевского — ровесник Советской власти. В феврале 1968 г. он отметил свое пятидесятилетие.

С Горьковским университетом связана

судьба большинства других вузов города: педагогического, медицинского, строительного, сельскохозяйственного. некогда отпочковавшись, отдельные факультеты стали ныне крупными научными

центрами и не только в масштабах города или области. К сожалению, профили новых институтов, созданных в годы первой пятилетки, мало содействовали развитию гуманитарных наук в г. Горьком, поэтому будет вполне справедливо историю изучения славянских литератур и языков в стенах горьковских вузов начинать с первого послевоенного года.

В 1946 г. в университете был заново открыт историко-филологический факультет в составе четырех кафедр: двух исторических, языка и литературы. Тогда же началось здесь преподавание, правда факультативное, украинского и польского языков.

В 1947 г. заведующий кафедрой литературы доц. А. Н. Свободов организовал на факультете студенческий кружок славянских литератур¹. На его заседаниях, собиравших большую аудиторию молодежи, заслушивались доклады о книгах Юлиуса Фучика, Яна Дрды, Людмила Стоянова; широко отмечались юбилеи Христо Ботева, Ивана Вазова, Юлиуша Словацкого и других. На специальных заседаниях кружка отмечались годовщины освобождения Польши, Чехословакии и Югославии от немецких захватчиков. Как правило, на подобных заседаниях докладчиками выступали студенты-фронтовики, принимавшие участие в освобождении Варшавы, Праги и Белграда. Кружковцы довольно часто встречались с рабочей и колхозной аудиторией, выступая перед ней с лекциями о творчестве писателей-славян.

В 1948 г. студенты историко-филологического факультета ГГУ обратились с письмом к жене национального героя Чехословакии Юлиуса Фучика — Густине Фучиковой. Завязалась переписка, которая продолжается и сейчас. Г. Фучикова прислала молодежи первые послевоенные издания произведений Юлиуса Фучика на чешском языке. «Дорогим товарищам комсомольцам, студентам Горьковского университета, — писала она на русском языке, — гражданам великого Советского Союза, освободителя Чехословакии от фашистского гнета и примера трудящимся всего мира. С коммунистическим приветом Густина Фучикова. Ноябрь 1948».

Юлиус Фучик, будучи корреспондентом «Руде право», посетил весной 1935 г. Горький. Студентам факультета во главе с Леонидом Шинкаревым удалось установить точные даты и места пребывания прославленного журналиста на берегах Оки и Волги. На одном из многоэтажных домов по проспекту Жданова Автозаводского района была установлена мемориальная доска: «В этом доме, в кв. № 6 в 1935 году проездом останавливался на-

циональный герой Чехословакии Юлиус Фучик»². Собранные студентом Шинкаревым материалы о Юлиусе Фучике были напечатаны в 1951 г. в Ученых записках Госуниверситета, вып. XXI (сборник студенческих работ)³.

Начиная с 50-х годов славяноведение на историко-филологическом факультете ГГУ носит уже не прикладной, а исследовательский характер: печатаются научные труды, читаются спецкурсы, организуются спецсеминары. Так, в 1954 г. С. А. Орлов публикует работу «Н. В. Гоголь в Болгарии» (Уч. зап. ГГУ, вып. XXVI). Им же на протяжении ряда лет читается специальный курс «Болгарская литература» (от Паисия Хилендарского до наших дней). С. А. Орловым был осуществлен стихотворный перевод произведений Христо Ботева по трехтомному софийскому изданию. Переводы печатались в советской прессе.

Еще в начале 50-х годов доцент кафедры всеобщей истории Н. П. Соколов приступает к исследованию связей средневековой Византии со славянскими странами. Профессором А. В. Миртовым читаются в эти годы спецкурсы «Сравнительная грамматика славянских языков» и «Русская этимология со славянскими параллелями». С этого же времени доц. В. Н. Зиновьев начинает вести спецсеминар по болгарскому языку.

С 1956 г. в Толстовских сборниках, регулярно издаваемых кафедрой русской литературы (заведующий — доц. Г. В. Краснов), публикуются статьи об отношении Л. Н. Толстого к Польше, а также материалы, свидетельствующие об интересе польской общественности к художественному и философскому наследию русского писателя. В числе опубликованных — статьи польского литературоведа Б. Бялокозовича «Польская музыка в оценке Л. Н. Толстого», «Лев Толстой и Польша», «Польские писатели о Толстом» и др. Впоследствии эти статьи вошли в книгу Б. Бялокозовича «Польские связи Л. Толстого» («Lwa Tołstoja związki z Polską»).

² Хорошие начинания студентов первых послевоенных лет ныне достойно продолжают комсомольцы школы № 105 Автозаводского района. Здесь заканчивается заставка экспозиции мемориального музея Юлиуса Фучика. Многие стенды музея — результаты научных поисков студентов ГГУ. Ряд экспонатов передали будущему музею жители города. Среди них роман П. Павленко «На Востоке», переведенный на чешский язык Ю. Фучиком. На экземпляре книги автографы автора и переводчика.

³ Расширенный вариант статьи Л. Шинкарева о пребывании чешского журналиста у рабочих г. Горького был опубликован в 1956 г. в № 10 «Волжского альманаха».

¹ См. об этом ж. «Славяне», 1949, № 2, стр. 62.

Ученые факультета Б. Н. Головин, А. А. Еремич, Г. В. Краснов принимали участие в работе IV Международного съезда славистов в Москве (1958).

Изучение вопросов славяноведения, установление научных контактов с коллегами из славянских социалистических стран еще интенсивнее разворачивается на факультете в 60-е годы. Так в 1963 г. для чтения лекций по истории русской литературы выезжает в Варшавский университет доц. Г. В. Краснов. В том же году на V Международном съезде славистов (София) он выступает с докладом «Проблема национального характера в русской и болгарской литературах 60-х годов XIX века». Здесь же он принимает участие в обсуждении проблемы основных этапов в развитии реализма⁴. Исследования в области контактов русской и болгарской литературы середины прошлого века продолжают Г. В. Красновым и в настоящее время. В 1965 г. им опубликованы «Письма Ксенофонта Жинзифова к Н. В. Гербелю»⁵.

Кафедра русской литературы поддерживает научные связи с коллегами из Варшавы. Литературоведы обмениваются публикациями, выступают в печати с рецензиями, участвуют в общих сборниках. Например, в № 2 «Slavia orientalis» за 1966 г. была помещена рецензия д-ра наук Б. Бялокозовича (Варшава) на сборник «Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы» (1965), подготовленный большим коллективом ученых горьковских вузов. В № 4 этого же журнала была помещена статья Г. В. Краснова «Лев Толстой и Константин Асаков». обстоятельный обзор материалов о русской литературе, опубликованных в «Slavia orientalis», напечатан в очередном томе Ученых записок кафедры русской литературы Горьковского университета им. Лобачевского.

Не менее интересны контакты кафедры зарубежной литературы (заведующий — проф. С. А. Орлов) с учеными Праги и Брно. В сентябре-октябре 1963 г. проф. С. А. Орлов выступал в Пражском университете с лекциями о творчестве А. С. Пушкина и об изучении наследия Юлиуса Фучика в нашей стране. Еще в годы Великой Отечественной войны стала складываться дружба советского литературоведа с учеными Чехословакии. Вместе со Зденеком Неедлы в дни Сталинградской битвы С. А. Орлов выступает по Всесоюзному радио. В период работы II Всесоюзного съезда советских писателей ученый встречается с чешскими писателями Яном Дрдой и Марией Майеровой. После поездки С. А. Орлова в Чехословакию окрепли дружеские связи ка-

федры зарубежной литературы ГГУ с литературными кафедрами Карлового университета (Прага) и университета в городе Брно. Коллеги из Брно передали С. А. Орлову неизвестные письма В. Г. Короленко, ждущие своей публикации. Под руководством проф. С. А. Орлова на факультете был подготовлен перевод четырех, еще не известных советскому читателю репортажей Юлиуса Фучика о городе Горьком и его замечательных тружениках. Перевод был осуществлен студентками Л. Стариковой, Т. Кушпель, Г. Краевой. С их работой проф. С. А. Орлов ознакомил в Праге Густину Фучикову, которая высоко оценила это начинание⁶.

На кафедре зарубежной литературы студентами выполняется много курсовых и дипломных работ, посвященных славянским писателям. В этом плане следует выделить работу Н. Поповой о творчестве Николая Вацарова. Изучив болгарский язык, студентка обратилась с письмом в Болгарию к родным поэта. Дипломнице ответила его мать. Она прислала Н. Поповой малоизвестные материалы о Н. Вацарове, которые позволили советской студентке полнее раскрыть особенности творчества поэта-воина, погибшего в борьбе с фашизмом. Интересную дипломную работу выполнил на кафедре русского языка и общего языкознания Л. С. Бановский. Дипломник рассмотрел особенности предлога «на» в русском и болгарском языках.

Кафедра русского языка и общего языкознания (заведующий — д-р филол. наук Б. Н. Головин) организовала семинары по польскому языку, которые ведут со старшекурсниками кандидаты филол. наук Ю. П. Чумакова и В. Н. Немченко; продолжает семинар по болгарскому языку доц. В. П. Зиновьев и по чешскому языку — М. А. Михайлов. Преподавателем М. А. Михайловым подготовлены и представлены к печати две статьи по грамматике сербо-лужицких языков.

Немало способствовали возникновению интереса к истории, литературе и культуре славянских народов студенты из стран народной демократии, обучавшиеся в разные годы в стенах Горьковского университета. Некоторые из них по сей день поддерживают связи с родным факультетом.

Славяноведение в вузах г. Горького нельзя представить сегодня без трудов ученых Педагогического института им. М. Горького. Доцент кафедры русской литературы М. Я. Ермакова, работая над монографией «Достоевский и литературно-общественное движение 60—70-х годов в России», видное место уделила трудам польских, чешских, югославских и бол-

⁴ «Славянская филология». Материалы за V международном конгресс на славистику. Т. II. София, 1963, стр. 134—135.

⁵ «Славянское источниковедение». Изд-во «Наука», 1965, стр. 229—233.

⁶ Отзыв Г. Фучиковой опубликован был в многотиражной газете «Горьковский университет», 1963, 6 ноября, стр. 4.

гарских литературоведов, освещающих или затрагивающих эту проблему. Именно их оценке наследия Достоевского и был посвящен доклад М. Я. Ермаковой на территориальной конференции ученых Волго-Вятского экономического района в июне 1965 г. В докторской диссертации, посвященной творчеству Ф. Шиллера, над которой работает в настоящее время доц. З. Е. Либинзон, специальное внимание уделено проблеме влияния немецкого романтика на творчество Адама Мицкевича. Большое место занимает славяноведение и в работе молодого ученого А. Л. Ященко. Им исследуется влияние чешских ересей — наряду с германскими верованиями — на Гете, отзывы в «Фаусте» учений Яна Гуса и М. Лютера.

А. Л. Ященко занимается также темой. славянская поэзия в интерпретации Гердера, собирает материал об Адаме Мицкевиче в русских переводах, делает и собственные переводы стихов польского поэта.

Так с каждым годом увеличивается число исследований, посвященных литературе и языкам славянских стран, углубляется интерес ученых г. Горького к проблемам славяноведения; и эта, во многом приятная тенденция дает все основания надеяться, что в будущем в стенах Горьковского университета и Педагогического института освоение славянских литератур и языков будет еще более интенсивным и плодотворным.

Д. Белкин

ФИЛОЛОГИ-СЛАВИСТЫ САРАТОВА К VI МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ

Филологи Саратова вносят свой посильный вклад в изучение литератур и языков славянских народов.

В Саратовском университете на кафедре истории зарубежных литератур преподают и изучают историю польской литературы. Поскольку изучение это подчинено, в первую очередь, учебным целям, то исследование литературы носит преимущественно научно-методический характер.

Важнейшие положения курса, его структура изложены в статье заведующей кафедрой доц. Т. С. Николаевой «Курс истории польской литературы на филологическом факультете Саратовского университета»¹. Статья знакомит с основными принципами методического чтения курса, дает конкретную краткую оценку основных периодов польской литературы и творчества крупнейших польских писателей от периода польского Возрождения до 50-х годов нашего столетия. Основное внимание уделено следующим этапам развития польской литературы: Возрождению (Ян Кохановский), просветительскому классицизму XVII—XVIII вв. (И. Красицкий), революционному романтизму (Ю. Словацкий, А. Мицкевич), зарождению реалистической прозы (Ю. Крашевский), польскому критическому реализму (Э. Ожешко, Б. Прус, Г. Сенкевич, М. Конопницкая, С. Жеромский, В. Реймонт), наконец, формированию социалистического реализма в современной Польше (Л. Кручковский, В. Броневский, К. Брандыс). Т. С. Николаевой написано также учебно-методическое пособие по польской литературе для студентов-заочников филологического факультета². По-

сobie является, по существу, расширенной программой курса польской литературы, облегчающей возможность его самостоятельного изучения студентами-заочниками. В пособии дана периодизация польской литературы, краткая характеристика основных художественных направлений и творчества писателей. В конце каждого раздела есть библиография художественной и критической литературы с указанием дополнительных источников на польском языке.

Заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Саратовского педагогического института доц. Н. П. Еланский после опубликования трех книг и 13 статей о Гашеке закончил большую работу на тему «Сатира Ярослава Гашека». В ней подробно рассматривается литература о замечательном чешском сатирике, его жизнь и творчество, освещаются проблемы художественного метода Гашека и в связи с этим дискуссионные вопросы, дебатированные в современной литературоведении: о народности Гашека, эволюции его эстетического идеала, своеобразии его перехода от критического реализма к социалистическому, об особенностях его стиля, соотношении юмора и сатиры в творчестве писателя (особое внимание уделено политической сатире). Подробно рассматриваются в работе «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны»: биографические, реальные и литературные источники образа Швейка, художественное своеобразие, конкретно-историческое и общечеловеческое содержание романа. Показан переход Гашека от условности к жизненному подобию и как следствие этого усиление художественной выразительности.

пособие для студентов-заочников филологического факультета. Саратов, изд-во СГУ, 1963.

¹ В сб. «Вопросы славянской филологии», Саратов, изд-во СГУ, 1963.

² Т. С. Николаева. История польской литературы. Учебно-методическое

На кафедре русского языка Саратовского университета (зав. кафедрой доц. Л. И. Баранникова) читается ряд специальных курсов по славянским языкам для студентов-филологов, специализирующихся в области лингвистики. Курс сравнительной грамматики славянских языков читает проф. А. М. Лукьяненко, автор ряда известных работ по истории южнославянских языков. Курс польского языка читает доц. М. Б. Борисова, курс украинского языка — доц. Г. Г. Полищук, курс чешского языка — Б. А. Зильберт. Материалы славянских языков привлекаются во всех лингвистических курсах, читаемых сотрудниками кафедры (особенно в курсе «Введение в языковедение»). Подготовлено и вышло из печати в издательстве СГУ учебное пособие «Материалы к практическим занятиям по сравнительной грамматике восточнославянских языков» (автор Г. Г. Полищук). Кроме того, в течение ряда лет Б. А. Зильберт на общественных началах ведет кружки по изучению чешского и словацкого языков при Саратовском областном отделении Общества советско-чехословацкой дружбы.

Наряду с учебно-методической работой члены кафедры занимаются научными исследованиями по славянским языкам. Так, в упоминавшемся сборнике «Вопросы славянской филологии» опубликованы статьи доц. О. Б. Сиротининой «О месте прямого дополнения в русском и украинском языках» и доц. В. А. Богдановой «О приставках *vy-* и *iz-* в славянских языках». К VI Международному

съезду славистов кафедра русского языка готовит сборник статей «Вопросы славянского языковедения», куда войдут исследования по отдельным явлениям славянских языков, главным образом в сопоставительном плане (болгарский и русский, украинский и русский, чешский и русский и т. д.), а также статьи научно-методического характера. В частности, Б. А. Зильберт готовит для этого сборника две статьи: «Опыт преподавания чешского языка на филологическом факультете СГУ и в кружках Саратовского отделения ОСЧД» и «Сопоставительный анализ русской и чешской лингвистической терминологии».

Члены кафедры принимают участие в составлении общеславянского лингвистического атласа (вместе с коллективом кафедры русского языка Саратовского педагогического института), обмениваются научной информацией со славистами социалистических стран, участвуют в работе комиссий Международного комитета славистов. Так, на сессии комиссии по поэтике и стилистике, состоявшейся в Москве 23—26 ноября 1966 г., выступила О. Б. Сиротинина с докладом на тему «Разговорная речь в системе литературного языка и в языке художественной литературы». Доклад вызвал большой интерес у участников сессии.

Таковы некоторые итоги работы саратовских филологов в области изучения и преподавания языков и литератур братских славянских народов.

Б. А. Зильберт

В ДАНТОВСКОЙ КОМИССИИ АН СССР

Состоялось первое заседание постоянной Дантовской комиссии, решение о создании которой было принято Научным советом по истории мировой культуры Секции общественных наук АН СССР под председательством акад. П. Ф. Юдина.

То, что такое решение принято именно сейчас, не случайно. Недавняя 700-летняя годовщина рождения величайшего итальянского гуманиста вызвала значительный рост интереса к его жизни и творческому наследию. За последние 2—3 года появились ряд публикации советских ученых, посвященных тем или иным проблемам дантологии. Достаточно назвать переиздание «Новой жизни» в переводе А. М. Эфроса, работы Н. Г. Елиной, Т. О. Сутуевой, многие статьи в периодической печати, наконец, сборник «Данте и славяне» (под редакцией И. Ф. Бэлзы), выпущенный Институтом славяноведения АН СССР.

В состав комиссии вошли литературоведы, историки культуры, искусствоведы, поэты-переводчики, среди них такие видные ученые, как Д. Д. Благой, Р. А. Будагов, Н. И. Кравцов, Н. И. Кон-

рад, В. Н. Лазарев, А. А. Сидоров, Р. М. Самарин и др. Председателем комиссии утвержден И. Ф. Бэлза.

Важнейшая задача, стоящая перед Дантовской комиссией, состоит в том, чтобы способствовать стимулированию и координированию исследований, посвященных многообразным аспектам дантологии, популяризации творчества Данте среди широкого круга любителей литературы и искусства. Значительное место в деятельности комиссии будет отведено всесторонней разработке проблематики, связанной с ролью творчества Данте в развитии культуры славянских народов, в углублении ее международных связей.

Дантовская комиссия намерена регулярно проводить как научные заседания, так и открытые «Дантовские чтения» (совместно с обществом «СССР — Италия»), материалы которых (научные исследования, новые переводы из Данте и т. д.) предполагается издавать отдельными сборниками.

На своем первом заседании члены комиссии обсудили предварительный план

работы на 1967 год. Ряд членов комиссии уже предложил темы своих докладов и сообщений. Среди них несомненный интерес вызовут исследования, освещающие те или иные аспекты чрезвычайно важной, но еще недостаточно полно разработанной области дантоведения — «славянство и Данте»: «К. Н. Батушков и Данте» Д. Д. Благого; «Данте и польский романтизм» И. Ф. Балзы; «Юзеф Игнацы Крашевский и Данте» И. К. Горского; «Стихотворные формы Данте и славянская поэзия» Н. И. Кравцова; «Реминисценции из Божественной комедии» в русской лите-

ратуре XIX столетия» А. А. Илюшина; «Данте и русские университеты» Д. Е. Михальчи и др. Комиссия решила уже в ближайшем будущем начать подготовку к 650-летней годовщине со дня смерти Данте, которая будет отмечаться в сентябре 1971 г.

15 января 1967 г. в Государственном музее А. С. Пушкина состоялись первые публичные «Дантовские чтения» под председательством Р. М. Самарина. С докладом «„Ад“ Данте и поэтика Пушкина» выступил И. Ф. Балза.

Ю. Р.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

● 14 декабря 1966 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР Л. Н. Будагова успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В качестве диссертации была представлена рукопись книги «Витезслав Незвал. Жизнь и творчество», принятая к печати.

Витезслав Незвал — крупнейший чешский поэт XX века. Его творчество по своей направленности и пафосу принадлежит к вершинам мировой социалистической поэзии. Это был художник необычайно яркого и могучего таланта и поэтического темперамента, которому были по плечу смелые перевороты и подлинные открытия в поэзии.

Диссертация Л. Н. Будаговой — первое в советском литературоведении крупное обобщающее исследование творчества Незвала. Официальные оппоненты — д-р филол. наук Г. Д. Вервес и канд. филол. наук Р. Р. Кузнецова единодушно признали, что работа Будаговой является серьезным научным исследованием, которое выполнено на высоком профессиональном уровне. Они подчеркнули, что ее труд является ценным вкладом в разработку ряда сложных и спорных проблем литературоведения.

Не расходясь с чешскими и советскими литературоведами в основных выводах, автор диссертации опирается прежде всего на собственное прочтение и толкование незваловских произведений, подкрепленное анализом литературно-эстетических работ Незвала и глубокими знаниями чешского литературного процесса XX в.

Творчество Незвала находилось как бы на пересечении различных направлений в чешской и мировой поэзии XX в., прежде всего — поэтизма, сюрреализма и социалистического реализма. Автор показывает мучительные и сложные поиски Незвала, поиски новых средств поэтического выражения, которые могли бы полнее и глубже раскрыть духовный облик человека XX века и окружающий

его мир — тот мир, который поэт страстно мечтал перестроить в соответствии с идеалами марксизма. Поиски Незвала 20—30 гг. рассматриваются в диссертации с точки зрения становления творческого метода Незвала, их вклада в искусство социалистического реализма. При этом Л. Н. Будагова отнюдь не стремится «выпрямить» творческий путь Незвала, сгладить или затушевать его творческие срывы и просчеты, пытаясь раскрыть их объективные и субъективные причины. Интересно и тонко автор рассматривает проблему Незвал — поэт-изм, Незвал — сюрреализм, внося особенно много нового и ценного в оценку чешского сюрреализма.

Очень убедительно и эмоционально раскрывается огромное жанрово-стилистическое разнообразие творчества поэта, при его внутреннем единстве. Автор выделяет те тенденции, которые полно и ярко развернулись в послевоенном творчестве Незвала, знаменующем новую, высокую степень духовной зрелости поэта.

Ученый совет Института единогласно присудил Л. Н. Будаговой ученую степень кандидата филологических наук.

А. Соловьева

● 14 декабря 1966 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации И. П. Белецкой на тему: «Об одном методе изучения структуры связанного текста (на материале славянских языков)».

В диссертации предлагаются формальные способы установления семантических связей между отдельными предложениями в тексте. Семантический анализ текстов на русском, украинском и польском языках позволил диссертантке выделить элементарные схемы семантической структуры связанного текста, общие для всех трех языков. Выработанная в диссертации формальная процедура анализа может быть с успехом применена при автоматическом реферировании текстов на этих языках.

Официальные оппоненты д-р филол. наук С. К. Шаумян и канд. филол. наук Е. В. Падучева отметили, что диссертантка, продолжая плодотворные традиции русских синтаксистов, успешно разрабатывает до сих пор малоизученную проблематику синтаксиса и семантики сложных единиц, больших, чем предложение. В отзыве Института кибернетики АН УССР подчеркивалась практическая важность результатов И. П. Белецкой для решения задач, связанных с машинным реферированием текста.

Р. В. Зенин

● 28 декабря 1966 г. на Ученом совете Института славяноведения АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации И. И. Попом на тему: «Чехословацко-венгерские дипломатические отношения в период усиления германской экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе (1935—1939)».

Официальными оппонентами по диссертации выступили д-р ист. наук А. И. Недорезов (Институт славяноведения) и канд. ист. наук О. О. Нежинский (Институт истории). В выступлениях оппонентов, а также в официальном отзыве кафедры истории южных и западных славян института МГУ отмечалось, что диссертантом были детально изучены труды советских, польских, венгерских и немецких исследователей, использованы неопубликованные материалы из архивов СССР и ЧССР, венгерские, английские, западногерманские и польские публикации документов. Выступавшие подчеркнули, что в диссертации И. И. Попа убедительно раскрыты причины провала попытки консолидации стран Дунайского бассейна в борьбе против экспансии Германии, роль и место Венгрии и Чехословакии в этом процессе, выясняется значение чехословацко-венгерских противоречий второй половины 30-х годов в ликвидации Версальской системы в Центральной Европе.

Изучение империалистических противоречий в Центральной Европе во второй половине 30-х годов — одна из важнейших проблем, привлекающих внимание советских и зарубежных историков. В этой связи выступавшие единодушно отметили большую политическую актуальность работы И. И. Попа, значительность того вклада, который диссертант внес в советскую историографию, занимающуюся межвоенным периодом.

Ученый совет Института славяноведения единодушно присудил И. И. Попу ученую степень кандидата исторических наук.

Н. С. Захарьина

● 28 декабря 1966 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялась защита диссертации И. И. Свириды «Изобразительное искусство Народной Польши в первое послевоенное десятилетие»

И. И. Свирида поставила перед собою задачу дать историко-культурный анализ становления и развития польского изобразительного искусства в 1944—1955 гг. Автор освещает ряд проблем, общих для становления всей социалистической культуры в целом, пути превращения ее в общенародное достояние, изменение материальных и социальных условий развития искусства, создание кадров творческой интеллигенции, руководящую роль ПОРП и народного государства в культурном строительстве, характере культурной политики.

Наряду с рассмотрением историко-культурных вопросов, большое внимание в работе уделено искусствоведческому анализу, изучению произведений живописи, графики и скульптуры, созданных в рассматриваемый период польскими мастерами. Важное место в работе занимает анализ различных направлений, получивших развитие в польском искусстве в послевоенные годы, а также традиций, унаследованных от межвоенного двадцатилетия.

Автор сделал критический разбор польской и русской литературы, посвященной исследуемым проблемам, изучил большой круг источников: партийные и государственные документы по вопросам культурного строительства, польскую периодическую печать, каталоги художественных выставок.

Особый интерес представляют материалы творческих организаций (Союза художников Польши, Центрального выставочного бюро, Союза художников СССР), а также личных фондов деятелей польского искусства.

Рассматривая успехи польского изобразительного искусства в первое послевоенное десятилетие, И. И. Свирида не проходит мимо трудностей и противоречий этого периода. В диссертации показана сложность процесса становления социалистического искусства, опасность догматизма в трактовке вопросов культуры.

Диссертация получила высокую оценку в выступлениях официальных оппонентов — чл.-корр. А. А. Сидорова и канд. искусствоведения Ю. К. Золотова. Работа И. И. Свириды несомненно является ценным вкладом в изучение польского изобразительного искусства.

Л. С. Снегина

НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ЛГУ

10 XI 1966 г. на филологическом факультете Ленинградского университета им. А. А. Жданова состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Джордже Язичем — преподавателем кафедры восточно- и западнославянских языков и литератур философского факультета университета в Нови Саде. В качестве диссертации была представлена книга «Основы фонетики русского языка. Русская звуковая система в сопоставлении с сербохорватской», опубликованная в Белграде¹. Официальными оппонентами диссертации выступили д-р филол. наук проф. Л. Р. Зиндер и канд. филол. наук Л. В. Бондарко. Были оглашены также отзывы кафедр русского языка ЛГПИ им. А. И. Герцена, кафедры славянской филологии ЛГУ им. А. А. Жданова, кафедр восточно- и западнославянских языков и литератур университета в Нови Саде.

В книге Дж. Язича последовательно описаны артикуляция звуков русского языка, изложены основные вопросы русской фонетики (классификация гласных и согласных фонетические процессы в потоке речи, исторические чередования, словесное ударение, интонация), даны сведения по русской орфографии и графике, транскрибированные прозаические и стихотворные русские тексты. Описание артикуляций иллюстрируется большим числом профилей производительных органов, снимков положения губ, палатограмм.

Все вопросы изложены в книге на высоком теоретическом уровне. Автор использовал новейшие достижения науки в области фонетики и данные собственных исследований в экспериментально-фоне-

тических лабораториях Белграда, Загреб и Нови Сада. Диссертант широко и умело пользуется сопоставительным методом при описании звуковых систем русского и сербско-хорватского языков в целом и отдельных звуков и фонетических явлений.

Книга Дж. Язича наряду с книгами советских авторов используется в университетах Югославии в качестве пособия по изучению русского языка. Практическая ценность ее тем более велика, что известный учебник по русской фонетике Радована Кошутича стал библиографической редкостью и во многих отношениях устарел. Книга Дж. Язича может быть использована также в качестве пособия для русских, изучающих сербско-хорватский язык.

Говоря о несомненных достоинствах книги, официальные оппоненты и авторы отзывов отметили и некоторые ее недостатки. Так, было указано на композиционные погрешности: теория фонем и другие основные фонологические понятия излагаются не во введении, а почти в конце книги. Поэтому при изложении собственного фонетического курса, которое основывается на теории фонем, Дж. Язич соответствующими фонологическими понятиями и терминами практически пользоваться не может. В методическом отношении книга также была бы лучше, если бы автор использовал материалы кандидатской диссертации И. И. Толстого «Методика преподавания сербского языка» (М., 1949). Было высказано также пожелание дать более широкий комментарий к наиболее трудным для югославского читателя случаям перемещения ударения при словоизменении.

Ученый совет единогласно присудил Дж. Язичу ученую степень кандидата филологических наук.

П. А. Дмитриев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ В БРНО ПО СТРУКТУРНЫМ ТИПАМ СЛАВЯНСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

20—23 октября 1966 г. на философском факультете Университета им. Я. Е. Пуркине состоялся международный симпозиум на тему: «Структурные типы славянского предложения и их развитие». Спустя пять лет в Брно снова собрались исследователи славянского синтаксиса, многие из которых уже принимали участие в брненском международном совещании 1961 г., где обсуждались вопросы сравнительно-исторического изучения славянского синтаксиса вообще. На этот раз встреча славистов-синтаксистов была

задумана как чисто дискуссионное совещание с устными выступлениями на основе заранее представленных письменных докладов (размноженных организаторами и заблаговременно в виде предварительного сборника разосланных всем участникам). Таким образом, симпозиум потребовал тщательной и длительной подготовки. Ее взяли на себя брненские слависты под руководством очень инициативного проф. Я. Бауэра и при содействии Международного комитета славистов, в частности его Международной

комиссии по изучению грамматического строя славянских языков, во главе с акад. Б. Гавранеком. Сотрудничество с этим представительным славистическим органом отразилось не только на самой работе симпозиума, но также и на том, что сразу же после совещания состоялось заседание Международной комиссии (в Смоленицах в Словакии, 24—26 октября 1966 г.), и там были уточнены и одобрены соответствующие решения брненского симпозиума.

Интерес к симпозиуму намного превзошел первоначальные ожидания. Доказательством этому явился, между прочим, факт, что оргкомитету было представлено большое количество письменных докладов (было принято 45 докладов, из которых 36 поступило одновременно, а 7 перед самым открытием совещания). В них исследуются проблемы, тесно связанные с общей тематикой симпозиума, и проблемы, имеющие к ней лишь периферийное отношение. (Впоследствии появилась мысль о том, что, возможно, целесообразнее было бы заранее ознакомиться с тематикой докладов, указать главные узловые вопросы; однако свободный выбор частной тематики сигнализировал об исследовательской направленности отдельных участников и послужил своего рода «общим зондажем» ситуации.) В работе самого совещания участвовало около 150 языковедов, в том числе 38 зарубежных; кроме ученых всех славянских стран, были также представители ГДР, Румынии, ФРГ и Франции. Некоторые приглашенные гости по тем или другим причинам не смогли приехать; особенно следует пожалеть об отсутствии Т. П. Ломтева, И. Лекова, А. С. Мельничука (автора замечательной книги о развитии славянского предложения) и А. В. Исаченко.

Прения проходили в основном не по отдельным докладам, а по проблемам, объединяющим несколько докладов, или же, по мнению организаторов, вообще особенно актуальным проблемам. Вся тематика была сведена к трем более узким областям: 1) общие вопросы структурных типов славянского предложения, 2) конкретные вопросы этих типов в отдельных славянских языках и их сопоставительно-типологическое изучение, 3) развитие типов предложения и их сравнительно-историческое исследование. Вступительное слово (оценочно-программного характера) произнесли поочередно М. Грелль, Р. Мразек и Я. Бауэр. Всего было свыше 80 выступлений, почти на всех славянских (кроме македонского и украинского) и некоторых западноевропейских языках.

В методологическом отношении брненское совещание ставило целью провести известное сопоставление различных возможных подходов к исследованию и описанию структурных типов простого пред-

ложения (в их системной ценности) в современном синхронном срезе, а также в диахронической динамике славянских языков. В частности, важно было выяснить, какое значение для слависта-синтаксиста уже сегодня имеет применение приемов трансформационно-порождающей грамматики. Вся дискуссия по этому поводу показала, что эти приемы, бесспорно, очень полезны (став в той или иной мере достоянием многих участников), однако пока что находят свое применение почти исключительно в сфере описания современных языков, притом обычно при толковании небезызвестных, зачастую элементарных синтаксических фактов. Кроме того, нельзя не видеть некоторой общей ограниченности этих приемов, и поэтому необходимо применять также другие методы в целях большей объективности и убедительной научной обоснованности наших представлений о языке. Организаторы хотели еще подчеркнуть, что неуместно было бы презрительно относиться к так называемой традиции и резко порывать с ней и что следует стремиться к разработке подлинно структурной теории синтаксиса, шире использовать достижения Прагского лингвистического кружка, его положения о функциональном анализе языковых фактов¹.

К достижениям симпозиума относится, несомненно, высказанное рядом участников мнение о том, что дальнейшее исследование типов предложения не может ограничиваться лишь истолковыванием нескольких наиболее главных схем предложения, уже неоднократно рассматривавшихся, а должно (особенно в сравнительном плане) заняться более низкими ярусами типов предложения, возникающими в результате деривации основных схем; именно здесь, в широкой полосе производных, специализированных типов, возрастают системные расхождения между отдельными славянскими языками; следовало бы вскрывать иерархию критериев и различительных признаков, организующих отдельные ярусы фразовых типов сверху донизу. Принципы структурной лингвистики заставляют не только устанавливать наличный (иерархически упорядоченный) состав типов того или иного языка, но также давать их функционально-стилистическую характеристику, указывая их место в системе данного языка и его парадигматические связи с синонимичными или вообще альтернирующими конструкциями.

Раздавались многочисленные голоса, что при исследовании всего многообразия типов славянского предложения нельзя оперировать только такими их формальными репрезентациями, которые вы-

¹ Идея проф. В. Матезиуса. Ср. также общую теоретическую установку в возобновленных «Travaux linguistiques de Prague», I, 1964; II, 1966.

ражают грамматическое значение изъявительного наклонения настоящего времени, а нужно указывать соответствующие модальные-временные вариации. Вообще подчеркивалась оформляющая роль маркированной модальности (и даже эмоциональности) как важного модификатора немаркированных, чисто грамматических (в узком смысле слова) структур. В связи с этим указывалось, что сама природа языковой коммуникации (реализующейся первично в устном виде) заставляет признавать одним из конституирующих признаков структурного типа предложения, наряду с формальным и семантическим инвариантом, также интонационный рисунок (вернее, род заключительной каденции). Отмечалось также значение исторического изучения для углубленного познания современного состава типов славянского предложения, их взаимных совпадений и расхождений: реальное наличие многих типов в их формально-семантическом единстве может быть документировано именно ссылкой на их историческое становление.

Наконец, в круг задач симпозиума входило выяснение некоторых вопросов, касающихся самих терминов и соответствующих понятий (например, тип предложения, модель, схема, формула предложения, ядерное предложение). Разумеется, организаторам важно было также наладить обмен информацией о работе, проводимой в разных центрах.

Оценивая работу симпозиума, нужно учитывать неразрывную связь письменных докладов и выступлений в ходе заседаний.

В первую тематическую область (общетеоретическую) условно были объединены 18 докладов, в которых рассматривается следующая проблематика: сущность структурных типов (моделей, формул, схем) славянского предложения (М. Грешль, Р. Ружичка), роль семантических аспектов (Ф. Данеш, А. Е. Михневич), связь с категориями формальной логики (Т. П. Ломтев), отличительные признаки простого предложения от других конструкций (Н. Ю. Шведова), возможный подход к классификации славянских простых предложений (И. Леков), значение стилистических критериев (И. Вукович) и интонационного профиля (И. Манкен), трансформационные отношения (О. Лешка), синтаксическая парадигматика (Э. Оливернус), конституирующая роль некоторых определителей глагола (Е. Кржижкова), возможность оперирования членами предложения в структурных описаниях синтаксических конструкций (П. Адамец), предикация и способы ее сигнализации (И. Ружичка, Я. Попела), синтаксис диалектного предложения (Я. Хлоупек, В. Михалкова, Я. Балгар).

В прениях по этой группе докладов (30 выступлений) обсуждались в основном 6 частных вопросов: 1) содержательное

определение понятия структурных типов предложения и родственных понятий, отношение к так называемым ядерным структурам, реальность существования типов предложения как единиц синтаксического плана языковой системы; 2) конститутивные и факультативные элементы отдельных типов предложения; 3) их систематика и иерархизация, вопросы так называемых модальных типов, понятие парадигмы предложения; 4) методы охвата и описания данного синтаксического поля (с особым учетом трансформационного метода); 5) семантическая структура формулы предложения, так называемые поверхностные и глубинные структуры, вопрос о применимости категорий членов предложения; 6) типы предложений в диалектах, речевые реализации и модификации структурных типов. Выступали М. Грешль, Р. Ружичка, М. Ивич, Ф. Гопечный, Ф. Мико, К. Гаузенблас, К. Горалек, К. Попов, О. Лешка, П. Сгалл, Э. Оливернус, И. Циммерман, Й. Вукович, П. Новак, Я. Бауэр, А. Е. Михневич, В. Грабе, И. Манкен, Ж. Веранк, А. Мирвич, Н. Ю. Шведова, Р. Мразек, Я. Хлоупек, Э. Маи, Ф. Данеш, Б. Гавранек.

Во вторую тематическую область, охватывающую сопоставительно-типологическое изучение славянского предложения, можно отнести письменные доклады (всего 16), в которых рассматриваются методологические вопросы изучения и межславянского сравнения типов в связи с соотношением дедуктивных и индуктивных приемов (Р. Мразек), конкретное установление и классификация типов предложений в отдельных славянских языках (К. Попов — в болгарском, с установкой на некоторые стилистически обусловленные типы; М. Ивич — конструкции с формами глагола «быть» в сербско-хорватском языке; З. Клеменевич и Г. Миш — исчерпывающая иерархизация всех основных типов польского языка; Р. Зимек — опыт описания русских типов предложения с точки зрения трансформационной грамматики), так называемый грамматический порядок слов некоторых русских конструкций (А. В. Исаченко), количественное исследование русского предложения на базе его длины (О. Паролькова), сопоставительный микроанализ одного эмоционального типа западнославянских языков (Л. И. Ройзензон), связь структурных фразовых типов с более низкими ярусами языковой системы (А. В. Бондарко — момент аспектuality; Ж. Веранк — влияние глагольной префиксации), общее истолкование русских конструкций с зависимым инфинитивом (М. Кубиг, Р. Конрад), сегментация бесвязочных предложений русского языка (С. Жажа), болгарские построения с предикативным определителем (Э. Маи) и польские конструкции

с дативным предикативно-определяющим местоимением *самети* (Й. Дамборский).

В прениях намечалось обсудить 5 частных вопросов: 1) релевантность критериев при конкретной типологии славянского предложения; 2) сопоставление аналогичных структур в славянских языках в отношении их местоположения в соответствующих языковых системах и их парадигматических связей; 3) полезность изображения схем предложений с помощью символики, целесообразность морфологического или синтаксического аспекта при такого рода формализации, необходимость определенной унификации сокращений и символов; 4) «номинативный» и «неноминативный» строй славянского предложения, т. е. выражение логического субъекта либо именительным падежом, либо косвенными падежами (в связи с правомерностью оценивать последние в качестве грамматического подлежащего); 5) формальное отражение способов деокрегизации «персонального» агенса, системная обусловленность емкости аналогичных формальных средств по отдельным языкам (акцентирование обратного методического пути: от тождества содержания к различию в плане выражения). Однако обсуждались преимущественно первые два вопроса (всего было 18 выступлений). Наблюдался определенный недостаток широкой компаративистской установки при больших типологических обобщениях, в силу чего выступающие в подтверждение своих положений ограничивались большей частью фактами только одного отдельно взятого языка, реже — двух языков. В дискуссии приняли участие Я. Попела, М. Ивич, З. Тополинская, М. Докулил, Я. Бауэр, А. Минович, Б. Погорелец, Е. Кржижкова, Л. Андрейчин, К. Горалец, Г. Шустер-Шевц, О. Паролькова, П. Ондрус, К. Гаузенблас и Я. Хлоупек. Особое внимание уделялось противопоставлению двусоставности: односоставности, эксплицитности и имплицитности некоторых десигнаторов (глагола, субъекта), функциональной адекватности формально сходных структур различных языков, а также недопустимости механического переноса на славянский материал всех тех положений, которые действительно в отношении, например, английского предложения.

Третью тематическую область («сравнительно-историческую») составили 11 письменных докладов, в которых исследуются: общая проблематика развития основных типов простого предложения в славянских языках (Я. Бауэр), развитие побудительного и вопросительного предложений в лужицких языках (Г. Шустер-Шевц), динамика инфинитивных конструкций в чешском языке (Я. Порак), а также в русском языке в сравнении с чешским (В. Грабе), безличные предложения в русских деловых памятниках

XVIII—XIX вв. (В. И. Собинникова), структура старославянского предложения (Р. Вечерка — построения с именным сказуемым; Ч. Бартула — опыт изучения основных типов; К. И. Ходова — роль предложно-падежных форм в строе предложения), функция и развитие синтаксических конденсаторов в славянских языках (М. Елинек), деепричастные обороты в древнечешском языке (И. Миле) и объяснительные конструкции с побудительной модальностью в южнославянских языках (Я. Седлачек).

В качестве центральных вопросов для прений были выдвинуты: 1) способы исследования диахронии фразовых типов (от современного состояния назад в прошлое или наоборот: от древнейших письменных зафиксированных образований к современному состоянию); 2) критерии выделения типов в отдаленные периоды развития языка, интерпретация их формально-семантической природы, инвентаризация типов; 3) вопрос об общей праславянской точке отправления, возможность и методы восстановления доисторического состояния; 4) факторы, вызывающие хронологическую изменчивость типов, системные предпосылки и связи (в том числе и с низшими планами системы языка); 5) дивергентное, конвергентное и параллельное развитие в разных славянских языках, его предполагаемые причины; 6) превращение речевых фактов в языковые (т. е. системные), становление новых типов; 7) значение подмеченных исторических взаимосвязей и закономерностей для оценки структурных взаимоотношений в современном состоянии данной системы. По этим вопросам, в той или иной связи, говорили Р. Вечерка, К. И. Ходова, В. Грабе, З. Клемпешич, М. Ивич, С. Барнет, Б. Гавранек, Ж. Веранк, С. Урбанчик, Ч. Бартула, Я. Порак, Л. И. Ройзензон, Ф. Коупечный, Н. Ю. Шведова, Ф. Михалк, А. Е. Михневич, И. Манкен, А. Лампрехт (всего было 18 выступлений). В общем оказалось, что до сих пор мало разрабатывается в полноту структурном плане динамика развития внешне разрозненных фактов (в смысле поисков общих взаимосвязей, стимулирующих факторов извне или изнутри самой системы и т. д.); недостаточно применяются новые методы в сфере изучения истории синтаксической системы.

М. Грель, Р. Мразек и Я. Бауэр подвели итоги всей дискуссии. После этого был обсужден проект постановления симпозиума, который впоследствии был официально утвержден в Смоленицах. Он содержит следующие важнейшие идеи: а) предложены некоторые темы, которые заслуживают особого внимания славистов-синтаксистов, в частности, исследование модальных типов (в том числе оптативных конструкций и вопросительных конструкций без вопросительных слов), исследование экспрессивной модифика-

ции основных типов и, наконец, изучение соответствующих типов в зависимости от характера агенса в широком смысле слова; б) рекомендуется оживить работу национальных комиссий по изучению грамматического строя славянских языков, устраивать регулярные заседания Международной комиссии по изучению грамматического строя славянских языков, лучше обеспечивать обмен информацией (было предложено учредить при этой комиссии информационный центр по текущей работе в области славянского синтаксиса, создать собственный информационный бюллетень) и издавать сборники трудов по славянскому синтаксису, которые выпускались бы поочередно в отдельных странах. Брненский синтаксический центр выразил готовность содействовать Международной комиссии в осуществлении этого

постановления, а редакция журнала «Slavia» обещала предоставлять место для публикации информации, если нельзя будет обеспечить издание самостоятельного бюллетеня.

Встреча широкого круга синтаксистов-славистов на симпозиуме в Брно была, в общем, весьма успешной в деловом отношении и проходила в сердечной и рабочей обстановке. Работа симпозиума, несомненно, явится (особенно после издания его материалов в сборнике «Вопросы славянского синтаксиса», т. II) положительным вкладом в разработку методологии и в конкретное углубленное изучение структур простого предложения в славянских языках накануне предстоящего VI Международного съезда славистов в Праге.

Роман Мразек

НА ИСТОРИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЗАГРЕБСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

На историческом отделении философского факультета в Загребе шесть самостоятельных кафедр: две — национальной истории (хорватская история и история СФРЮ), три — всеобщей истории (древняя история, история средних веков и новая история) и одна — вспомогательных исторических дисциплин. За исключением последней, все кафедры полностью укомплектованы преподавателями — на них работают 3 профессора, 3 экстраординарных профессора, 4 доцента, 1 преподаватель и 4 ассистента. Учебный план составлен таким образом, что слушатель обязан в течение 4 лет пройти определенное минимальное число семестров по каждому предмету, так что каждый предмет, как правило, читается не в форме единого законченного курса, а в форме ряда более или менее специальных курсов.

Хотя за последние годы неоднократно подчеркивалась необходимость организации на факультете Исторического института, этого до сих пор не произошло по многим причинам, в первую очередь финансовым. В какой-то мере отсутствие такого института восполняет своей деятельностью ежегодник Исторического общества Хорватии — «Хисторийски зборник», который выходит с 1948 г. и обладает всеми существенными чертами научного журнала, в частности имеет большой критический отдел. Деятельность вышеупомянутого общества, которое на своих совещаниях, симпозиумах и семинарах проводит значительную работу, а также его журнал, значение которого выходит за пределы республики Хорватии, являются результатом в первую очередь усилий и стараний членов отделения (проф. Я. Шидак, бессменный

редактор «Хисторийского зборника» с 1948 г.; проф. М. Гросс, председатель Исторического общества; преподаватель И. Кампуш и доц. Л. Бобан, секретари общества; доц. И. Караман и др.).

Хотя редакция «Хисторийского зборника» до некоторой степени и направляет деятельность научной молодежи, все же в отделении научная деятельность не носит коллективного характера. Это относится и к неперiodическому изданию «Труды Исторического отделения»; до настоящего времени их вышло всего пять номеров (1959—1963 гг.).

Научная деятельность ряда сотрудников отделения накладывает известный отпечаток на хорватскую историографию на настоящем этапе ее развития. В целом можно сказать, что в основном они занимаются историей XIX и XX вв., хотя внесли значительный вклад и в медиэвистику. Экстраординарный профессор Нада Клаич в настоящее время является несомненно самым продуктивным хорватским медиэвистом. Она постоянно ставит различные проблемы, до сих пор оставшиеся вне поля зрения исследователей. Результатом ее деятельности является обширное фундаментальное исследование хорватской истории до XII в. В настоящее время она работает над хорватской историей до 1526 г., с которого мы начинаем нашу историю нового времени. Я. Шидак, начавший свою научную деятельность как медиэвист, продолжает разрабатывать проблему еретической «боснийской церкви» в тесной связи с проблематикой богомилства и средневековых сект вообще. Преподаватель И. Кампуш изучает древнюю историю Градеца (Загреба), а ассистент Т. Раукар — спорные проблемы боснийской кириллицы.

Отдельные вопросы, главным образом в плане социально-экономического развития хорватских земель в XVI—XVIII вв., изучают ассистенты И. Адамчек (хорватское село накануне крестьянского восстания 1573 г.), Н. Клаич (крестьянские восстания XVII в.), И. Караман (крестьянское восстание 1755 г. и др.) и Я. Шидак (проблема села в заговоре П. Зринского; по этому вопросу возникла дискуссия между ним и Н. Клаич и Б. Графенауером).

Как и во всей современной хорватской историографии, в отделении главное внимание все больше уделяется хорватской истории XIX и XX вв. Проф. В. Богданов, который до публикации своей книги о политических партиях в Хорватии (1958) изучал главным образом события 1848 г. и их предысторию, начал заниматься более поздним периодом (народное движение 1903 г.). Я. Шидак, полемизируя с некоторыми основными идеями Богданова, опубликовал после 1960 г. несколько работ по проблемам иллирийского движения и революции 1848 г. Высокую оценку заслужила работа И. Адамчика о национальной гвардии в 1848 г. И. Караман все свои научные интересы сосредоточил на изучении экономического развития в хорватских землях в XIX и начале XX вв. Ряд публикаций доп. Л. Куртич и проф. М. Гросс посвятили возникновению национально-радикальной партии права в 1860 г. и дальнейшей ее деятельности. Своими трудами о рабочем и социалистическом движении и о политической борьбе в Хорватии накануне первой мировой войны М. Гросс заложила основы научной разработки этой проблематики. Периоду первой мировой войны посвящена и работа доп. Р. Ловренчича об экономических взглядах Франьо Сушило. Значительное число монографических работ, освещающих период после 1848 г., позволило подготовить большой коллективный обобщающий труд по хорватской истории 1860—1914 гг., который в конце 1966 г. сдан в печать (авторы Я. Шидак, М. Гросс, И. Караман и Д. Шепич).

В соответствии с основными тенденциями политического развития того времени и с возросшим интересом к межнацио-

нальным отношениям в нашей современной общественной жизни особое внимание в работах по XIX — началу XX в. обращается именно на национальные проблемы. Это особенно относится к работам доп. Л. Бобана, исследующего вопрос о соглашении Цветковича-Мачека (1939), а также историю Югославии в годы правительства М. Стоядиновича.

За пределами чисто хорватской истории, которая, однако, по своей проблематике с конца XVIII в. носит ярко выраженный югославянский характер, ведет работу ассистент Л. Доклестич (история Македонии). Труды проф. М. Суича по истории приморских хорватских районов в античное время частично примыкают к общей хорватской проблематике.

Работая в основном в области хорватской истории (в которой сотрудники отделения стремятся заполнить многочисленные пробелы, оставленные нам в наследство буржуазной историографией), исследовательскую работу в области всеобщей истории они ведут лишь в незначительном объеме. Экстраординарный профессор М. Брандт уже долгое время работает над подготовкой первого отечественного учебного пособия по всеобщей истории средних веков. К переводу «Киевской Руси» Б. Д. Грекова он приложил краткую историю России до XV в. Ряд проблем разработан в обширном докладе «Национальные проблемы в габсбургской монархии», написанном Я. Шидаком и В. Богдановым в соавторстве со словенским историком Ф. Цвиттером для XI международного конгресса историков в Стокгольме в 1960 г.

Учитывая все это, можно сказать, что историческое отделение философского факультета в Загребе стало одним из важнейших центров исторической науки не только в Хорватии, но и в Югославии. По некоторым итогам его работы, особенно в области новейшей хорватской истории, и по материалам «Хисторийского сборника», можно судить, что это отделение играет видную роль в развитии хорватской историографии. Для молодых историков при нем недавно была учреждена двухлетняя аспирантура по национальной истории XIX и XX вв.

Ярослав Шидак

ЮБИЛЕЙ КЛИМЕНТА ОХРИДСКОГО В БОЛГАРИИ

В связи с 1050-летием со времени кончины великого просветителя Национальный комитет всенародного чествования Климента Охридского провел с 5 по 8 декабря 1966 г. в Болгарии ряд юбилейных мероприятий.

5 декабря 1966 г. в Народной опере в Софии состоялось торжественное собрание. Его открыл председатель Национального комитета и Комитета по делам

культуры и искусства Павел Матов. С докладом выступил ректор Софийского университета им. Климента Охридского акад. Димитр Косев. На собрании присутствовали представители софийских трудящихся, ученые — историки и филологи-слависты, деятели культуры, преподаватели и студенты софийских вузов, а также член Политбюро ЦК БКП акад. Тодор Павлов, председатель Бюро На-

родного собрания акад. Сава Гановски, Секретарь ЦК БКП Велелин Коцев, министр народного просвещения Ганчо Ганев, руководители творческих союзов, ученые-слависты из разных стран.

После доклада акад. Д. Косева состоялся большой концерт, на котором была впервые исполнена Кантата в честь Климента Охридского композитора Добри Добрева на слова поэта Анастаса Стоянова.

6—7 декабря 1966 г. в Болгарской академии наук состоялась научная сессия, посвященная памяти Климента Охридского (организована Комитетом культуры и искусства, Софийским университетом и Болгарской академией наук). Ее открыл вице-президент БАН акад. Владимир Георгиев. На сессии были зачитаны доклады акад. Ивина Снегарова — «Епископия Климента Охридского», проф. Димитра Ангелова — «Дело Климента Охридского и болгарская народность и культура», акад. Петра Динелова — «Климент Охридский и средневековая болгарская литература», старшего научного сотрудника Ивана Дуйчева — «Научный интерес к деятельности Климента Охридского», чл.-корр. Кирила Мирчева — «Дело Климента Охридского и развитие болгарского языка», чл.-корр. Христо Христова — «Климент Охридский и историческая жизнь болгарского народа», чл.-корр. Емила Георгиева — «Состояние научной проблематики, связанной с личностью и деятельностью Климента Охридского», старшего научного сотрудника Боню Ангелова — «Сочинения Климента Охридского и их судьба», а также сообщения научного сотрудника Надежды Драговой — «Климент Охридский как возможный первый болгарский летописец» и доц. Петра Петкова «Климент Охридский как государственный деятель и администратор».

С приветствиями и научными сообщениями на этой сессии выступили декан философского факультета Университета в Скопле проф. Кирил Пенушлийски, декан филологического факультета Краковского университета проф. Франтишек Славский, профессор Пражского университета Карел Хоралек, проф. Валентин Кипарский из Финляндии, профессор Солуньского университета Антуан Тахеас, профессор Бухарестского университета Дамян Богдан, чл.-корр. Чехословацкой академии наук Йозеф Курру, а также член делегации Академии наук СССР проф. С. Б. Бернштейн, выразивший пожелание, чтобы эти торжества дали но-

вый толчок научным исследованиям наследия учеников Кирилла и Мефодия — Климента, Ангелария и других менее изученных деятелей славянской письменности IX века.

Утром 8 декабря 1966 г. в Софийском университете у памятной доски в честь Климента Охридского состоялся митинг студентов и преподавателей, а затем в помещении Народного театра «Иван Вазов» открылось торжественное собрание Софийского университета им. Климента Охридского, в котором приняли участие член Политбюро ЦК БКП акад. Тодор Павлов и гости — ученые-слависты.

Собрание открыл ректор Университета акад. Д. Косев. С докладом «Дело Климента Охридского — наша гордость и вдохновение» выступил проф. Жечо Атанасов. Зам. директора Института славяноведения АН СССР И. М. Шептунов отметил, что благодаря развитию древнеславянской литературной традиции, в чем особенно велика заслуга Климента Охридского, стал возможным быстрый рост взаимных контактов и связей в области культуры, идеологии и политики между славянскими народами. Русские ученые Ундольский, Лавров, Соболевский, Попов, Туницкий и другие, внесли большой вклад в дело изучения наследия Климента Охридского.

Затем с приветствием выступил проф. Франтишек Славский из Польши. Торжественное собрание завершилось большим концертом студенческой самодеятельности.

К началу юбилейных торжеств в Софии в Народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия 5 декабря 1966 г. была открыта документальная выставка, посвященная деятельности и эпохе Климента Охридского. К этим же торжествам были приурочены издания большого сборника статей «Климент Охридский», предпринятого Болгарской академией наук и Софийским университетом, библиографии произведений Климента Охридского и работ о нем, а также книги Надежды Драговой «Климент Охридский» и работы А. Милева «Греческие жития Климента Охридского». Болгарские кинематографисты создали к торжествам документальный фильм «Климент Охридский».

Большая и плодотворная работа, развернувшаяся в Болгарии в связи с юбилеем Климента Охридского, еще раз показала общеславянское значение дела Климента Охридского и его соратников и учеников.

И. М. Шептунов

CONTENTS

- I. S. Konev.* The battle comradeship of the Soviet Army and the Polish Army in the struggle for the liberation of Poland from the fascist occupation. *E. I. Ryabova.* Slovene revolutionary poetry of the twenties. *Henryk Łowmiański* (Poland). Mutual relations between Poland and Rus' in the Middle Ages. *V. Maryina, G. Murashko.* Technical reconstruction of the agriculture in Czechoslovakia (1948—1960). *L. A. Zarubin.* Similar features of Zoolatrim and transition to anthropomorphism among the Indo-Aryans and Slavs 3

COMMUNICATIONS

- S. Sh. Grinberg.* Foreign capital in Bulgarian industry at the end of the XIX century. *A. S. Sokolovskaya.* Lexical typology of dialects and ethnolinguistic differentiation of the Pripyat Polesie. *V. V. Niyakuj.* On the escape of Jaroslaw and Pelagia Dombrowski. *R. A. Simonov.* Was the symbol γ used for a numeral in the Enin Apostol of the XI century? 53

REVIEWS

- N. D. Smirnova, V. K. Volkov.* The German-Yugoslav relations and the disintegration of the Minor Entente (1933—1938). *V. A. Dyakov.* New books on Polish-Byelorussian, Byelorussian-Lithuanian and Russo-Polish contacts of the second half of the XIX century. *V. K. Volkov.* Д. Сирков. Българската работническа партия в защита на националната независимост на България (1 септември 1939—1 март 1941). *I. I. Kostiuszko.* Krzysztof Groniowski. Kwestia agrarna w Królestwie Polskim. 1871—1914. *M. V. Guryeva.* Трендафила Ангелова. Борба за младежко антифашистко единство в България. *M. F.* The Catalogue of the Exhibition devoted to the tercentenary of Ivan Lučić's book. *L. S. Kishkin.* Following the traces of the materials about Pushkin in Czechoslovakia. *I. K. Gorskiy.* On the problem of Byelorussian — Polish literary contacts. *Ju. Bogdanov, J. Felix.* Harlekýn sklonený nad vodou. *N. Bogomolova, J. I. Kraszewski* as seen from his correspondence with friends. *G. K. Venediktov.* Slavic languages in «The identification of the languages of the world by their alphabets». *M. I. Ermakova, H. Popowska-Taborska.* Dawne pogranicze językowe polsko-dolnołużyckie. Библиография 77

SCIENTIFIC LIFE

- S. Antoniuk.* The scientific session of the historians of the Ukraine and Poland. *N. Danilova.* The Symposium on the problem «The Genesis of capitalism, the national-liberation movement and the formation of national culture in the Slavic countries (the end of the XVIII — the Seventies of the XIX century)». *D. Belkin.* Slavic studies at the humanities departments of higher educational establishments in Gorky. *B. A. Zilbert.* Slavic philologists of Saratov prepare to the VI International Congress of Slavists. *Ju. R.* At the USSR Academy of Sciences Dante Commission. *A. Solovyova, R. V. Zenin, N. S. Zakhar'yina, L. S. Snegina.* The defense of the dissertation theses. *P. A. Dmitriev.* At the department of philology of the Leningrad University. *Roman Mrazek* (Czechoslovakia). The International symposium at Brno on the structural types of the Slavic sentence. *Jaroslav Sidak* (Jugoslavia). At the department of history of the philosophical faculty of the Zagreb University. *I. M. Sheptunov.* The anniversary of St. Climent of the Okhrid in Bulgaria 112

Технический редактор *T. A. Михайлова*

Сдано в набор 15/II-1967 г. Т-03190 Подписано к печати 11/IV-1967 г. Тираж 1200 экз.
Зак. 2247 Формат бумаги 70×103¹/₁₆ Печ. л. 11,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. листов 13,9

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

Индекс 70891